

ГОУ ВПО «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ СЕРВИСА И ЭКОНОМИКИ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им.
Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения
конфликтов

Ю.П. Шабает, А.М. Чарина

**Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в
России (этнополитический анализ)**

Санкт-Петербург, 2010

УДК
ББК

Ответственный редактор:

Рецензенты:

Доктор политических наук В.А. Ковалев
Кандидат исторических наук В.В. Степанов

Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). – Санкт-Петербург-Москва: 2010. – 309 с. – ISBN

Монография посвящена анализу этнического национализма и роли этнических элит в конструировании националистических концептов. Основное внимание уделено характеру политической эволюции этнонациональных движений финно-угров РФ и изменениям в их идейных позициях и политической практике, а также тому, в какой мере гражданские идеалы и ценности восприняты этнонационалистическими движениями. Более того, проблема соотношения этничности и гражданства является базовой основой работы. Проблема рассматривается в широком контексте этнокультурного развития финно-угорских народов РФ, поэтому значительное место в работе уделено анализу этнодемографических и этнокультурных процессов, происходящих на территориях традиционного

проживания названных народов. Показаны и обоснованность идейных конструкций культурными реалиями, и их противоречивость.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава 1. Демография в этнокультурном дискурсе: проблемы восприятия.

Глава 2. Эволюция культурных доктрин или лингвистический национализм?

Глава 3. Региональные варианты этнической политики.

Глава 4. Финно-угорские этнонациональные движения и их идеология.

Глава 5. Об идеях «Финно-угорского мира».

Глава 6. Роль этнонациональных движений на современном этапе.

Глава 7. Политизация этничности: отечественные и зарубежные акторы в российском этнополитическом процессе.

Заключение.

Приложения

Введение

Дискуссии по поводу национализма и его роли в современных политических процессах в кругах отечественных и зарубежных исследователей не утихают. Впрочем, что касается отечественной научной традиции, то в основном проблемы национализма дискутируются представителями центральных научных учреждений и главным образом столичными учеными-обществоведами. Если же говорить о региональных исследователях, то для них обсуждение проблем национализма есть не только не популярная, но даже и не вполне желательная тема. Между тем именно в регионах, особенно в так называемых «национальных регионах», проблема национализма имеет особую актуальность, поскольку этнический национализм в политической жизни этих регионов - заметное явление, а эволюция местных национализмов есть важный предмет изучения и обсуждения.

В публикациях на тему национализма вообще и этнического национализма в частности говорится об «этнической революции», «этническом парадоксе современности», «новом национализме», что связано с очевидной актуализацией этнополитики в различных регионах мира, со сложным сочетанием процессов глобализации и регионализации. Более того, этнический национализм является движущей силой многих этнополитических организаций в России, и этнические антрепренеры приложили немало усилий к тому, чтобы «романтизировать» и институционализировать идеологию этнического национализма.

Этнические антрепренеры смогли навязать региональным политическим элитам и отчасти федеральным политическим институтам свое видение моделей региональных сообществ, свой язык, свои принципы этнонациональной политики. Территориальные, клановые, этнические интересы пронизывают сегодня и государственные институты, и многие сферы общественной деятельности: они все более очевидно проявляют себя в армии, в судебной системе, в экономике (не случайно возник термин «этническое предпринимательство»). Этничность, местничество, клановость, регионализм в социологическом плане вполне объяснимы, поскольку они являют собой различные формы местной солидарности, используемые как ресурс для культурной, экономической и политической конкуренции, а порой и как способ противостояния дискриминации или культурного отторжения.

Но попытки представить этничность как универсальную форму организации социальных групп, противопоставление этничности гражданству, построение этнических

иерархий и абсолютизация границ между этническими сообществами создают условия для роста конфликтного потенциала в обществе, а очень часто ведут к культурному расизму. Националистические практики и идеи, маркируемые как стремление «защитить» представителей группы, «сохранить» ее культурное своеобразие, на деле очень часто прикрывают откровенно расистский смысл культурных и политических концептов, выдвигаемых этническими антрепренерами и поощряемых их покровителями (отечественными и зарубежными). В этом отношении наиболее показательным рассмотреть ситуацию в тех регионах, которые связаны с российским государством многовековой историей и общими культурными традициями. К таковым в первую очередь относятся регионы, где исторически проживают уральские народы, а точнее те их группы, которые принято называть финно-угорскими – это пермские финны (коми, коми-пермяки, удмурты), поволжские финны (марийцы, мордва) и прибалтийские финны (финны, эстонцы, карелы, водь, ижора, вепсы, ливы), а также обские угры - ханты и манси (саамы не принадлежат ни к одной из названных групп). К самодийской ветви уральской языковой семьи относятся ненцы, энцы, нганасаны и селькупы, но они в культурном плане существенно отличаются от финно-угров и потому социальное, культурное, политическое развитие последних логично рассматривать отдельно от финно-угров. Тесное межкультурное взаимодействие между финно-угорскими народами и русскими привело к формированию многих общих черт культуры у взаимодействующих этнических групп, а районы их расселения стали полиэтничными много столетий назад, хотя долгое время на этнических территориях финно-угров сохранялось или их численное доминирование, или их значимое представительство в составе местного населения.

Однозначно же относить субъекты РФ, которые названы именем того или иного финно-угорского народа к этнической территории только данного народа нельзя, ибо они исторически являются этническими территориями и других народов тоже. Но политизация этничности, которая произошла в конце 1980-х – начале 1990-х гг., сопровождалась выдвижением идей и лозунгов, которые превращали этничность в политический манифест. С помощью мобилизованной этничности поликультурное пространство регионов гомогенизировалось и маркировалось как политическая «вотчина» отдельных этнических групп. Отсюда возникли такие устойчивые этнополитические маркеры как «финно-угорские регионы», «финно-угорский мир», утвердились в официальном календаре «дни родственных народов», которые закрепляли не идею культурной общности россиян, а способствовали ее разрушению, ибо из российского культурного пространства вычленялись лингвистически родственные народы

и культивировалась идея единения этих народов в особую транстерриториальную и трансграничную общность.

В качестве механизма конструирования такой общности были созданы структуры в виде межрегиональных культурных инициатив (тележурнал «Финно-угорский мир», фольклорные и театральные фестивали, съезды финно-угорских писателей и т.д.), а также общественных объединений и «независимых от правительств и политических партий» [Кирдяшов, 2008: 22] всемирных конгрессов финно-угорских народов, спонсируемых за счет государства.

В идеале все названные культурные инициативы должны были способствовать прогрессу российских финно-угров, помогать расширению и укреплению культурного взаимодействия как между собственно финно-уграми, так и народами РФ в целом, но на практике они нередко приводили к политизации этничности и, как это не парадоксально, ослаблению культурных позиций финно-угров. Кроме того, этнополитические организации и движения способствовали вовлечению в этнополитические процессы внешних акторов, попытавшихся предельно политизировать и «демонизировать» ситуацию, складывающуюся в культурной и политической жизни финно-угорских народов России.

Этнонациональные организации российских финно-угров, которые появились или были воссозданы на рубеже 1980-1990-х гг., первоначально ставившие перед собой цель поддержания культурной самобытности народов, очень быстро ушли от практической созидательной работы в области культурного строительства и сместили акценты в своей деятельности в сторону политизированной этничности и культурных мистификаций.

В результате возникла ситуация, когда логика развития этнонациональных движений и характер деятельности этнических элит совершенно не совпадали с логикой политического развития страны и потребностями этнических сообществ, которых эти элиты пытались представлять. Чтобы понять, как это произошло, необходимо оценить политическую эволюцию этнонациональных движений и их идеологических позиций, оценить причины появления и значение новых идентичностей, рассмотреть возможные пути политической трансформации финно-угорского движения. На наш взгляд, анализ политической практики этого движения, его идеологических конструкторов могут быть весьма полезны как для теоретических дискуссий, так и для практики социального управления.

Этнонациональные движения финно-угорских народов интересны тем, что эти движения представляют собой своеобразный «этнополитический полигон», где сталкиваются тенденции к глобализации и регионализм, этничность и гражданственность, политические

мифы и социально-экономические реалии. Нам уже неоднократно приходилось обращаться к анализу тех процессов, которые происходят в «финно-угорском мире» [Шабаев, 1998; *Shabaev, Zherebtsov* 1998; Шабаев, Ковалев, 2002; Шабаев, 2003; *Shabaev*, 2004; Шабаев, Чарина, 2008], но сегодня есть основания говорить о некоем новом этапе развития этнонациональных движений финно-угров и новом качестве культурной эволюции тех народов, от имени которых эти движения выступают, а это требует вновь вернуться к данной теме.

Вместе с тем, оценивая этнополитическое и культурное развитие российских финно-угров, важно не только рассмотреть идеологию и практику этнонациональных организаций и ее обусловленность реальными изменениями в культурной жизни данных народов, но и оценить характер демографических процессов на территории проживания названных народов, социокультурные изменения в облике российских финно-угров, практику региональной этнонациональной политики, характер межкультурного взаимодействия между финно-уграми и их этническим окружением, правовое положение, характер культурного потребления, особенности этнической и гражданской идентификации и ряд других вопросов и проблем, анализ которых позволяет оценить глубину и степень изменений в культурном и социальном облике финно-угорских народов России, определить вектор их культурного развития, понять доминирующие в массовом сознании настроения и сделать прогнозы на ближайшую перспективу.

Многие из тех вопросов, о которых мы упомянули, уже становились предметом научного анализа, ибо финно-угроведение как исследовательское направление оформилось в отечественной науке еще в 1920-е годы и важнейшую роль в его становлении сыграл Д.В. Бубрих [*Шаскольский*, 1994]. Изначально в финно-угроведении основное место принадлежало языковедению, но Д.В. Бубрих рассматривал финно-угроведение как комплексную дисциплину (фактически же речь шла о комплексе смежных научных дисциплин) и именно такой подход он реализовал при организации в 1947 г. первой всесоюзной конференции по вопросам финно-угроведения.

Однако организационное оформление данного научного направления, как известно, произошло спустя целое десятилетие. В 1958 г. в Хельсинки состоялась конференция исследователей финно-угорских языков, посвященная 75-летию Финно-угорского общества, на которой было принято решение о проведении регулярных (один раз в пять лет) международных научных конференций по финно-угорскому языкознанию и тогда же аналогичное решение принимается на совещании советских финно-угроведов в Ленинграде. В 1960 г. в Будапеште проходит первый конгресс финно-угроведов, после чего эти конгрессы стали проводиться регулярно и их поочередно принимали Финляндия,

Венгрия, СССР (затем Россия) и Эстония [Сануков, 2002]. Общую направленность финно-угорских исследований в СССР можно было определить по содержанию журнала «Советское финно-угроведение», который с 1965 г. стал издаваться в Таллине. Тематика публикаций была исключительно языковедческой, причем общие вопросы функционирования и развития языков не являлись предметом рассмотрения авторов, а основное внимание уделялось частным языковедческим проблемам. Следует отметить, что и на всесоюзных конференциях финно-угроведов (которых было проведено 17), и на международных конгрессах финно-угров продолжали доминировать лингвистические исследования и частнонаучные вопросы. Серьезное расширение тематики исследований финно-угроведов и смещение интереса исследователей к анализу общих закономерностей в культурном развитии российских финно-угров стало происходить в середине 1980-х годов, о чем свидетельствовали отчасти и материалы VI международного конгресса финно-угроведов, проходившего в Сыктывкаре. На пленарном заседании конгресса был представлен доклад, подготовленный совместно академиком Ю.В.Бромлеем и известными советскими этнографами В.В.Пименовым, З.П.Соколовой, Н.В.Шлыгиной. В докладе впервые делалась попытка дать комплексный анализ развития российских финно-угорских народов, определить тенденции их этнокультурного развития. Позднее ключевые положения названного доклада стали основой для отдельной главы в монографии Ю.В. Бромлея, посвященной анализу этносоциальных процессов в СССР [Бромлей, 1987: 177-191].

Этнографическое изучение финно-угорских народов России началось еще в XVIII в., но наиболее мощный стимул его развитию дали процессы национально пробуждения в Финляндии, которые предшествовали формированию финского национального движения и явились основой для становления финского национализма. Феннофильское движение придавало особое значение поиску исторических корней финского народа, определению его места в европейском культурном пространстве. Поэтому во второй половине XIX в. в кругах романтически настроенной финской интеллигенции возникает идея создания специального общества, которое бы занималось изучением финно-угорских народов, поиском их исторической прародины. В 1883 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) было создано Финно-угорское общество, устав которого был утвержден Сенатом. С 1886 г. Общество стало издавать свой «Журнал», а с 1890 г. – «Труды». Общество способствовало организации и проведению многочисленных экспедиций в регионы проживания финно-угорских народов, спонсировало издание трудов по финно-угорскому языкознанию, этнографии и фольклору «восточных финнов». Все материалы экспедиций, которые финансировались за счет Общества, передавались в его архив, который стал одним из

крупнейших хранилищ научной информации, связанной с изучением финно-угорских народов. Однако успешная деятельность Общества продолжалась лишь до первой мировой войны. После захвата власти большевиками в 1917 году и признания независимости Финляндии для финских ученых были утрачены возможности проведения собственных исследований на территории России, равно как и возможности для тесных контактов с российскими учеными, хотя некоторые небезуспешные попытки активизировать контакты в 1920-е гг. со стороны Финно-угорского общества предпринимались [Salminen, 2009: 235-242].

Восстановленные с учреждением международных финно-угорских конгрессов контакты, однако, не привели к восстановлению прежней исследовательской активности финских ученых ни в советские годы, ни постсоветскую эпоху, что не давало возможности накапливать научные данные и адекватно оценить глубину и многообразие культурных и социальных изменений у российских финно-угров. Преодолеть многолетний пробел в полевых исследованиях было сложно и, безусловно, он сказывается на выводах и заключениях, которые делают финские исследователи, пытаясь анализировать культурную эволюцию финно-угорских народов в последние десятилетия. Критический и объективный анализ названных процессов со стороны финских и других зарубежных исследователей был бы крайне полезен и для российских финно-угроведов, многие из которых находятся в плену иллюзий и романтических представлений, свойственных исследователям XIX столетия.

Для финно-угроведения XIX в. был характерен процесс мифологизации и героизации исторического прошлого финно-угорских народов. Национальная интеллигенция сама «творила» общее прошлое.

Не менее показательны были и поиски исторической прародины, и попытки скорректировать результаты полевых исследований под собственные представления о ней. Во второй половине девятнадцатого столетия много сторонников имела теория прародины во внутренних областях Азии. Эстонский ученый Ф.Й. Видеман и виднейший финский исследователь финно-угров М.А.Кастрен независимо друг от друга обосновывали гипотезу о том, что уральская и алтайская языковые семьи имеют общее происхождение и в прошлом проживали на соседних территориях в центре Азии. М.А. Кастрен на основании своих научных предположений надеялся найти топонимы финно-угорского происхождения во внутренней Азии, между горными хребтами Алтая и Саян. Для подтверждения своих этимологических разысканий М. Кастрен ссылался на так называемый «камасинский язык», 300 слов которого он якобы записал во время своей сибирской экспедиции. Эти слова имели сходство с самодийскими языками, на основании

чего Кастрен сделал вывод, что прародину уральцев следует искать именно там, где он указывал. Однако записи Кастрена вызывают серьезные сомнения, ибо никто после него не мог найти убедительных подтверждений связи между самодийцами и населением Алтая и Саян, не обнаружил даже остатков того словарного фонда, который был зафиксирован исследователем. Более того, есть основание предполагать, что мы имеем дело с одной из исторических мистификаций, ибо сам этноним «камасинцы» является одним из многих этнонимов, связанных с этническими группами, которых при советской власти объединили под общим названием хакасы. Но важно не столько то, куда исчезла самодийская лексика из словарного фонда населения Саян, сколько то, что мифологизация и научная мистификация тесно связаны с финно-угорскими исследованиями изначально.

Традиции научных мистификаций как в финно-угроведении в целом, так и в языкознании не изжиты и продолжают существовать. В частности это проявляется в попытках вновь использовать скандинавские саги о Биармии для исторического мифотворчества, в стремлении творить культурную реальность путем массивного словотворчества языковедов из Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии (результатом которого стало появление тысяч новых слов в литературных языках финно-угров), а также в новых попытках обнаружить прародину финно-угров [Лунатов, 2005]. Конечно, поле мистификаций существует не только за счет усилий исследователей, но и расширяется, благодаря деятельности различных этнических антрепренеров и политиков. Одной из таких политических конструкций являлась идея «Великой Финляндии».

Великая Финляндия как историко-культурное понятие возникло в среде фенноманского движения еще до обретения Финляндией государственной независимости и было введено в оборот финским публицистом и общественным деятелем К.-Э. Аспелундом. Идея Великой Финляндии подразумевала объединение всех финно-угорских народов России под главенством Финляндии. Еще в те времена «Великая Финляндия» в представлении различных общественных и политических деятелей имела различные границы: от простого объединения Финляндии и Карелии, до простирающейся к Уралу и даже Америки (Аляски) – у самого Аспелунда. С 1920-е гг. идея приобрела форму политического понятия и стала активно использоваться в геополитических теориях «жизненного пространства» Финляндии [Auer, 1941].

Идеи экспансии на культурную периферию, сочетались не только с представлением о миссии Финляндии как «просветителя» родственных восточных народов, но и с откровенной русофобией. Достаточно широко были известны высказывания президента Финляндии П.Э. Свинхувуда «Россия - единственный постоянный враг Финляндии, а любой враг России должен быть всегда другом Финляндии» [Ерофеев, 2007: 212] и

аналогичные по смыслу заявления других финских политиков. При этом Финляндия провозглашалась форпостом борьбы с угрозой коммунизма, а ее восточная граница - «восточным пределом Европы». Такая позиция была характерна не только для правительства, но и для определенных кругов общественности. Усиленно пропагандировалось враждебное отношение ко всему, связанному не только с царской, но и с Советской Россией, а иногда и с русским народом. Антирусские настроения, ненависть к русским - *ryssaviha* - приобретала, даже по оценкам некоторых финских исследователей, ярко выраженный шовинистический характер. Эта ненависть наиболее ярко проявилась в период гражданской войны в Финляндии, когда были устроены настоящие этнические чистки в Хельсинки и Выборге, в ходе которых были убиты тысячи русских жителей этих городов и русских солдат и офицеров [Ерофеев, 2007: 211-212], а также в период второй мировой войны, названной финской историографией войной-продолжением. Несмотря на то, что в целом финские историки старались изображать военные действия и оккупацию карельских территорий в положительном свете, ряд исследователей все же смогли дать описания расовой дискриминации, выражавшейся в стремлении оккупационных властей очистить Карелию от русских, и назвали войну-продолжение «расовой войной», чем вызвали волну возмущения в стране [Бэкман, 2005:112-119].

Именно идеи «Великой Финляндии» были заложены в основу деятельности активистов Академического Карельского общества и Ингерманландского союза, Комитета Карельского национального союза Восточной Карелии и ряда ветеранских организаций (деятельность этих общественных организаций была запрещена после второй мировой войны, но она вновь возобновилась в конце XX в.). Данные организации культивировали образ «плачущей Ингрии, дочери Финляндии», ими велась речь о том, что еще взойдет солнце над той Ингрией, где не будет русских [Рупасов, 1996; Юссила, 1998; Jutikkala, 1964].

Противоположной политической конструкцией была идея «финно-угорского заговора», рожденная следователями НКВД и поддержанная рядом отечественных ученых. В начале 1930-х годов в центральной печати появилась серия погромных статей ряда авторов: Пальварде М.Ю. «Буржуазная финская этнография и политика финского фашизма», Худяков М. «Финская экспансия в археологической науке» и т. д. Если до этого времени ученые писали о прафинноугорской общности, о прафинских языках, об общих корнях финно-угорских языков и общих явлениях в материальной и духовной культуре, то теперь все это стало отрицаться и подвергаться сомнению [Сануков, 2000]. Данные обвинения послужили основанием для фабрикации советскими спецслужбами дела о Союзе освобождения финских народов (СОФИН). Обвиняемым, проходящим по этому делу,

вменялось в вину то, что в течение ряда лет совместно с агентами из Эстонии и Финляндии и при поддержке работников посольств этих стран они вели работу по созданию на территории СССР подпольной контрреволюционной сети, развернутой во всех районах проживания финно-угорских народов и ставящей своей конечной целью вооруженное восстание в Удмуртии и других республиках, которые бы привели к отторжению этих областей от СССР и созданию «единой финно-угорской федерации» с демократической формой правления [Куликов, 1997; Терюков, 1997].

Очевидная политизация гуманитарных исследований, в том числе и финно-угорских, сохранялась на протяжении всей советской эпохи. Казалось, она будет изжита после краха советского режима, но этого не произошло.

Творческое раскрепощение ученых сопровождалось их закрепощением этническими стереотипами и этнической лояльностью. Дело в том, что на рубеже 1980-1990-х гг. в СССР и в России начался процесс, который активистами этнополитических движений был не очень корректно назван «национальным возрождением». В числе лидеров многих этнополитических движений оказались представители гуманитарной «национальной» интеллигенции: писатели, журналисты, ученые-гуманитарии. Естественно, что миссией этой интеллигенции стала выработка идеологии названных движений. Идеологические конструкции финно-угорских этнополитических организаций и движений отличались тем, что они почти повсеместно исходили из примордиалистского понимания природы этничности [Theories, 1996], которое было характерно для советской школы этнографии. Это понимание оказалось весьма устойчивым и не случайно японский исследователь Т. Уяма отмечал: «На Западе ...сдвиг к инструментализму/конструктивизму произошел после 60-х годов. Советская же наука этногенеза была настолько хорошо организована и оформлена, что преодоление ее наследия до сих пор представляется проблематичным» [Уяма, 2003: 43].

Сегодня примордиализм (эссенциализм, натурфилософия) в российском обществоведении утрачивает свои ведущие позиции, но по-прежнему имеет немало сторонников среди этнологов, социологов, философов и политологов, которые заявляют об «объективной природе» этнических сообществ и рассматривают их как своего рода «коллективные тела». Особенно сильны примордиалистские «мотивы» в дискуссионных выступлениях ученых-обществоведов из республик, где теоретические дискуссии не являются характерной чертой научной жизни, а инерционность научных представлений, наоборот, весьма велика. Не избавившись от старых методологических подходов к анализу общественных явлений, и не обогатив свой теоретический багаж, региональные историки, этнологи, литературоведы неожиданно для себя вынуждены были не только

переосмысливать научное наследие собственных дисциплин, но и превратиться в идеологов общественных движений и творцов их идейных конструкций, а помимо всего разрабатывать законодательные акты и политические программы, которые призваны были обновить социальную реальность, утвердить в общественной жизни демократические и плюралистические ценности.

Однако творить новую социальную реальность эти ученые попытались, используя устаревшие научные представления и не заимствуя новые теоретические идеи западных обществоведов.

Парадокс ситуации заключался в том, что именно в 1980-е годы теории национализма становятся предметом острых дискуссий, поскольку появляются новаторские труды Э. Геллнера, Б.Андерсона, Э.Хобсбаума и многих других, которые позволили по-новому оценить природу национализма и окончательно утвердили конструктивистские представления о природе этничности в общественных науках. С начала 1990-х гг., когда происходило становление идеологии этнонациональных движений и шли острые дискуссии среди отечественных ученых о кризисе отечественного обществознания, труды этих исследователей стали издаваться и на русском языке.

Но не только творческая замкнутость региональных научных школ не позволила отказаться от примордиализма. Большую роль сыграло то обстоятельство, что примордиализм отвечал интересам региональных этнических элит в большей мере, нежели конструктивистские/инструменталистские теории. Наличие некой «природной обусловленности» прав на отличительность, а отсюда и прав на ресурсы и власть наиболее убедительный аргумент, по мнению сторонников политизации этничности, в их борьбе за культурные, социальные, политические и экономические права этнических общностей, которые они представляют. При этом примордиализм не только становится основанием для утверждения идеологии этнического национализма, но и логически приводит некоторых региональных исследователей к культурному расизму. Примером может служить монография бывшего директора Удмуртского Института истории, языка и литературы УрО РАН, где антимигрантские «пассажи», сочетаются с идеями политического доминирования титульных этнических групп: «Мигранты, прибывающие на территорию проживания малых народов на определенный срок, чувствовали себя полноправными хозяевами, выполняющими общесоюзные цели и задачи и требующие к себе такого отношения, что их прибытие местные жители должны были воспринимать как великое благо... Эти люди не считались с интересами коренного населения, хищнически и преступно грабили все богатства, нарушали или уничтожали среду обитания. Если же оседали на этой земле на постоянное жительство, согласно законам о равноправии, они

никак не хотели считаться с национальными особенностями этих народов, противоборствуя обеспечению их политических прав, основанных на автохтонности» [Куликов, 1993: 253].

Демонизируя образ иноэтничных мигрантов, которые являлись полноправными гражданами той же страны, что и принимающее население, и среди которых были врачи, учителя, строители, которые ехали в Удмуртию, чтобы лечить стариков в удмуртских деревнях, учить удмуртских детей, строить жилье для местных жителей и т.д., автор делает следующее заключение, которое прямо укладывается в логику этнического национализма: «Исторический опыт показывает, что стремление народов к созданию национального государства связано, прежде всего, с заботой о стабильности собственного этноса, его социально-экономическими, культурными и прочими интересами. Государство в идеальном варианте должно в первую очередь выступать гарантом защиты национальных интересов того народа, именем которого оно названо» [Куликов, 1993: 267].

Конечно, нельзя утверждать, что мистификации, мифотворчество и политизированность абсолютно доминировали в финно-угроведении, но очевидно, что они являлись тем фоном, на котором происходило и происходит развитие научной мысли.

Что касается анализа культурной эволюции финно-угорских народов России, то наибольшее значение для понимания этого процесса имеют труды отечественных этнографов. За два с лишним века этнографического изучения финно-угорских народов издано огромное количество трудов, в которых описываются различные аспекты культурной жизни финно-угров, их социального облика. Первыми серьезными обобщающими работами явились монографические работы профессора Казанского университета И.Н. Смирнова. Результатом длительных и масштабных исследовательских работ ученого стали четыре монографических исследования, опубликованные в разные годы в Казани: «Черемисы», «Вотяки», «Пермяки» и «Мордва» (1889, 1890, 1891 гг.), которые сам исследователь, правда, назвал историко-этнографическими очерками, но по существу они представляют собой полномасштабные монографические сочинения. Все эти работы первоначально выходили в Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, созданном в 1878 году. Конечно, и до издания трудов И.Н.Смирнова, в отечественной науке появлялись значительные работы, посвященные этнографии финно-угров. О культурных традициях мордвы были написаны интересные сочинения П.И Мельникова и В.Н. Майнова [Мокшин, 1993], коми были посвящены серьезные работы академика А.Шегрена и К.Попова [Конаков, 2005], коми-пермякам – труды Н.А. Рогова и Н.Добротворского [Рогов, 1858; Добротворский, 1883], но еще ранее ценные сведения о культуре и образе жизни различных финно-угорских

народов России были получены в результате исследований Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллера, И.Г.Георги [Загребин, 2006].

Важным явлением в научной жизни стал приход в этнографию в конце XIX и, особенно, в начале XX вв. целой плеяды местных исследователей, которые внесли существенный вклад в изучение социальной организации, культуры и быта финно-угорских народов. В числе наиболее значительных имен следует назвать Г.Е.Верещагина и К. Герда, занимавшихся изучением удмуртов; В.П.Налимова, К.Ф. Жакова и А.С. Сидорова, писавших о коми; М.Е. Евсевьева, посвятившего всю свою жизнь изучению этнографии и фольклора мордвы, В.М. Васильева, много сделавшего для становления марийской этнографии.

С начала 1920-х гг., когда начался процесс так называемого «национально-государственного строительства» у российских финно-угров, который, по сути, был составной частью большевистского проекта модернизации социальной структуры и культурных институтов этнических меньшинств, в деле изучения этих народов произошли качественные изменения, ибо стали формироваться региональные исследовательские школы. Именно эти школы впоследствии были вовлечены в процесс нациестроительства, а их творческое наследие опосредованно использовалось в конце XX в. - в эпоху так называемого «национального возрождения» для обоснования культурных программ этнонациональных движений.

Известный башкирский исследователь Р. Кузеев, который одним из первых проанализировал этапы эволюции этнонациональных движений в России, в частности отметил, что поиск путей выхода из системного кризиса, который переживала Россия в 1990-е годы, виделся в частности в разработке региональных и федеральных социальных программ, направленных на оптимизацию развития отдельных народов, групп народов и межэтнического взаимодействия на территории субъектов федерации. Он указывал, что в литературе и в названных программах «довольно широко распространено понимание термина «возрождение» как тотальной реставрации (восстановления, возобновления) традиций, в том числе утраченных». Кроме того, он обратил внимание на еще один важный аспект, предлагавшихся программ: «В «этнических» программах внимание разработчиков концентрируется на интересах коренной нации, давшей имя республике. Это также непростой вопрос, особенно, если программа разрабатывается в многонациональной республике. Доминирование в программе проблем культурно-языкового возрождения и развития одной нации (при отсутствии таковых по другим этническим образованиям) может создать тревожное для многих впечатление о нарушении баланса культур, а при реализации программы привести именно к такому

результату. Ситуация усугубляется в связи с довольно распространенными романтизированными представлениями об истоках и компонентах происхождения тех или иных этносов, древности истории, о роли культуры «своего этноса» [Кузеев, 1999: 22, 29]. В числе таких программ он называет Концепцию государственной национальной политики РФ, принятую в 1996 г. и государственные программы РФ «Возрождение и развитие тюркских народов», концепцию государственной программы духовного возрождения финно-угорских народов [Основные положения, 1993], которая так и не была утверждена.

Тем не менее, следует отметить, что независимо от содержания работ и проективных разработок местных обществоведов, они объективно способствовали формированию собственного видения местной истории, более глубокому анализу роли этничности в общественном развитии, разрушали одномерное восприятие этнокультурных и этнополитических проблем, активизировали научные дискуссии. И интеллектуальным «фундаментом» для нового этапа осмысления этнокультурного и этнополитического развития финно-угров стали взгляды и идеи, которые высказывались в научных трудах и художественных произведениях, созданных в 1920-1930-е гг. первыми удмуртскими, марийскими, коми, карельскими, мордовскими писателями и учеными-обществоведами, среди которых важную роль играли этнологи.

Но успешному становлению и развитию этнологии и в целом обществоведения в автономных республиках с финно-угорским населением помешали репрессии 1930-х годов, которые коснулись многих представителей местной интеллигенции и в частности этнографов, историков, краеведов. По существу изучение этничности, социального и культурного облика местных сообществ было прекращено как по причине идеологического прессинга на исследователей со стороны государства, так и по причине того, что сами научные кадры были или физически уничтожены, или репрессированы. Репрессии против нарождавшейся местной интеллигенции и немногочисленных ученых их числа этнических меньшинств некоторыми современными исследователями трактуются как сознательное и избирательное уничтожение именно этнических элит, но механизм репрессий был настроен на *уничтожение свободомыслия (и инакомыслия)*, а потому он касался всей интеллектуальной элиты страны. Если же говорить об этнографах, то здесь можно делать совершенно определенные выводы о тотальном характере репрессий, поскольку на эту тему имеются специальные исследования [Слезкин, 1993; Решетов, 1994; Репрессированные, 1999; 2001].

На наш взгляд, следует обратить внимание на другие следствия репрессий. Во-первых, изучение проблем этничности и национализма (как программ этнокультурного развития)

было прервано на много лет. Во-вторых, самостоятельно восстановить изучение этнических культур на местах уже не могли, и происходило оно при помощи и поддержке ученых из центра. В частности этнографическое изучение коми, марийцев, мордвы в послевоенный период осуществлялось силами этнографов из Института этнографии АН СССР, среди которых особая роль принадлежала Вере Николаевне Белицер [*Федянович, 2007*]. При непосредственной поддержке Института этнографии были сформированы специальные экспедиции, которые помогли вовлечь в научный поиск местных исследователей и способствовали их научному становлению. Вместе с тем и сами региональные исследователи становились все более активны и приступили к созданию как монографических работ по истории и этнографии финно-угорских народов и регионов их проживания. В числе таких работ можно назвать коллективные монографии «Карелы Карельской АССР», «Мордва» и другие аналогичные работы, вышедшие в 1980—1990-е годы [*Мордва, 1981; Карелы, 1983; Мокшин, 1989; Удмурты, 1993*].

По существу московские исследователи взяли на себя роль не только организаторов научных исследований на местах, но и стали монополистами в сфере теоретического осмысления этнографических материалов, построения «теории этноса». Такое «разделение труда» было естественным в условиях СССР, ибо тоталитарный режим предполагал не только полный контроль над всеми сферами общественной жизни, но и строгую централизацию как в сфере экономики и политики, так и в сфере духовного производства.

Резко ослабевшие научные связи между центром и регионами в начале 1990-х гг. привели к «освобождению» местных исследователей от московских «кураторов», но это имело не столько научные, сколько политические последствия. Ринувшиеся в политическую деятельность этнологи, историки, языковеды с одной стороны несли в массовое сознание старые представления об этничности и ее месте в системе социальных отношений, а с другой все более политизировали этничность и научные исследования, посвященные анализу этнических культур. В результате научные дискуссии, связанные с этническими проблемами, стали превращаться из состязания идей в трибуну для политических дебатов, а строгая научная аргументация у многих исследователей уступала место неким политизированным заключениям. Особенно это было характерно для научных дискуссий, которые проводились в рамках всемирных финно-угорских конгрессов, проводящихся с 1992 года и на различных этнополитических форумах, на чем мы более подробно остановимся в основной части нашего исследования.

Именно эти дискуссии явились основой для нового политического мифотворчества, рождения этнополитических мифов современности.

В данной связи важно остановиться на нескольких мифах, которые активно эксплуатируются этническими антрепренерами, некоторыми политиками и западными экспертами.

Первый миф – это миф о «вымирании» уральских народов и в первую очередь народов финно-угорской ветви этой языковой семьи. Основанием для этого мифа послужило снижение численности финно-угров России, зафиксированное переписью населения 2002 года.

Здесь изначально не учитывается несколько факторов. Первый из них состоит в том, что при нынешней системе подсчета численности этнических групп, невозможно установить их реальную «арифметическую величину», т.е. сказать точно, сколько человек является представителем того или иного этнического сообщества (сколько реально в стране русских, татар, марийцев, саамов и т.д.). Впрочем, в сложном полиэтничном сообществе, где высока интенсивность межэтнических контактов, установить реальную численность групп невозможно в принципе. Во-первых, многие люди обладают множественной идентичностью, т.е. могут относить себя одновременно к нескольким группам, ибо их родители и прародители являлись представителями разных этнических сообществ, а установившиеся методы статистического учета позволяют фиксировать принадлежность только к одной этнической группе. Во-вторых, этническая идентичность очень ситуативна и подвижна, что показало, в частности, и изучение процесса этнического самоопределения респондентов во время проведения переписи населения 2002 года.

Поэтому официальные демографические данные весьма условно фиксируют этническую структуру населения страны, где имеет место сложный культурный состав граждан.

Кроме того, этнодемографические процессы у отдельных народов страны не могут рассматриваться изолированно от общего демографического развития. А поскольку в России в целом происходит снижение населения и имеет место повсеместное превышение смертности над рождаемостью, постольку снижение численности финно-угорских народов РФ также неизбежно, ибо эти народы не только культурно тесно интегрированы в российский социум, но и находятся под воздействием тех же социально-экономических процессов и явлений, которые влияют на положение населения в целом. Впрочем, не менее сложная демографическая ситуация наблюдается в последние десятилетия в Эстонии [*Эстония*: 2008: 258-259] и Венгрии [*Сабо*, 2004: 61].

Вторым мифом является «этнический нигилизм» финно-угров. В основе этого мифа лежит абсолютизация языкового фактора в культурном развитии, отрицание идеи культурной свободы и оценка этнической принадлежности как некоего «этнического крепостного права».

Как показывают материалы последних переписей населения, доля финно-угров, которые признают родным языком, язык своей этнической группы, постоянно снижается. Но, во-первых, данный показатель не является статистически корректным, ибо не фиксирует знание и использование языка. Во-вторых, следует рассматривать владение языком только применительно к той культурной среде, в которой человек осуществляет свою жизнедеятельность.

Не являются редкими, к примеру, ситуации, когда человек, не владея языком, называет его родным, ибо полагает, что, называя себя представителем определенного этнического сообщества, он должен признавать язык этого сообщества своим культурным маркером. Наоборот, иногда человек в совершенстве владеет языком своей этнической группы, но не признает его родным по каким-то соображениям и особенно часто это происходит в этнически смешанных семьях, где солидарность с другими членами семьи проявляется и в признании доминирующего в семье языка в качестве родного для всех членов семейного коллектива. И, наконец, в сложных обществах, а особенно в обществах, находящихся в процессе глубоких трансформаций, как сами идентичности, так и их иерархии весьма подвижны.

Стоит отметить, что уральские народы и сегодня по своей социальной структуре отличаются от населения России в целом, ибо большинство из них представляют собой преимущественно аграрные сообщества, поскольку значительная их доля проживает в сельской местности. На селе представители уральских народов, как правило, численно доминируют, или составляют наибольшую долю жителей в поселениях, где исторически проживали. В городе их доля в населении невелика и городская среда традиционно воспринимается представителями данных народов как инокультурная. Поэтому адаптация к этой среде связана с изменением культурного поведения в целом и языкового – в частности. На селе языком общения и в личной, и в общественной сфере является родной язык, а в городе происходит естественный переход на русский язык, как язык доминирующей культурной группы. Причем языковое поведение меняется сознательно, ибо на русский язык массово переходят не только при общении в общественных местах, но и в семейной сфере тоже. Фактов насильственной ассимиляции нет, хотя некоторые меры социально-экономического характера, которые предпринимались в прошлом и которые имеют место сегодня, объективно создают условия для эрозии этничности. К примеру, ориентация на рыночные методы функционирования массовых печатных изданий (газет и журналов), приводит к тому, что использование языков меньшинств в рекламе продукции практически невозможно, ибо это невыгодно предпринимателям. Поэтому печатные СМИ на языках меньшинств не могут привлекать рекламодателей и

даже поэтому проигрывают конкуренцию изданиям на русском языке, хотя есть и причины другого порядка.

Язык, безусловно, важен в культурном развитии народа, но смена языка обусловлена не столько культурным давлением, сколько культурными ориентирами. Если человек не ориентирован на интеграцию в инокультурную среду, он не станет менять язык, даже переезжая в другую страну. И примеров такого рода достаточно и среди недавних иммигрантов из России, и среди большого количества мигрантов в Австралии, Северной Америке, Европе.

Следующий миф связан с распространенным убеждением о том, что этнические группы должны иметь свои национально-государственные образования и эти образования есть своеобразная гарантия их культурного прогресса, а этнические группы лояльны идее этнической автономии и этнического федерализма.

Наиболее показателен в этом отношении пример Коми-Пермяцкого автономного округа, где территориальная автономия не принесла реальных выгод населению и само население в итоге осознало, что прогресс коми-пермяков связан не с административным обособлением, а с экономическим развитием края и дружно проголосовало за фактическое упразднение автономии, хотя позиция представителей гуманитарной интеллигенции округа была не столь однозначной. Некоторые критики укрупнения регионов в России и на Западе заявляют, что идея укрупнения была навязана сверху. Но дело в том, что настроения в пользу отказа от автономии стали распространяться в округе задолго до того, как появилась идея укрупнения регионов, а население «голосовало ногами» против нее, начиная с конца 1950-х гг. За период с 1959 по 1989 гг. численность населения округа уменьшилась с 236 тыс. до 158 тыс. человек, а доля коми-пермяков, проживающих за пределами округа возросла с 12% до 38%.

Одним из самых известных мифов этнонационализма в России являются мифы о «Финно-угорском Мире» и родственных народах. Идея «Финно-угорского Мира» родилась в начале 1990-х гг. и базировалась на том, что между финно-угорскими народами существует не только лингвистическое, но и культурное родство и на этой основе можно сформировать некую общую трансграничную и транскультурную идентичность, создать некое единое «культурное пространство» и даже сформировать некую культурную общность.

Кристофер Флад дал следующее определение политических мифов: «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое группой как верное в основных чертах» [Флад, 2004: 43].

Вопрос лишь в том, в какой мере те мифы, о которых мы говорили выше, восприняты населением, как «истинные представления»? Судя по всему, названные мифы существуют лишь в умах активистов этнонациональных движений и не восприняты теми, кому они предназначены.

Конечно, политические мифы есть явление вполне обычное, а националистические доктрины вообще строятся на основании мифов [Шаров, 2006], поэтому и воспринимать их появление и функционирование следует как распространенную политическую практику, но это не означает, что те или иные мифы не несут в себе угрозы для социальной стабильности. Мифы, с помощью которых пытаются «цементировать» одни культурные сообщества и одновременно противопоставлять их другим культурным группам, с которыми эти сообщества связаны тесными узами, нельзя рассматривать как позитивные и, во всяком случае, они не могут получать официальной поддержки и одобрения. В реальности это не всегда происходит и официальная позиция в отношении политических практик этнонациональных организаций выглядит нередко двусмысленно даже тогда, когда необходимо твердое и однозначное дистанцирование от этих практик.

Творцом и распространителем этнополитических и этнокультурных мифов выступают этнические элиты, которые претендуют, как правило, на то, чтобы расширить сферу своего влияния и укрепить политический и экономический статус. Этничность используется ими *и как конкурентное преимущество, и как политический ресурс*. Для того, чтобы оно выполняло роль политического ресурса, элиты осуществляют политическую мобилизацию этничности, которая из сугубо культурного феномена превращается в феномен политический. Закрепить свое политическое влияние на региональном или общенациональном уровне элиты пытаются посредством конструирования мифа о том, что они являются выразителями интересов и воли всего этнического сообщества и что сообщество уполномочило группировку элиты представлять его интересы во властных структурах. Свои права на политическое доминирование этнические элиты обосновывают ссылками на историческое прошлое, которое также интерпретируют по-своему.

Энтони Смит полагает, что «националистическое обращение к прошлому – это не только возвеличивание народа и призывы к нему, но и повторное открытие отчужденной интеллигенцией всего этнического наследия и живой общности предполагаемого происхождения и истории. Повторное открытие этнического прошлого поставляет жизненно важные воспоминания, ценности, символы и мифы, без которых национализм был бы бессилён. Но эти мифы, символы, ценности и воспоминания вызывают у народа отклик, потому что они основываются на живых традициях людей (или выделяются из

них), которые способствуют объединению и проведению различий между ними и их соседями. Это единство в свою очередь основывается на влиятельном мифе предполагаемого общего происхождения и общих исторических воспоминаниях» [Смит, 2004: 95].

Итак, этническая элита «открывает» прошлое этнической общности, конструирует на его основе объединительный миф и этот миф становится историческим основанием националистической идеологии и движения, направленного на создание национального государства. Но миф носит именно этнический характер, по мнению Смита, т.е. он не является неким экстерриториальным и внеэтническим культурным образцом. Он тесно привязан к определенной этнической группе и является ее коллективной собственностью, только ее культурным достоянием. Хотя само этническое сообщество мыслится Смитом как «расширенная семья» или «семья семей», которая растянута во времени и пространстве и включает множество поколений и множество областей в рамках определенной территории».

Эрик Хобсбаум полагает, что принцип этнической принадлежности не несет в себе ничего программного и еще в меньшей степени является политическим понятием. В определенных обстоятельствах этничность выполняет политические функции и тогда она может быть связана с определенной программой, в том числе и националистической или сепаратистской [Хобсбаум, 2002]. Националистические движения обращались к этнической принадлежности с целью усилить групповую солидарность, обосновать необходимость создания собственного государства и политического размежевания с чужаками, в роли которых могут выступать доминирующие государственные институты.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что «этничность и национализм – названия двух близкородственных форм социальной идеологии, являющихся способами социальной классификации. Обе исходят из предположения, что люди естественно подразделяются на группы, «виды», и организуют эти «виды» в соответствии с идеями об общей культуре и происхождении, пользуясь метафорой родства.

Национализм многообразен в своих проявлениях [Национализм, 2007]. В современном общественном сознании принято делить национализм на гражданский или государственный и этнический (этнокультурный или культурный) [Тишков, 2003]. Первый тип националистической идеологии основывается на том, что под нацией понимается политическая общность, т.е. сообщество, основанное на гражданской солидарности. Второй тип исповедует идею, согласно которой нация представляет собой этнокультурное сообщество, т.е. сообщество, объединенное этнической солидарностью.

При этом, как полагают некоторые исследователи, «этнический национализм может быть политическим или культурным. Политический этнонационализм имеет целью достижение или удержание власти определенной этнической группой. Цель культурного этнонационализма – сохранение целостности народа, поддержание и развитие его языка, культуры, исторического наследия. Он считается позитивным, если не содержит в себе идей культурной замкнутости и негативной направленности против других культур» [Сидорина, 2006: 39].

Но деление национализма на два названных типа довольно условно, ибо такое деление как бы качественно маркирует эти два типа, а, кроме того, и тот и другой тип идеологии покоится на представлениях о культурной и культурно-исторической основе нации, а потому довольно трудно бывает на практике определить содержание националистической идеологии, которой руководствуется то или иное движение.

Тем не менее, гражданский национализм представляется как либеральная идеология и практика нациестроительства, ориентированная на формирование нации-государства. Этнический национализм понимается как средство достижения группой контроля над властью и ресурсами и стремление к созданию этнически гомогенных государств. Формы этнического национализма могут быть различны, и широкое разнообразие таких форм демонстрирует практика российской региональной этнонациональной политики предыдущих лет.

Видный российский этносоциолог Л.М. Дробижева и ее коллеги в 1990-х годах в ходе масштабного исследования, проведенного в российских республиках, выделили четыре типа национализма «в республиках РФ в период перехода к демократии:

- 1). Национализм «классический» - стремление к полной независимости. В Российской Федерации он представлен политикой и действиями Чеченской республики – Ичкерии. На каком-то этапе он был характерен для радикальной части татарского национального движения.
- 2). Национализм паритетный – стремление к возможно полному суверенитету, который в соответствии с внешними и внутренними условиями ограничен за счет передачи части полномочий Федеральному Центру (иногда его называют разделенным суверенитетом). Такой национализм реально осуществляется в Татарстане, Туве, Башкортостане и других республиках, стремящихся заключить договоры с государственными органами Российской Федерации.
- 3). Экономический национализм, при котором доминирующим в декларациях и действиях является самостоятельность в экономической сфере, рассматриваемая элитой как обеспечение движения к возможно полному суверенитету. Его мы наблюдаем наиболее

очевидно в заявлениях и политике руководства Саха (Якутия). В последнее время, в 1995-1996 гг. идеи обеспечения экономической самостоятельности стали выходить на первый план в выступлениях и действиях лидеров Татарстана.

4). Оборонительный или защитный национализм, при котором в идеологии и законодательной практике доминируют идеи защиты территории, культуры, демократического воспроизводства и т.д. В нашем исследовании такой вариант был в Северной Осетии – Алании.

Наконец, есть некоторые основания говорить о формировании модернизационного национализма, при котором в республиках создается идеология инновационного прорыва в экономической сфере» [Дробижева, 1996: 372-373].

Конечно, в последние годы в российской внутренней политике произошли кардинальные изменения, и националистические практики видоизменились, но на них продолжает оказывать влияние тот опыт этнополитической мобилизации, который был характерен для 1990-х годов.

Надо отметить также живучесть идеологии этнического национализма и попытки выстроить на его основе новые теоретические модели, реализация которых на практике оборачивается жестоким политическим противостоянием и межобщинными столкновениями. Об одной из таких моделей, которая носит название «индигенного национализма» указал в своей работе В.А.Тишков, подчеркнув, что ее сторонники, «доказывая, например, что бенгальский национализм (а значит, и бенгальская нация) в Индии существовал до возникновения собственно индийского национализма времен Дж. Неру и И.Ганди. Появляются работы африканских ученых с подобными изысканиями аборигенного национализма колониальных времен. В них подвергается сомнению правомочность постколониальных африканских национализмов нетрайбалистского (гражданского) типа (нигерийского, сомалийского, суданского и других) и обосновывается давность и нынешняя легитимность мининационализмов в рамках многоэтничных государств Африки.

Этот индигенный национализм в трактовке выпускников элитных западных университетов, рекрутированных из представителей местных сообществ постколониальных стран Азии и Африки, перекликается с периферийным постсоветским национализмом, который существует уже давно и за которым стоят десятилетия интеллектуальных усилий по установлению глубоких исторических корней советских наций и по производству их культурных героев» [Тишков, 203: 144].

Более того, необходимо отметить, что в современной России националистические практики эволюционируют в сторону усиления периферийного, локального

этнонационализма и результатов этой эволюции становится все более усиливающееся давление отдельных этнических групп на федеральные органы власти с требованиями признать данные группы самостоятельными этническими сообществами, предоставить им статус малочисленного народа, преференции и льготы. При этом есть все основания полагать, что усиление локальных, местных, индигенных национализмов будет провоцироваться самими процессами глобализации.

Современный этнический национализм, который является идеологическим «оружием» финно-угорского движения в России трудно однозначно классифицировать. Изучением же его ни в России, ни за ее пределами практически не занимаются и за исключением отдельных статей нескольких отечественных авторов [*Кирдяшов, 2000; Шабает, 2004а*], он не являлся предметом специального рассмотрения исследователей. Что касается зарубежных ученых, то некоторые аспекты этой темы затронуты в довольно поверхностной монографии видного американского политолога эстонского происхождения Рейна Таагапера [*Taagapera, 1999*], живущего ныне в Эстонии.

Столь же малоизученной является и проблема региональных элит как творцов идеологии финно-угорского движения, проблема их политических притязаний и роли в региональных политических процессах, в созидании националистических проектов. Здесь можно назвать лишь относительно небольшую серию работ, которые, так или иначе, затрагивают названные проблемы [*Учайкина, 1996; Бокин, 2000; Калинин, 2000; Князева, 2000; Попов, 2000; Кошелева, 2003; Пономарев, 2003*]. Но за редким исключением названные труды грешат описательностью и не опираются на серьезную методологическую и методическую основу.

В связи с последним замечанием особое внимание в нашем историографическом обзоре следует уделить монографии «Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра», которая является плодом коллективных усилий и итогом реализации финляндско-российского исследовательского проекта «О положении финно-угорских народов Российской Федерации». Во-первых, эта работа по своей структуре близка к нашему исследованию, во-вторых, работа претендует не только на глубокий анализ этнических, демографических, социальных, экономических процессов в регионах проживания финно-угров, но ее авторы заявляют, что «практическая значимость результатов всего исследования заключается в выработке конкретных рекомендаций государственным структурам и общественным организациям для принятия мер по улучшению демографического, социально-экономического и культурно-языкового состояния уральских народов» [*Финно-угорские, 2008: 16*]. Столь значительные претензии авторов порождают и соответствующие требования к изданию со стороны научного сообщества.

В первую очередь, необходимо оценить, в какой мере и как обобщен опыт предшествующих исследований российских финно-угров, каковы методологические подходы, положенные в основу столь масштабной работы, каков арсенал методов исследователей и насколько адекватно, использованные методы позволяют оценить все многообразие процессов, которые стали предметом анализа авторского коллектива.

Исходные методологические позиции авторов к анализу «этнографического состояния народов» (?) неясны, ибо в столь масштабном и значимом труде авторы не сочли возможным указать придерживаются ли они конструктивистского, инструменталистского, эссенциалистского (примордиалистского) подходов или же используют некий иной научный арсенал. Неясна сама интерпретация дискурса «состояние народов», подходы к анализу дискурса. Ни во введении, ни в заключении, ни по главам книги нет сколько-нибудь серьезного теоретического анализа проблематики этничности и национализма. Конечно, теоретические позиции авторского коллектива, которых они придерживались при осуществлении названного проекта, могут быть изложены в основательном историографическом обзоре, что вполне соответствует научной традиции. Но и этого обзора в книге практически нет.

Первое, что удивляет, при чтении введения - это абсолютное игнорирование мониторинговых исследований, осуществляемых на протяжении ряда лет Институтом этнологии и антропологии РАН (в том числе и в «финно-угорских регионах»). Затем неясно, почему авторы не использовали в своем анализе работу, выполненную этнологами и этнополитологами из ряда республик с финно-угорским населением, которая прямо перекликается с поставленной перед авторами названной монографии целью. Речь идет о специальном докладе «Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения» (М., 2005). Незнание, равно как и игнорирование подобных работ, свидетельствует и об уровне научной объективности, и о научной квалификации организаторов проекта.

Впрочем, отрицание значения всех работ предшественников есть принципиальная позиция создателей труда и это очевидно из предложенного во введении весьма краткого историографического обзора. Во введении наличествуют довольно пространные, но отнюдь не бесспорные, а нередко и просто ошибочные суждения о характере проведения переписей населения и интерпретации переписных данных (к примеру, применительно к последней переписи 2002 г. заявляется о значительных приписках в Москве, хотя следует, видимо, говорить о недоучете населения). Но по существу о серьезном анализе говорить не приходится, ибо во введении говорится лишь о том, что предшественники в силу того, что исследователи вынуждены были считаться с идеологическими догмами правящего

режима. Характерно, что ссылки на авторов и их труды отсутствуют, но отмечается лишь, что «большой вклад внесли зарубежные ученые С.Лаллукка в Финляндии, Д.Нановски в Венгрии и другие».

Далее авторы (а во введении, надо полагать, изложена обобщенная позиция авторского коллектива) утверждают, что статистический учет в советские годы имел массу недостатков и использовал различные способы фальсификации. В подтверждение данного довода указывается, что «факты, отражающие негативные последствия деятельности властей, не доводились до сведения общественности; практиковалась замена абсолютных статистических данных относительными»...

Очевидно, что статистика имеет дело не с отдельными фактами, а с множественными данными (причем, именно данными). Не идеализируя советскую статистику, необходимо ради объективности указать, что претензии авторов не только не убедительны, но и не научны, ибо, что мешает не только квалифицированному специалисту, но и грамотному школьнику превратить относительные данные в абсолютные.

Однако, названные претензии не столь существенны, поскольку куда больше вопросов вызывают сами методы исследования. Базовой основой работы стал опрос, проведенный, как заявлено во введении, в 13 субъектах РФ. Авторы не дают в приложении ни программы исследования, ни обоснования выборки, ни анкеты, а само описание процедуры столь масштабного исследования весьма краткое. Тем не менее, даже это краткое описание дает все основания усомниться не только в корректности проведенного опроса, но и в самой возможности использования полученных в ходе него данных.

Первое, что ставит под сомнение методическую корректность исследования – это то, что оно не осуществлялось на основе единого методического подхода, т.е. данные, полученные в разных регионах, не могут быть сопоставимыми. Отмечается, что в одной группе регионов использовалась маршрутная выборка, а «в остальных регионах применялся метод «снежного кома». Исходя из этого, данные по этим двум группам регионов должны были анализироваться отдельно, но они объединены в единый массив. Более того, авторы однозначно заявляют, что в основе их труда лежат количественные методы. Что же касается метода «снежного кома», то названный метод применяется не в количественных, а в качественных социологических исследованиях. Для примера сошлемся на одно из добротных описаний сущности названного качественного метода: «после проведения первых интервью или начальной стадии включенного наблюдения начинается написание и наброска отчета. При этом особое внимание уделяется выделению, определению и раскрытию основных категорий и субкатегорий, их свойств. Выявившиеся в ходе написания этого наброска нераскрытые вопросы вносятся в

модернизированный гид интервью. И работа продолжается по тому же кругу, приобретая форму спирали» [Ильин, 2006: 61]. Очевидно, что авторы труда «Финно-угорские народы» весьма вольно интерпретировали сущность названного метода и, судя по всему, в ряде случаев они стремились соблюсти принцип случайной выборки [Джерри, 1999: 102], а в других формировали выборочную совокупность целенаправленно («методом «снежного кома»), т.е. анализировались позиции не случайно отобранных респондентов, а некой группы единомышленников.

В данной связи полезно еще раз указать, что «статистическое обобщение количественного исследования основано на статистической репрезентации генеральной совокупности» [Семенова, 1998:35] и отбор респондентов должен производиться «из однородных совокупностей» [Добреньков, 2008: 143]. В случае с рассматриваемым трудом мы можем говорить о нерепрезентативном характере базовой его основы.

Особо отметим, что речь идет не только о несовместимости отдельных частей единой базы данных, но именно о недостаточной репрезентативности самих данных. Так объемы выборочной совокупности в Тверской области составили 100 человек, в бывшем Коми-Пермяцком округе – 161, в Ямало-Ненецком округе – 106, в Ленинградской области - 136. При этом приведенные данные есть общая численность опрошенных, без разбивки респондентов на этнические группы. Что касается этнического состава опрошенных, то, к примеру, в выборке по Ленинградской области присутствовал 31 вепс и 31 финн. Если разделить эти группы по полу или по месту жительства (городской или сельский житель), или по возрасту, то мы не получим даже минимально представительных статистических групп, т.е. отсутствует сама основа количественного социологического метода – необходимая для математической обработки численность респондентов. Анализ межпоколенных изменений в системе ценностей, социальной детерминированности этнокультурных ориентаций и других важных культурных явлений на подобных массивах просто невозможен. Следовательно, невозможно и оценить «самочувствие финно-угорских народов» (само понятие отражает восприятие этнических сообществ как неких коллективных тел, у которых есть единое самоощущение). А определение «самочувствия» (иными словами - постановка «диагноза») является основной задачей названного исследования.

Наконец есть сомнения и в качестве проведения полевого этапа исследований. Кто и как осуществлял проведение полевого этапа в каждом из 13 субъектов неясно. Но нам известно как осуществлялись исследования в двух регионах: Республике Коми и Коми округе. В Коми использовалась местная социологическая сеть, которая функционирует много лет и в которой не организован контроль за качеством полевой работы групп

интервьюеров, сформированных в городах и районах. В результате данные многих опросов вызывают серьезные сомнения. Под руководством редактора названной коллективной монографии в 2003 г. в Коми проводился опрос призванный оценить этнолингвистическую ситуацию в республике. Проведение опроса было поручено местной социологической сети. Организаторы опроса не сочли необходимым не только контролировать опрос, но даже критически оценить его итоги. В результате, согласно данным опроса, в РК 14% некоми населения владеют коми языком [Конюхов, 2004]. Если сравнить этот результат с материалами переписи 2002 г., то мы увидим, что по переписи аналогичный показатель равен всего 2%. Ошибка в 700% свидетельствует о крайне некачественно проведенном опросе и о недостоверности *всех его результатов*. Несмотря на то, что авторам было указано на недопустимость публикации подобных данных, они их широко используют и в данной коллективной монографии материалы указанного опроса 2003 г. также присутствуют. Опыт собственных исследовательских работ показал, что в Коми округе возможно получение качественных материалов опросов только при личном контроле всех этапов исследовательской работы, ибо уровень квалификации местных исследователей недостаточен и они не понимают сущности социологических исследований.

Таким образом, нет никаких оснований доверять основному массиву данных, на который опираются авторы труда «Финно-угорские народы России». Конечно, некоторые фрагменты отдельных глав написаны добротнo (особенно это касается демографических процессов), но во всех главах имеются серьезные внутренние противоречия и многочисленные недочеты.

Из принципиальных замечаний стоит указать на то, что непонятна исходная установка авторов на «уникальность» уральской языковой семьи. Принципы выделения языковых семей едины, а принадлежащие к этим семьям народы существенно отличаются в культурном плане друг от друга, и это есть обычное явление. Установка на уникальность дополняется использованием таких категорий как «финно-угорский генофонд», из чего становится ясно, что социобиологические и расиализаторские мотивы близки авторам проекта. Впрочем, и исследователи, занимающиеся изучением и апологетикой русского этнического национализма, тоже порой прямо заявляют о своей приверженности социобиологическому подходу [Соловей, 2009].

Неясными являются также и базовые понятия, использованные в ряде глав. К примеру, что означает термин «этнические права» и как он соотносится с правом вообще, что такое «феномен мировидения», «архетип самосознания», «традиционное сознание»? Возникает также вопрос, почему авторы избегают принятой в науке терминологии (либо в западной

социальной и культурной антропологии, либо в российской этнологии и этнополитологии).

В главах, где требуется, серьезное обоснование позиций авторов, четкое определение критериев оценки объекта и предмета анализа, никаких ясных критериев не обнаруживается. Так, к примеру, неясно, как можно оценивать социально-экономическое положение населения отдельных регионов на основании одних лишь субъективных оценок, ибо известно, к примеру, что уровень материальных притязаний растет быстрее, чем повышаются доходы. Поэтому отсутствие в соответствующей главе данных, характеризующих динамику душевого дохода, стоимость потребительской корзины, характер материального потребления и других объективных показателей экономического и социального положения населения, демонстрирует лишь отсутствие у авторов способности к научному анализу (они частично имеются в прилагаемых к тексту таблицах, но приложения никак не связаны с авторским анализом). Удивляет также неграмотное оформление таблиц в указанной главе. В одной графе попеременно указываются регионы и этнические группы (т. е. несопоставимые данные), например: Ямало-Ненецкий округ, Республика Коми, вепсы, мари, финны, Республика Мордовия, т.е. по одним регионам даются варианты ответов на поставленные вопросы в целом по всему населению и тут же по другим регионам вычленяются только отдельные этнические группы. И это не единственная претензия к построению таблиц.

Небрежность стиля, терминологии, формулировок есть общий недостаток всех глав, хотя они написаны с участием разных авторов.

Неясным остается и то, что авторы в итоге хотят предложить, ибо, несмотря на объявленную в самом начале книги «практическую значимость» труда, конструктивно-прикладных предложений в труде не содержится.

Книга «Финно-угорские народы...» есть классический пример подмены научной объективности объективистским анализом (а точнее псевдонаучным), что объясняется ангажированным характером самого исследовательского проекта. Этот «труд» нагляднее других демонстрирует специфические особенности этнополитических дискуссий в «финно-угорских регионах РФ», о которых говорилось выше. Тем не менее, финские заказчики заявляют: «Эта книга станет началом диалога и приведет к конкретным мерам. Еще одним положительным фактом является создание сети исследователей вокруг проекта, которые могут сотрудничать и в дальнейшем» [Абрамов, 2008: 29].

Очевидно, что вышеназванные исследовательские практики и способы презентации исследований не могут не оказывать влияния на тематически близкие исследовательские труды, ибо строгий академический язык и аналитический стиль изложения оказывается

не всегда возможен, ибо неизбежна полемика с явными или ожидаемыми оппонентами. Мы сознательно выбрали стиль научной полемики, поскольку обычная научная логика нередко не воспринимается оппонентами и исследователями, труды которых упоминались выше.

Основной целью нашей работы является анализ этнополитических процессов в «финно-угорских регионах РФ», определении сущности этнического национализма финно-угров, выявлении его истоков и путей трансформации.

Но мы не столько сосредоточим внимание на анализе политической роли этнических элит как творцов идеологии этнонациональных движений, сколько постараемся определить пути эволюции идейных конструкций идеологов этнического национализма, характер восприятия этих идейных построений населением, выявить влияние внешних акторов на формирование идеологии и политической практики, взятой на вооружение этническими антрепренерами в регионах, где проживает основная часть финно-угорского населения России.

В общеметодологическом плане настоящая работа близка к конструктивистскому пониманию природы этничности [*Theories*, 1996], но не замыкается в рамках данного методологического подхода, а использует теоретические положения этносимволических теорий [*Brubaker*, 1996; *Calhoun*, 1997; *Özirimli*, 2000]. Для анализа роли этнических элит использованы различные элитологические концепты, о которых будет сказано ниже.

Основным методом, примененным в исследовании, является компаративистский, но при этом методический арсенал довольно широк и включает методы статистического анализа, социологические методы (массовые и экспертные опросы), этнографические (наблюдение и интервью), институциональный и другие.

В числе источников в этой связи в первую очередь следует назвать различные базы статистических данных, результаты массовых и экспертных опросов, региональные законодательные акты и материалы этнонациональных организаций, данные полевых этнографических наблюдений.

В нашей работе использованы монографические исследования и статьи различных авторов, в которых анализируются этнокультурные явления и процессы, касающиеся как отдельных этнических сообществ или их подразделений, проживающих в регионах именуемых «финно-угорскими», так и затрагивается широкая проблематика, связанная с социально-экономическими и культурными процессами на территориях проживания финно-угорских народов. Причем сами народы рассматриваются нами как органическая часть территориальных сообществ и российской нации в целом. Использовались также

интернет-ресурсы и публикации в прессе, что важно для соотнесения официальных позиций, частных мнений и замеров общественного мнения, поскольку, как отмечает Фредерик Барт в антропологическом дискурсе «нужно подробно рассмотреть эмпирические факты, относящиеся к разным ситуациям, и соотнести наши теоретические представления с этими эмпирическими фактами» [Барт, 2006: 10]. Более того, использование в нашем анализе трехкомпонентной схемы, а именно: *процессы, участники, обстоятельства*, опирается на логику подхода к анализу дискурса, предложенную Норманом Ферклоу [Fairclough, 2003], что представляется нам вполне уместным в данном конкретном случае.

Конечно, эволюция политических институтов (включая этнополитические) в стране подчиняется неким общим закономерностям, поскольку происходит в одном политическом, экономическом и социальном пространстве. Тем не менее, есть и целый ряд локальных особенностей, которые связаны с историческими, культурными особенностями регионов и некоторыми другими специфическими местными условиями политического развития территориальных сообществ.

Эта региональная специфичность политических процессов, в том числе и касающаяся развития политических институтов, пожалуй, наиболее удачно показана в исследовании американского политолога Н. Петро на примере Новгородской области [Петро, 2004].

Поэтому при анализе региональных этнополитических процессов и рассмотрении политической роли этнических элит весьма продуктивным нам представляется путь не широких обобщений на основе комплекса формализованных показателей, к которым нередко прибегают в политологических исследованиях, а историко-социологическое и конкретно-политическое монографическое описание региональной этнополитики, этнонациональных движений и их идеологии, политической практики этнических элит и доминирующих общественных настроений, т.е. вариант избранный нами.

Поскольку работа носит этнополитический характер, постольку в ее структуре очевидно выделяются два блока проблем. Первый – это общая характеристика этнической ситуации в регионах проживания российских финно-угров. Здесь мы сосредоточили внимание на общих этнодемографических тенденциях и языковых процессах, поскольку именно эти два аспекта развития этнических сообществ привлекают наибольшее внимание исследователей, политиков и общественности.

Придавая важное значение в сохранении и поддержании этничности этническому самосознанию (этнической идентичности), мы сознательно не стали рассматривать данный аспект, поскольку полагаем, что это сознание не представляет собой набор неких стандартизированных реакций этнического сообщества как «коллективного тела» на

внешние «раздражители», а является сугубо индивидуализированным способом использования сформировавшихся у сообщества моделей поведения и культурного потребления. Устойчивого и однородного для всех членов этнического сообщества идентитета не существует. Поэтому дать адекватное описание «психологии этноса» с использованием имеющихся на сегодняшний день методик крайне затруднительно и не случайно, что публикации на данную тему довольно поверхностны и не убедительны [Шкляев, 2003, Конюхов, 2008]. Этнографические описания этнической психологии ситуативны и неизбежно корректируются авторским пониманием «культурного стандарта», использование социологических методов, особенно данных массовых опросов, позволяет получить суммированные данные по группам формализованных ответов на формализованные вопросы, что дает возможность судить не о психологии, а об «обобщенном мнении», высказанном по поводу предложенных вопросов и суждений. Но если формализованные вопросы задать каждому участнику опроса и предложить сформулировать свою позицию не в строго формализованной, а в свободной форме, то суммировать результаты станет крайне затруднительно. Когда исследователь, к примеру, обобщая свои наблюдения или данные массовых опросов пишет «удмурты они такие», а в жизни мы встречаем типажи, которые никак не укладываются в предложенную модель «этнической психологии», тогда становится очевидно, что культурная обусловленность поведенческих реакций и восприятия социальных явлений не описывается с помощью неких усредненных качественных характеристик. Хотя следует согласиться и с тем, что «культурная схожесть и различия — это две стороны одной медали. Все культуры одновременно очень похожи друг на друга и различны...» [Триандис, 2007: 25] При этом более обоснованно говорить не об этнической психологии, а о влиянии культур на социальное поведение, ибо именно культурные стандарты, усвоенные с детства в процессе социализации и определяют различия в поведении людей, принадлежащих к разным культурам и специфику их восприятия одних и тех же социальных явлений.

Второй блок монографии посвящен анализу становления и развития этнонациональных движений финно-угров и их идеологии, а также рассмотрению роли внешних акторов в этнополитических процессах, которые имеют место на территории проживания указанных народов. При этом особое внимание уделено деятельности этнических элит.

Очевидно, что для адекватного понимания нашей позиции необходимо определиться, каким образом авторы данного труда понимают сам термин «этническая элита». Подходы к определению элит различны и мы не станем на них останавливаться, но в общепринятом понимании «элитный» — суть лучший. В данном случае мы не будем говорить о наиболее образованном и квалифицированном слое этнического сообщества,

ибо таковые его представители довольно часто космополитичны, поскольку для них более важны и значимы эффективные профессиональные и корпоративные связи и ценности мировой цивилизации, а локальное культурное наследие является вторичным по отношению к ним.

В нашем понимании этническая элита – это политизированная часть этнической группы, которая формирует идеологию, выражает культурные и политические интересы группы (точнее — заявляет об этом) и осуществляет руководство деятельностью этнонациональных движений и организаций. В западной традиции эту группу принято называть «этническими антрепренерами» (*ethnic entrepreneurs*) и названный термин мы также будем использовать [*Esman, 1994; Parekh, 2008*].

Вероятно, в этой связи имеет смысл кратко коснуться российской элитологии. Здесь есть несколько работ, на которые необходимо обратить внимание. Изучению российской политической и бизнес-элиты, особенностей ее формирования, методам ротации посвящены исследования, которые уже длительное время осуществляются соответствующим научным подразделением Института социологии РАН под руководством Ольги Крыштановской. Обобщающая работа, в которой суммированы перемены, произошедшие внутри элиты за последние 20 лет, - «Анатомия российской элиты», опубликована названным исследователем в 2005 году. Собственно региональная элита стала предметом изучения двух других московских ученых – Н.Лапиной и А.Чирковой. Их наиболее крупной работой является монография «Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор», которая была издана в 2000 году. Однако, на наш взгляд, данные исследовательницы переоценили как влияние региональных элит, так и их значение в экономическом и политическом развитии «ельцинской» России. О неадекватном восприятии ими региональных элит можно судить по прогнозу, который сделали исследователи в одной из своих статей, написанных в самом начале «путинской» эпохи: «Прогноз политических событий, связанных с попыткой лишить региональных лидеров их прежнего влияния, неоднозначен... Даже в случае компромиссного варианта развития событий драматические коллизии и скрытые конфликты в дальнейшем будут неизбежны. Региональные лидеры будут искать и найдут способы защитить себя от попыток Центра взять всю полноту власти на себя как в рамках правового поля, так и за его пределами. Думается, что их знание регионов, поддержка населения и местных элит помогут им сделать это» [*Лапина, 2002: 39*]. Неверные выводы и построенные на их основе нереалистичные прогнозы являются следствием слишком широкого, обобщенного анализа региональных политических процессов, в частности изучения элитных групп. Примененный указанными авторами метод глубинного

интервью (который используется весьма часто) не позволяет оценить всей совокупности факторов, воздействующих на региональные элиты и региональные политические процессы.

Рассматривая отечественную элитологию, следует выделить труды О.В. Гаман-Голутвиной, профессора МГИМО, опубликовавшую в 2006 г. в издательстве «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) монографию «Политические элиты России: Вехи исторической эволюции». В разработку теории, методологии исследований и в анализ функционирования элит всех уровней значительный вклад внесли работы Г.К. Ашина, А.В. Дуки, В.П. Мохова, Е.В. Охотского, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, и др.

Помимо отечественных исследователей, изучением российской политической элиты занимаются и некоторые западные ученые, в числе которых в первую очередь следует назвать японского исследователя Кимитака Мацузато. Под его руководством в 1997-2000 гг. издана серия из семи томов «Регионы России. Хроника и руководители», выполнен крупный исследовательский проект «Элиты Средне-Волжских национальных республик», результаты которого частично были обобщены в авторской монографии [Matsuzato, 1999]. Пожалуй, это единственное серьезное исследование, где рассматривается идеология этнонациональных движений и политические позиции региональных этнических элит.

Пути формирования региональных этноэлит и их культурные особенности отчасти затрагивались в работах К. Санукова [Сануков, 1993], а также К. Куликова [Куликов, 1993; 1997] и диссертационном исследовании М. Теснина, где удмуртская элита анализировалась с позиций «неотрибализма» [Теснин, 2006]. Однако в названных работах присутствуют лишь более или менее удачные попытки коснуться проблемы элит и их политических практик, но не предлагается целостного анализа названной проблемы. Солидных отечественных исследований, посвященных всестороннему анализу политических практик и политических взглядов указанных элит на сегодняшний день, на наш взгляд, не существует и лишь с некоторыми оговорками таковой работой можно считать труд Ж.Тощенко «Этнократия», который, правда, страдает неточностями и не очень глубоким «погружением» в региональную проблематику.

Изучение местных национализмов, характера их эволюции и роли этнических элит как творцов идеологических концептов, несомненно, актуально и требует активного обсуждения. Нам представляется, что такое обсуждение будет способствовать более точному пониманию региональных политических процессов и позволит полнее оценить характер эволюции территориальных сообществ.

Несколько глав монографии являются развитием ранее опубликованных работ, которые были подготовлены с участием других авторов: Главы 1 и 3 подготовлены с использованием материалов доклада Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, №183/Под общей редакцией В.А.Тишкова и Ю.П.Шабаева (авторы: В.С.Воронцов, Ю.П.Шабаев, В.Д.Шаров, Н.В.Шилов). М., 2005; Глава 2 подготовлена с использованием материалов статьи: Шабаев Ю.П., Денисенко В.Н., Шилов Н.В. Язык и этничность: дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров//Этнографическое обозрение. 2009.№2 (с. 92-106); Глава 7. подготовлена с использованием материалов доклада Финно-угорские народы. Ответ Евросоюзу. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2006 (авторы В.А.Тишков, Ю.П.Шабаев).

Глава 1. Демография в этнокультурном дискурсе: проблемы восприятия

Демографическое развитие любого народа происходит под воздействием многих факторов: уровня экономического развития, состояния здоровья населения, культурных традиций и т.д. Причем влияние этих факторов не есть величина постоянная, а сама динамика демографических изменений в силу своей сложной природы не может быть просто экстраполирована на обозримую перспективу с целью построения социальных прогнозов. Общий характер демографического развития финно-угорских народов РФ достаточно определенно можно проследить с начала XVIII столетия. Известный эстонский исследователь Хено Сарв показал, что динамика демографического развития российских финно-угров не была устойчивой, хотя не смог обоснованно доказать влияние различных внешних воздействий на это развитие, ограничившись лишь сомнительным утверждением о том, что с конца XIX в. названные народы подвергались усиленной русификации [Сарв, 1994: 26–41]. Финский ученый Сеппо Лаллукка, анализируя демографическое развитие восточных финнов в XX столетии, пришел к выводу, что для анализа этнодемографической ситуации в регионах их проживания логично применить модель этнической динамики, созданной Пармингом на основании ассимиляционной парадигмы Гордона. Фокус модели направлен на потерю специфической этничности и движению к превалирующему культурному идеалу, в качестве которого он использовал символ WASP (белые американцы, англо-саксонского происхождения, исповедующие протестантизм). В данной модели важную роль играет влияние превалирующей идеологии, т.е. навязываемой обществу культурной модели, социально-экономическая мобильность и процесс адаптации мигрантов к реальностям принимающего общества. Ссылаясь на Парминга, финский исследователь замечает: «Исторический опыт показывает, что аккультурационно-ассимиляционный подход применим к восточно-финским народам России. Более того, совершенно ясно, что основной группой назначения

в их ассимиляции является русская нация. В этом отношении, если заимствовать идеологию у Гордона, можно говорить о тенденции к «русоподобию» (Russo-conformity) [Лаллука, 1997: 31]. При всей внешней убедительности предложенной модели трудно согласиться с тем, что она адекватно применима к анализу ситуации в СССР и в постсоветской России. Первое существенное замечание касается того, что ни в СССР, ни в России не существовало концептуальной культурной модели, подобной WASP. Можно сослаться на то, что в период «развитого социализма» официально одобряемой и культивируемой идеей стала идея советского народа как «новой исторической общности людей», которая предполагала «всесторонний расцвет и сближение наций и народностей» страны. Но эта идея была противоречива по сути, ибо стремилась совместить два процесса: процесс культурной унификации и процесс этнической сепарации. Этничность и этнические предпочтения официально поддерживались как в центре, так и на местах, в региональных политических элитах искусственно поддерживался баланс этнического представительства, а этнические (в советской версии – национальные) культуры должны были быть социалистическими по форме, но национальными (то есть этническими) по содержанию. В постсоветской России вообще отсутствует некий культурный идеал, на который могли бы ориентироваться группы меньшинств и мигранты. Более того, Россия унаследовала от СССР и этнический принцип построения федерации, и доктрину этнического национализма. Названная доктрина исходила из предположения, что каждая значительная этническая общность должна иметь собственное национально-государственное образование и в пределах данного образования представители этой общности объявлялись «коренным народом», а все остальные группы – «некоренным населением» [Тишков, 1994]. Для «коренных» предусматривался комплекс культурных и политических предпочтений. Реализуя эту концепцию в первые годы советской власти в ряде «национальных регионов» пытались осуществить так называемую «коренизацию», целью которой являлась попытка резко увеличить численность и значение «национальных кадров» в системе органов государственной власти, в сфере культуры и т.д.

В советской версии этнополитики произошло совмещение политических и этнических принципов структурирования социальных групп, а потому термин национальность (nationality), который в других странах означает лишь гражданство, стал в СССР синонимом этнической принадлежности. Огосударствление этничности превратилось в важное направление внутренней политики и не случайно, когда в 1932 году в СССР был введен внутренний гражданский паспорт, графа «национальность» стала обязательной в нем, а фиксация этнической принадлежности гражданина стала осуществляться, согласно

специальной инструкции, суть которой сводилась к принудительному навязыванию этничности.

В постсоветской ситуации возник кризис государственной идеологии, ибо от коммунистических идеалов общество отвернулось, но вместо этих идеалов ему не было предложено новых политических и культурных ценностей, которые были бы понятны и приняты большинством населения. Идеологический вакуум, о котором достаточно много писали специалисты, был успешно заполнен идеями этнического национализма и этничность под лозунгом идей некоего «национального возрождения» в течение ряда лет успешно навязывалась массовому сознанию россиян. Этому навязыванию способствовал не только идейный кризис, но и очевидное ослабление федеральной власти, общенациональных политических институтов. В результате навязывания этничности все более ослабевала роль гражданской солидарности и общегражданской идентичности.

Несмотря на все это, процессы «ассимиляции» не были остановлены и как только началось усиление федеральной власти, сменился вектор общественных настроений (от преимущественной поддержки региональных лидеров к поддержке федерального лидера), так сразу же началось и усиление «ассимиляционных» процессов. Очевидно, что эти процессы носят все же преимущественно не этнический, а гражданский и политический характер. В этом видится вторая слабость предложенной Сеппо Лаллукка модели, ибо он не учитывает роль гражданской консолидации в демографических и культурных процессах. Стремление к «русоподобию» нельзя однозначно оценивать как этническую ассимиляцию. Поскольку в России, как и в СССР, долгое время и весьма активно шло навязывание этничности, постольку интеграционные процессы, совершенно естественные и необходимые для сложных обществ, отсутствовали и отсутствовала пропаганда идеи гражданского общества и гражданской солидарности. Между тем политика гражданской интеграции, суть которой, по замечанию К. Гиртса, заключается в последовательных действиях, которые направлены «на подчинение первичных этнических (примордиальных) сантиментов общегражданскому порядку» [Гиртс, 1999], является составной частью внутренней политики любого суверенного национального государства.

Отсутствие такой политики в РФ (или отсутствие четко артикулированной идеи гражданской консолидации) приводило к тому, что стремление идентифицировать себя не в этнических, а в гражданских категориях также приобретало этническую форму. В массовом сознании россиян в результате многолетних традиций навязывания этничности не произошло укоренения гражданских определителей и потому вместо гражданского маркера «россиянин» они используют этноним русский, когда отказываются от

принадлежности к своей этнической группе и стремятся интегрироваться в доминантное большинство.

Однако, возвращаясь вновь к идее русификации меньшинств, заметим, что под русификацией можно понимать и процессы естественной ассимиляции, которые неизбежны в любом полиэтническом сообществе. При этом в полиэтническом сообществе эти процессы имели, и отчасти имеют и ныне, двусторонний характер, что особенно заметно в этноконтактных зонах [Жеребцов, 1982; Прибалтийско-финские, 1995]. Важно также иметь в виду, что решительное влияние на ход демографического развития ассимиляция стала оказывать лишь во второй половине XX столетия, когда существенно изменилась социальная структура финно-угорского населения страны и этнодемографические пропорции в местах их традиционного проживания, усилились процессы индустриализации и урбанизации, резко расширился информационный обмен между культурами. Между первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 года и последней Всесоюзной переписью населения СССР 1989 г. численность большинства так называемых восточнофинских народов заметно возросла (исключением являются карелы, вепсы и финны), хотя темпы роста численности различались очень серьезно: численность удмуртов, к примеру, увеличилась на 56,4%, марийцев - на 78,3%, коми-пермяков – на 45, 2%, коми – на 224,6% [Котов, 1996: 38–62]. Со второй половины XX в. началось заметное сокращение численности мордвы, карел, вепсов, ижорцев, води, саамов (см. Табл. 1). Решающую роль в этом сокращении сыграли процессы этнической ассимиляции, поскольку эти этнические группы из «аграрных» стали превращаться в городские сообщества, а точнее аграрное финно-угорское население стало активно перемещаться в города и интегрироваться в полиэтничные городские сообщества, которые характеризуются стандартизированными формами культурного потребления [Low, 1999].

Таблица 1.

Численность финно-угорских народов, проживающих на территории России

По данным переписей населения, тыс. человек

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002
бесермяне	3
венгры	4,2	4,2	6,7	4,3	5,7	4
вепсы	33	31	16	8,1	7,6	12,2	8
водь, чел.	73
ижорцы	17,0	7,7	0,6	0,6	0,4	0,4	0,4
карелы	248	250	164	141	133	125	93

коми	226		283	315	320	336	293
в том числе							
коми-ижемцы	}415	16
коми-пермяки	149		143	150	146	147	125
манси	5,8	6,3	6,3	7,6	7,4	8,3	11
марийцы	428	476	498	581	600	644	604
в том числе							
горные	19
луговые	56
мордва	1335	1375	1211	1177	1111	1073	843
в том числе							
мокша	50
эрзя	56
саамы	1,7	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	2
удмурты	514	600	616	678	686	715	637
финны	134	139	72	62	56	47	34
в том числе							
финны-ингерманландцы	0,3
эстонцы	150	130	79	63	56	56	28
в том числе							
эстонцы-сету, чел.	197

Воздействовали на сокращение численности изменения в характере сельского расселения, перемены в хозяйственной жизни, притеснения со стороны государства (особенно в отношении финнов). Конечно, и официальная политика формирования некой надэтнической общности, которую именовали «советский народ», играла определенную роль в усилении процессов ассимиляции, но решающее воздействие оказывали демографические пропорции населения, которые на территории проживания финно-угорских народов значительно изменились в XX столетии. За исключением коми-пермяков, в своих национально-территориальных образованиях все финно-угры являются сегодня меньшинствами. При этом стоит заметить, что в сельской местности этнодемографические пропорции изменились незначительно и основные изменения были связаны с урбанизацией регионов традиционного расселения финно-угров и особенностями формирования городского населения. Города формировались как поселения, где полностью доминировало русское население и формировалась

русскоязычная культурная среда (а точнее — языковая среда). Финно-угорское население в течение XX в. активно мигрировало в города и его адаптация к городской среде по своему содержанию представляла собой процесс аккультурации сельских мигрантов к унифицированным культурным стандартам, которые по существу носили надэтнический характер, хотя и воспринимались представителями этнических меньшинств как «русские» (чему способствовал тот факт, что городские сообщества естественным образом восприняли язык большинства как средство консолидации). Тем не менее, абсолютная численность горожан среди финно-угров в советские годы неуклонно возростала.

Но одновременно происходили и важные перемены в этнокультурных ориентациях населения и особенно молодежи, которые неизбежно должны были сказаться на общем характере развития финно-угорского населения проживавшего в различных регионах РФ [Шабает, 2000: 15–20]. Значительная часть молодежи ориентирована на интеграцию в доминантное большинство и не хочет идентифицировать себя с миноритарными сообществами. При этом, как показывают наши полевые наблюдения и опросы, если прежде смена этнического самосознания была характерна для городской молодежи, то ныне довольно часто молодые люди из глубинных коми, марийских, мордовских сел, у которых оба родителя являются или коми, или марийцами, или мордвинами заявляют о своем желании называться русскими. Ни то, что их первичная социализация протекала в однородной культурной среде, что первым языком у них был коми, марийский или мордовские языки не является значимым для их культурного выбора. Сеппо Лаллукка отмечает, что подобное поведение есть сознательная стратегия тех, кто «желает абсорбироваться в большое общество» и полагает, что подобный выбор делают те представители восточных финнов, кто хочет не только слияния с «большим обществом», но и стремиться, чтобы к ним «относились просто как к индивидам» [Лаллукка, 1997: 304]. Иными словами, фактически эти люди настаивают на том, что их гражданская идентичность важнее этнической.

Данные перемены в сознании и культурных ориентациях в конечном итоге и определили те новые явления в демографическом развитии финно-угорского населения РФ, которые были зафиксированы последней переписью населения.

Результаты переписи 2002 г. показали, что доля коми в населении РК составляет 25,2%, доля коми–пермяков в КПАО – 59,0%, удмуртов в Удмуртии – 29,3%, марийцев в Марий Эл – 42,9% , мордвы в Мордовии – 31,9% , карел в Карелии – 9,2%, хантов и манси в Ханты–Мансийском автономном округе – 1,9%. Республика Коми наряду с Ханты–Мансийским автономным округом оказалась в числе двух национально-государственных образований финно-угорских народов, в которых доля титульного населения возросла в

сравнении с 1989 годом. В Карелии, Удмуртии, Коми-Пермяцком автономном округе, Республике Марий Эл, Мордовии доля титульных этнических групп в населении сократилась, хотя и не слишком значительно. В то же время доля русских в республиках Поволжья сократилась незначительно: от $-0,1\%$ в Удмуртии до $-7,8\%$ в Мордовии. Как и в большинстве российских регионов, это явилось следствием негативных процессов в естественном движении населения [Мкртчян, 2004: 55]. При этом на севере – в Карелии и в Коми доля русских даже несколько возросла, несмотря на то, что из Коми с начала 1990-х годов происходит массовый исход населения и среди мигрантов преобладают русские [Фаузер, 2003].

На территории своих национально-государственных образований в 2002 г. проживало 70,3% карел, 87,4% коми, 64,1% коми-пермяков, 86,5% манси, 51,7% марийцев, 33,7% мордвы, 72,3% удмуртов, 59,7% хантов, т.е. уровень «диаспоризации» финно-угорских этнических сообществ совершенно разный. Естественно, что локальные группы, оказавшиеся за пределами своих национально-государственных образований, имеют более интенсивный характер межэтнических контактов и более подвержены ассимиляции, поэтому, чем выше уровень «диаспоризации», тем больше и ассимиляционные потери этнических групп.

За исключением хантов, манси и саамов все другие финно-угорские этнические группы понесли существенные потери в своей численности: численность марийцев уменьшилась на территории РФ на 40 тыс. человек (снижение на 6,2%), коми – на 42 тысячи (снижение на 13%), коми-пермяков – на 22 тыс. (снижение на 15,0%), удмуртов – на 78 тыс. (снижение на 10,9%), карел – на 32 тыс. (снижение на 25,6%), мордвы – на 230 тыс. (снижение на 21,4%), вепсов – на 4,2 тысячи человек (снижение на 34,5%). Рождаемость на территории проживания финно-угров низкая, а смертность существенно превышает уровень рождаемости. Все последние годы в регионах, где проживает основная часть финно-угров России, наблюдается отрицательный коэффициент естественного прироста, причем его величина весьма значительна, но при этом следует заметить, что сходная ситуация наблюдается и в таких странах, как Эстония и Венгрия, основную часть населения которых составляют финно-угорские народы. Так, в 2003 г. в Венгрии коэффициент естественного прироста был равен $-4,1$, в Эстонии он был примерно такой же, а именно: $-4,2$ (в Финляндии коэффициент был положительным и составлял 1,5). В российских регионах величина коэффициента варьировалась более значительно: в Карелии он был равен $-9,7$; в Коми она равнялась $-4,3$; в Марий Эл величина коэффициента составляла $-6,0$; в Мордовии $-8,8$; Удмуртии $-4,2$; в Коми-Пермяцком

округе –10,2 и только в Ханты-Мансийском округе прирост был положительным и величина коэффициента составляла 6,2 [*Финно-угорский*, 2004: 13].

При этом общее количество рождений на одну женщину у российских финно-угров выше, чем в среднем по стране (см. Табл. 2), что вполне объяснимо, ибо финно-угры продолжают оставаться преимущественно сельскими этническими сообществами, а на селе уровень рождаемости традиционно выше, нежели в городе. Но если рассматривать среднее число рождений в разрезе возрастных групп, то разница между финно-уграми и остальным населением страны снижается от старших групп к младшим: у последних она за некоторыми исключениями практически не отличается от общих показателей. Более того, изменение динамики рождаемости в «финно-угорских регионах» было абсолютно адекватно изменению динамики рождаемости в соседних «русских» регионах. Для примера можно сослаться на Коми-Пермяцкий округ, где доля титульного населения наивысшая и коми-пермяки составляют большинство, и Пермскую область. С 1960 по конец 1980-х гг. изменение основных демографических показателей в двух регионах практически было синхронным [*Савельев*, 2005]. Правда следует признать, что с 1990-х гг. при общем ухудшении демографической ситуации в стране различия в динамике и характере демографических процессов разных регионах страны стали увеличиваться. Прежние модели демографического поведения также претерпели изменения. В частности резко снизилась разница в плодовитости городских и сельских женщин. Более того, в Коми с 1996 г. уровень рождаемости на селе (где коми составляют половину жителей) стал ниже, чем в городе [*Фаузер*, 2001]. Снижению рождаемости на селе способствуют как социально-экономические проблемы, с которыми столкнулось сельское население страны с началом рыночных реформ, так и демографические диспропорции. Даже в регионах с высокой долей сельского населения, к которым можно отнести в частности территорию бывшего Коми-Пермяцкого округа и Республику Марий Эл, крайне острой является проблема невест, т.е. существенное превышение доли мужчин в активном брачном возрасте над долей женщин того же возраста. В Марий Эл, «среди лиц в возрасте 20-24 лет на 1000 мужчин в сельской местности приходится 898 женщин, 25-29 лет – 904; 30-34 лет – 911; 35-39 лет – 847, 40-44 лет – 855 женщин» [*Шаров*, 2007: 154]. В КПАО еще в 1980-е годы на 1000 мужчин в возрасте 16-29 лет приходилось 812 женщин того же возраста [*Шабаетов, Савельев*, 2005: 21], а ныне эта диспропорция еще более усилилась и дополнилась стремлением коми-пермячек к поиску брачных партнеров за пределами округа.

Таблица 2.

Среднее число рожденных детей на 1000 женщин (по данным переписи населения 2002 г.)

РФ в целом	карелы	коми	коми-пермяки	манси	марийцы	мордва	удмурты	ханты
1513	1823	1869	2145	1758	1917	1986	1930	2002

При этом существенной разницы в показателях рождаемости и смертности между различными этническими группами не наблюдается. Во всех «финно-угорских регионах» общий уровень смертности сельского населения заметно выше городского при достаточно близких значениях общего уровня рождаемости, а на селе, к примеру, проживает половина коми Республики Коми. Характерно, что в 2004 г. естественная убыль населения в Коми-Пермяцком АО составила 10,9 человека на 1000 жителей и была максимальной среди регионов РФ с финно-угорским населением, хотя, как отмечалось выше, здесь коми-пермяки составляют большинство жителей. Далее по показателям естественной убыли населения следуют Карелия и Мордовия – соответственно 8,1 человека и 6,1 человека на 1000 жителей.

Конечно, кризисные явления в демографическом развитии финно-угров (и регионов их расселения) очевидны, но объяснять их политическими установками российских властей, как это делают некоторые исследователи, было бы явным упрощением. Реальная картина много сложнее и анализ демографической ситуации, складывающийся на территории проживания карел, коми, коми-пермяков, удмуртов, марийцев, мордвы это подтверждает.

Среди всех российских финно-угорских народов оптимальной можно признать только ситуацию, которая имеет место среди хантов, манси и саамов, ибо у них соответственно 33,8%, 32,8% и 24,4% в возрастной структуре этнического сообщества приходится на лиц в возрасте моложе трудоспособного при достаточно благоприятном соотношении полов. У всех других финно-угров демографическая пирамида имеет нарушенные пропорции. К примеру, у вепсов доля населения моложе трудоспособного возраста составляет только 7,1%, у мордвы – 10,5%, у коми-пермяков – 10,2%, у коми – 16,7%, у удмуртов – 15,6%, у марийцев – 19,0% [*Финно-угорский*, 2004: 11].

В целом по сравнению с предыдущей переписью произошло заметное демографическое старение населения большинства названных этнических групп и медианный возраст снизился только у хантов и манси. Увеличение среднего возраста оказалось весьма значительным: у карел в 2002 г. он составил 45,7 года, у коми – 38,8, у коми-пермяков – 40,8, у манси – 24,3, у марийцев – 36,7, у мордвы – 44,4, у удмуртов – 40,0, у хантов – 23,7

лет. При этом у коми, коми–пермяков и удмуртов средний возраст городского населения выше, чем у сельского, у остальных – наоборот.

Соотношение полов у коми в трудоспособном возрасте таково, что женщины заметно преобладают над мужчинами: численность коми мужчин в данном возрасте составляет 89299 человек, а женщин – 99298, в возрасте старше трудоспособного женщины почти втрое преобладают над мужчинами (15162 против 40674). Столь значительной половой диспропорции в активном брачном возрасте нет ни у одной другой финно-угорской группы, за исключением хантов и манси. Если же говорить в целом о соотношении полов у финно-угров РФ, то оно таково, что численность женщин очень значительно превышает численность мужчин у большинства народов. Причем ситуация здесь принципиально не изменилась за последние 30 лет, ибо аналогичная проблема фиксировалась как переписью 1989 года, так и переписями 1970 и 1979 годов [Финно-угорские и самодийские, 2006: 20]. Это значит, что, уже исходя только из одного этого факта, женщины вынуждены были искать себе брачных партнеров среди других этнических групп населения «финно-угорских регионов», а это неизбежно вело к увеличению доли межэтнических браков и усилению ассимиляционных процессов.

Таблица 3.

Распределение численности финно-угорских народов РФ по полу

	1989			2002		
	Оба пола	мужчины	женщины	Оба пола	мужчины	женщины
Вепсы	12142	4870	7272	8240	3339	4901
Ижорцы	449	131	318	327	109	218
Карелы	124921	52705	72216	93344	39871	53473
Коми	336309	149652	186657	293406	129428	163978
Коми-пермяки	147269	65508	81761	125235	55977	69258
Манси	8279	3722	4557	11432	5167	6265
Марийцы	643698	297584	346114	604298	278912	325386
Мордва	1072939	480825	592114	843350	384458	458892
Саамы	1835	803	1032	1991	882	1109
Удмурты	714833	323497	391336	636906	286517	350389
Ханты	22283	10301	11982	28678	13033	15645

Следствием названных диспропорций может стать лишь активный поиск брачных партнеров среди других этнических групп населения республики, что будет характерно, прежде всего, для коми женщин. Это только усилит процессы ассимиляции среди коми.

Ассимиляционные потери этнических меньшинств в условиях нарастания демографических диспропорций, тесного межэтнического взаимодействия и отсутствия культурных барьеров между представителями основных этнических групп населения неизбежны. Важно оценить размеры ассимиляционных потерь. Они были проанализированы Сеппо Лаллуккой, который, в частности, отмечает: «В своих исследованиях, проведенных в конце 1980 - начале 1990-х гг., я сделал некоторые подсчеты, чтобы установить количественные оценки ассимиляции. Эти калькуляции основывались на методе передвижки возрастов. Рассматривался межпереписной период с 1959-го до 1970 г. с использованием половозрастных распределений карелов, коми-зырян, коми-пермяков, марийцев, мордвы, удмуртов. В результате вышло, что эти народы за 11 лет потеряли от 6 до 16% своей общей численности в СССР ассимилированными. У карелов, мордвы и коми-пермяков эти убытки были порядка 13-16%, а у других национальностей от 6 до 9%. О возрастной модели ассимиляции можно сказать, что самые большие относительные убытки выпали на молодежные когорты [*Лаллукка, 2007: 107*].

Полная ассимиляция предполагает смену этнического самосознания. Смене этнического самосознания, действительно, часто предшествуют процессы аккультурации и языковой ассимиляции. Названные процессы приобрели весьма значительные масштабы практически среди всего финно-угорского населения РФ. Результаты микропереписи населения 1994 г., к примеру, показали, что произошли коренные изменения в языковой практике финно-угров. Так среди коми русским языком на работе пользуются 716 из каждой 1000 представителей титульной этнической группы, проживающих на территории РК, в учебном заведении таковых 735, но самое главное, что в семье пользуются русским языком 568 из каждой 1000 коми. Среди городских коми эти показатели еще более впечатляющи и свидетельствуют о практически полном переходе на русский язык молодого поколения, многие представители которого просто не владеют языком родителей. Русским языком, согласно данным микропереписи, пользуются в семье 957 вепсов из каждой 1000, 825 карел из каждой 1000 проживающих в Карелии, и соответственно 966 манси и 864 ханта, 382 мордвина, 363 марийца, 350 удмуртов и 381 коми-пермяк из каждой 1000, проживающих на территории своих национальных республик или округов [*Финно-угорские, 1999: 10*].

Таким образом, русский язык становится сегодня основным языком для финно-угорского населения во всех сферах общения.

Перепись населения 2002 года только подтвердила тот факт, что языковая ассимиляция продолжается и становится все более масштабной. Так, данные переписи показали, что только 48,4% карел в Карелии владеют карельским языком [*Клементьев, 2007: 74*], среди

мордвы, проживающей в Мордовии 15,6% не владеют мордовским языком [Мартыненко, 2007: 169], в Республике Коми коми языком владеют 78,1%, проживающих здесь представителей титульного этнического сообщества [Шабатов, 2007: 84], в Марий Эл 84,2%, проживающих здесь марийцев владеют марийским языком [Шаров, 2007: 161]. Но при этом почти все исследователи отмечают, что языковая компетенция и языковое поведение у представителей титульных этнических сообществ существенно разнятся. В быту полностью доминирует русский язык, а городская молодежь практически полностью русскоязычна. Языковая ассимиляция стала заметным явлением в этнокультурных процессах со второй половины 1950-х годов, когда коми превратились в меньшинство на территории республики и этнодемографическая ситуация коренным образом поменялась не в пользу титульного населения. При этом темпы ассимиляции нарастают: в 1959 г. 93,8% коми республики еще называли родным языком коми язык, в 1970 г. доля таковых составляла 86,7%, в 1979 г. – 80,0%, в 1989 г. – 74,3% [Котов, 1996:74].

Критики этнонациональной политики РФ, которые излагали свои взгляды на Всемирном финно-угорском конгрессе в Таллине (2005 год), усматривают тесную связь между языковой ассимиляцией и сокращением численности финно-угорских народов. Конечно, такая связь очевидна и языковая практика оказывает воздействие на этническое самосознание, но нельзя все сводить к данной проблеме, ибо у разных народов ситуация в этой сфере различна. Более того, сами результаты переписи-2002 показывают, что жесткой зависимости между языковой ассимиляцией и демографическими процессами не существует.

Дело в том, что среди финно-угров и самодийцев очень высокий прирост численности наблюдался за межпереписной период у хантов, манси, саамов и европейских ненцев. При этом европейские ненцы еще в конце XIX в. в большинстве своем владели русским языком, а ныне он полностью доминирует во всех сферах общения, а родным языком владеют немногие [Рокина, 2003: 132–135], саамы ныне также в большинстве своем утратили родной язык и считают таковым русский [Лукьянченко, 2002: 11], языковая ассимиляция у хантов и манси идет не менее интенсивно, чем у других финно-угорских этнических групп РФ. На наш взгляд, разница в характере этнокультурного и этнодемографического развития финно-угорского населения России объясняется целым комплексом факторов, но существенное значение в последние годы приобретает фактор символической ценности этничности и реальной практической пользы для каждого конкретного представителя данного этноса от его отождествления с народом, к которому принадлежали его предки. О том, что этническая идентификация в современном мире

приобретает характер гибкого позиционирования личности в меняющихся социальных условиях свидетельствует не только отечественный опыт, но и зарубежный. В частности после того, как в 1971 г. конгресс США принял Акт по разрешению земельных требований коренных жителей Аляски (ANCSA), многие из тех, кто прежде не хотел признавать себя коренными аляскинцами, пожелали заявить о своей аляскинской идентичности [Пуллар, 2003: 75-94].

Важным этнодемографическим процессом в XX столетии был неуклонный рост численности горожан среди финно-угров и увеличение их доли в общей социальной структуре названных народов. К примеру, в 1970 г. городские коми ставили 33,1% всех коми республики, в 1979 г. – 41,7%, в 1989 г. – 46,8%. Казалось, что превращение коми в городской этнос есть устойчивая тенденция, но усиливающиеся процессы ассимиляции среди коми горожан неизбежно должны были прервать рост доли горожан среди коми, ибо ассимиляция стала опережать механический рост числа городских коми за счет мигрантов из села.

Перепись 2002 г. уже зафиксировала снижение доли городских коми до 46,2%. Безусловно, это еще не очень заметное снижение доли, но показательно, что оно сопровождалось и весьма существенным снижением абсолютной численности коми горожан: со 136412 в 1989 г. до 118541 в 2002 г. Иными словами, численность городских коми в РК сократилась за межпереписной период на 13%, хотя из-за общего сокращения численности горожан доля коми в составе городского населения возросла с 14,4% до 15,5%. В отличие от остального городского населения республики, коми горожане не очень активно мигрируют за пределы Коми Республики. Следовательно, основная часть потерь городского коми населения приходится на потери от ассимиляции. Если же рассмотреть коми население РФ в целом, то и здесь наблюдается вполне ощутимое сокращение как абсолютной численности коми горожан, так и сокращение их доли в общей численности этноса: с 48,7% в 1989 г. до 47,5% - в 2002 году. Аналогичная картина наблюдается и в демографическом развитии других крупнейших финно-угорских групп. Переписи 1970, 1979, 1989 гг. фиксировали неуклонное увеличение абсолютной численности горожан в составе этих народов, увеличение их доли в их социальной структуре и одновременно сокращение и абсолютной численности, и доли сельского населения в их общем составе [Национальный, 1990: 11-15].

Процесс **деурбанизации** стал характерным явлением для большинства финно-угров России: перепись 2002 г. показала, что абсолютная численность горожан очень значительно выросла только у саамов (на 61,8%), у манси (на 56,6%) и хантов (на 49,5%), а у остальных финно-угров она сократилась и в ряде случаев очень значительно. Помимо

этого, произошло сокращение доли горожан в общем составе финно-угорского населения РФ. У мордвы доля горожан в социальной структуре этноса понизилась в 52,2% в 1989 г. до 49,2% в 2002 г.: у удмуртов соответственно с 48,1% до 46,6%; у карел – с 61,2% до 55,9%; у коми-пермяков – с 39,8% до 38,8%. Только у марийцев доля горожан за указанный период выросла с 40,7% до 42,3%. Это в значительной мере можно объяснить тем, что в предшествующие десятилетия нарастание доли горожан у марийцев шло более быстрыми темпами, чем у других народов: в 1979 г. по сравнению с предыдущей переписью численность марийцев-горожан возросла на 60,9%. В 1989 г. по сравнению с 1979 г. она выросла еще на 45,4%. Тем самым демографический потенциал городских марийцев был достаточен для того, чтобы сдерживать ассимиляционные процессы, ибо значительная их часть являлась горожанами в первом поколении, т.е. этничность поддерживалась их социальным происхождением. У более урбанизированных этнических групп в составе городских общин доля сельских мигрантов меньше, а значит и выше потери от ассимиляции, ибо уже второе поколение горожан в значительной мере является деэтнизированным, как показывают результаты исследований. В Коми, Удмуртии, Карелии, Марий Эл, Мордовии городская часть титульных этнических групп ныне в значительной мере формируется за счет самовоспроизводства, поскольку миграция из села в город хоть и сохраняется, но масштабы ее незначительные и существенно влиять на демографические процессы она не может. По этой причине темпы ассимиляции городских частей указанных этнических групп возрастают, ибо демографический потенциал городских финно-угров существенно уступает демографическому потенциалу доминантного большинства городского населения, а культурные ориентации молодого поколения все отчетливее смещаются именно в сторону доминирующей культуры, точнее - в сторону культурной унификации. Процессы унификации есть доминирующая общемировая тенденция и Россия здесь не является исключением.

Сельская же часть титульного населения республик с финно-угорским населением оставалась стабильной на протяжении нескольких последних десятилетий. В 1970 г., к примеру, сельские коми составляли 50,3% от всех коми республики, в 1979 г. – 50,5%, в 1989 г. – 50,6%. Но, согласно данным переписи 2002 г., доля коми в общем составе сельского населения возросла весьма заметно и составила 54,7%. Таким образом, в составе сельского населения коми начинают все более ощутимо доминировать и тем самым условия для демографического воспроизводства сельских коми становятся более благоприятными. Но условия для воспроизводства этнического сообщества не сводятся только к соотношению этнических групп и внутригрупповым демографическим пропорциям, они в значительной мере определяются общей социально-экономической

ситуацией на селе. А эта ситуация уже свыше десяти лет определяется как крайне неблагоприятная. Более того, есть все основания говорить о глубоком аграрном кризисе, который переживает российское село в целом и сельские регионы в республиках с финно-угорским населением в частности. Этот кризис связан с тем, что не созданы условия для коренной структурной перестройки аграрной сферы, не стимулируются эффективные собственники.

Таблица 4.

Численность городского и сельского населения в составе крупнейших финно-угорских народов РФ по результатам переписей

	1970	1979	1989	2002
Мордва				
город:	393326	469918	560054	483098
село:	784166	641157	512885	494283
Марийцы				
город:	111925	180123	261921	256094
село:	469157	419514	381777	348204
Коми				
город:	112513	140205	163823	139416
село:	202834	179873	172486	153990
Удмурты				
город:	212721	280872	344158	296976
село:	465672	404846	370675	339930
Карелы				
город:	61720	72078	76505	52205
село:	79428	61104	48416	41139
Коми-пермяки				
город:	33424	46053	58656	48658
село:	116820	99940	88613	76577

Демографическая ситуация диктует настоятельную необходимость разработки и принятия комплексной программы развития села и она должна быть стержнем

региональной этнонациональной политики в отношении улучшения условий существования титульных этнических групп в регионах проживания финно–угров.

Особая актуальность разработки и скорейшей реализации эффективной программы развития аграрной подсистемы региональных хозяйственных комплексов диктуется не только тем, что в условиях наметившегося процесса деурбанизации финно–угорских этнических сообществ, их сельская часть превращается в важнейший ресурс поддержания и сохранения этничности, «страховой фонд этнической группы», но и потому, что сельское население в настоящее время находится в состоянии социальной дезорганизации и социальной дезориентации. Об этом свидетельствует крах прежних производственных систем, снижение уровня жизни и собственно демографические показатели. Так уровень смертности на селе в Республике Коми превышает среднереспубликанские показатели в 1,1-1,3 раза. То же самое имеет место и в большинстве других регионов, где проживают финно-угры.

В таких условиях очевидно, что необходима социальная реабилитация сельского населения, ибо без нее село не может стать тем «страховым фондом» этноса, которым оно объективно должно быть в новых социальных реалиях. Реабилитация же возможна лишь при условии обеспечения сельских жителей необходимым комплексом социальных услуг, включая медицинские, образовательные, культурные, которые ныне либо крайне низкого качества, либо вовсе отсутствуют. Но важнейшим условием реабилитации станет формирование эффективных производственных структур, конкурентноспособных и рыночноориентированных. Именно они позволят повысить доходы населения, увеличат поступления в местные бюджеты и дадут возможность развиваться соответствующим социальным службам.

Следующим значимым и масштабным явлением, выявленным переписью населения 2002 года, является этническая фрагментация финно-угорских сообществ, возрождение старых этнонимов и стремление, по выражению Бенедикта Андерсона, к «переопределению» категорий идентичности [Андерсон, 2001: 180-188]. Этот процесс затронул все крупные финно-угорские народы России: удмуртов, мордву, марийцев и коми.

В разных регионах России у этого процесса есть свои особенности и начинался он в разное время, но именно перепись-2002 стала реальным свидетельством того, что названный процесс не только очевиден, но и продолжает углубляться.

Начало процессу фрагментации положило стремление бесермян выделиться в самостоятельную этническую общность. После переписи населения 1926 г. их учитывали вместе с удмуртами, хотя названная перепись и зафиксировала довольно значительную численность группы – более 10 тыс. человек. То же самое имело место и в отношении

язьвинских коми-пермяков. Их тоже учитывали как отдельную этническую общность только в переписи 1926 года. И численность данной группы была примерно равной бесермянам. В 1990-е годы стали предприниматься попытки возрождения культурной специфики и локального самосознания и бесермян, и язьвинских коми-пермяков. На территории проживания бесермян было создано «Общество бесермянского народа», которое поставило своей целью возрождение бесермян как отдельного этноса, в Глазове был организован национально-исторический центр бесермян, в 1992 г. было принято постановление Президиума Верховного Совета Удмуртской Республики «О восстановлении исторического имени бесермянского народа», которое предоставляло бесермянам, проживающим на территории республики, статус отдельной народности [Шкляев, 1997: 118].

В 2000 г. бесермяне были включены в Перечень коренных малочисленных народов, утвержденный Правительством РФ. В результате перепись 2002 г. зафиксировала 3122 бесермянина. У язьвинских коми-пермяков, которые в прошлом, как и бесермяне, заметно отличались от окрестного населения, этнонациональных организаций не возникло, но меры по возрождению их культурного своеобразия были предприняты. Однако эти меры не дали заметного результата и в результате только два-три десятка человек в ходе переписи назвали себя язьвинцами, что, впрочем, не стало препятствием для того, чтобы власти Пермской области официально обратились в Правительство РФ с ходатайством предоставить статус коренного малочисленного народа язьвинским коми-пермякам, хотя сам статус не может существенно изменить вектор этнокультурного развития этнической группы.

Между тем, ситуация с бесермянами и язьвинцами есть лишь побочное явление в общем процессе этнической фрагментации финно-угров.

Самое значительное проявление этого процесса – это все более углубляющееся деление мордвы на эрзя и мокшу. Причем национал-радикалы в мордовском этнонациональном движении настаивают, что «мордва – это миф» [Мокшин, 2000: 14], что существуют два самостоятельных этноса эрзя и мокша. На этой основе мордовское движение с середины 1990-х годов фактически раскололось на мокшанское и эрзянское. Уже микроперепись населения 1994 г. показала, что этот раскол начинает сказываться и на этническом самосознании мордвы, поскольку значительная часть тех, кого интервьюировали переписчики использовали для определения своей этнической принадлежности субэтнические этнонимы «эрзя» и «мокша». Специалисты, правда, отметили, что работа переписчиков при фиксации этнической принадлежности респондентов строилась методически неверно. Но, тем не менее, перепись 2002 г. показала, что на территории

Мордовии только чуть более половины мордвы (55%) использовали общеэтнический этноним, а остальные вновь воспользовались субэтническими определителями.

Менее масштабно субэтническая фрагментация проявилась в Марий Эл, но и здесь десятки тысяч назвали себя не марийцами вообще, а горными марийцами или луговыми.

В Коми, где прежде специалисты выделяли семь основных этнографических групп, процессы этнической консолидации на протяжении XX столетия протекал очень интенсивно и к последней его четверти практически завершился, что нашло свое отражение в укреплении общеэтнического и утрате прежнего локального самосознания.

Кризис в аграрной сфере, который продолжается в республике с начала 1990-х гг., был дополнен резким падением объемов производства в лесопромышленном комплексе республики, в котором занята большая часть сельского трудоспособного населения. В результате произошло существенное снижение уровня жизни сельского населения и ныне средние доходы селян примерно вдвое ниже доходов городских жителей. Уровень безработицы на селе также существенно выше средних показателей по республике, а с учетом скрытой безработицы его можно рассматривать как критический. Практическая деятельность коми этнонационального движения, однако, не была ориентирована на решение местных проблем, разработку конкретных инициатив, поддержку практических проектов в экономической и социальной сфере, которые бы способствовали реальным переменам на селе.

В результате, переживающие глубокий кризис сельские районы и их население все более осознающие себя как социальную периферию, как зону слабо интегрированную в общереспубликанский хозяйственный комплекс, в республиканское территориальное сообщество, а также в общее культурное пространство коми, стали искать собственные пути социального и экономического оздоровления. Осознание себя локальными сообществами, превалирование местных интересов и конкретных практических нужд над общеэтническими лозунгами и декларациями привело к усилению локальных идеологий и рекультивации старых локальных этнонимов, усилению их значения. Возникшие в начале 1990-х годов региональные этнонациональные организации коми народа, которые использовали в своих названиях наименования прежних этнографических групп коми, поначалу действовали как подразделения общекоми движения и не позиционировали себя как организации, преследующие собственные цели и имеющие собственное видение путей решения местных проблем. Не было у них и каких-либо специфических идейных позиций.

Кризис общекоми движения, который все более ощутимо стал проявляться со второй половины 1990-х годов, привел к тому, что некоторые региональные организации

активно стали заниматься поисками собственных идеологических ориентиров и постепенно дистанцировались от движения в целом.

Глубокий аграрный кризис и поиски на местах путей выхода из него, вместе с кризисом коми этнонационального движения, привели к рождению идеи возродить этнографические группы коми этноса или, скорее, возродить этнонимы и сделать их политической и юридической реальностью. Для этого, по мысли активистов этнонационального движения на местах, следовало не только актуализировать локальное этническое самосознание коми, но и добиваться признания за этнографическими группами статуса коренных малочисленных народов.

Наиболее последовательны и деятельны в этом отношении оказались активисты ассоциации «Изьватас», которая объединяет в своих рядах северных коми – коми-ижемцев, имеющих особенно заметные диалектные отличия от других групп коми этноса, отличающихся в хозяйственном и культурном плане и довольно изолированных территориально. Не случайно активисты «Изьватас» призвали северных коми во время переписи указывать в переписных листах не этноним «коми», а этноним «коми–ижемец» или «изьватас».

Призыв ижемских активистов имел серьезный успех, ибо в ходе переписи более 16 тысяч коми назвали себя коми-ижемцами. Причем этот этноним оказался востребован не только сельским коми населением, сохраняющими диалектные и культурные особенности группы, но и горожанами, среди которых полторы тысячи использовали этноним «ижемец».

В июне 2003 г. состоялся 5 съезд ассоциации «Изьватас», во время которого было подтверждена текущая цель организации – добиваться от властей РФ включения ижемцев в перечень коренных малочисленных народов.

Следует особо отметить, что те процессы, которые характерны для финно-угров, в равной мере свойственны и другим этническим группам населения в местах их традиционного проживания. Прежде всего, эти изменения свидетельствуют о структурных изменениях в составе территориальных сообществ и интенсивности межэтнического взаимодействия. Но восприятие названных процессов специалистами двоякое. С одной стороны их справедливо рассматривают как структурные изменения, а с другой – как сугубо символические. И именно символическое восприятие преобладает. При этом стремление драматизировать этнодемографические процессы свойственно не только исследователям из «финно-угорских регионов» [Кульшарипов, 2002]. Между тем, проблемы низкой рождаемости, постепенного старения населения, ухудшения основных демографических показателей являются актуальными сегодня не только для российских

финно-угорских народов, но и для их западных родственников, проживающих в Финляндии, Эстонии и Венгрии. В любом случае, очевидно, что демографические изменения, которые характерны для финно-угров РФ, есть результат сложных процессов культурного взаимодействия, которое имеет место на территории проживания данных этнических групп. Трактовать же культурное взаимодействие и связанные с этим перемены в самосознании как «вымирание», на наш взгляд, не только некорректно, но и неточно, ибо речь идет о культурных трансформациях. В этих трансформациях важны как собственно демографические факторы, так и многие другие. В частности свою роль играют глубокие социальные и экономические изменения как на общероссийской арене, так и в геополитическом пространстве. Поэтому социальные прогнозы, касающиеся будущего российских финно-угров, возможны не на основе анализа собственно демографических изменений, а при комплексном междисциплинарном изучении хода социальных изменений среди указанных народов, изучении влияния многообразных внешних и внутренних факторов на их развитие.

Глава 2. Эволюция культурных доктрин или лингвистический национализм?

Население регионов, в которых традиционно проживают финно-угры, интегрировано в целостные территориальные сообщества, а тот факт, что финно-угры очень рано в большинстве своем вошли в состав Московского государства, и вхождение это не было сопряжено с длительным и масштабным сопротивлением русской колонизации (а в целом ряде случаев колонизация финно-угорских земель вообще носила мирный характер) обусловил не только общность их гражданских интересов с другими народами страны, но и тесную культурную близость между русскими и представителями большинства финно-угорских народов.

Более того, есть все основания утверждать, что не только Московское государство, но и древняя Русь, древнерусские княжества изначально были полиэтничны, а финно-угры наряду со славянами составляли органичную часть их населения. Известно, что одна из пятин (административных единиц), находившихся в подчинении Великого Новгорода носила название Водской, а в числе земель, которые входили в состав княжества были земли ижоры, води, карел, веси. Финно-угорское население было составной частью и целого ряда других древнерусских княжеств [*Финно-угры*, 1999], причем значительное количество представителей финских племен жило в городах: весь – в Белоозере, мурома – в Муроме, меря – в Суздале [*Леонтьев*, 2004]. Правда, по поводу принадлежности летописных мещеры, мери и муромы к финно-уграм нет единого мнения, и есть предположение, что названия данных групп следует рассматривать не как этнонимы, а только лишь как территориальные определители. Последние археологические материалы вообще позволяют усомниться в финно-угорском происхождении мери и муромы, ибо их хозяйственный комплекс резко отличался от того, что было характерно в это время для других финно-угорских племен. При этом письменных свидетельств их языков не имеется, достоверных исторических сведений об этнической принадлежности данных групп также недостаточно. Впрочем, усилиями лингвиста Ткаченко на основании анализа мерянских заимствований в русском языке был реконструирован мерянский язык и многие лингвисты согласны с тем, что этот язык принадлежит к финно-угорской языковой семье [*Ткаченко*, 1985]. Но не вызывает сомнений тот факт, что культурная близость между русскими и финно-уграми складывалась на протяжении столетий, а формирование российского государства происходило при их совместном участии. Поэтому доводы о «многовековой борьбе за самоопределение» исторически не

обоснованы, поскольку для финно-угров Россия есть родина: они исторически, ментально и *культурно* интегрированы в социально-политическое пространство страны.

По существу и русские, и финно-угорские народы РФ принадлежат к одному типу культуры – восточно-православному. Они имеют сходные традиции и обычаи, системы ценностей и представлений, сходный образ жизни и менталитет и между русскими и финно-уграми нет культурных барьеров. В несколько особом положении были лишь ханты и манси, ибо межкультурная дистанция между ними и доминантным большинством в силу специфики их этнокультурного развития сохранялось до второй половины XX в. Причем эта дистанция была одинаковой как с русскими, так и с коми переселенцами в Сибирь, которые в силу религиозных различий называли хантов «нечистыми» [Повод, 2004].

Отсутствие межкультурной дистанции при взаимодействии финно-угров с русскими и с представителями восточнославянских народов, во-первых, способствует тому, что в регионах проживания финно-угров имеет место стабильная социальная ситуация и очень интенсивные межэтнические контакты. Во-вторых, это создает благоприятный фон для интенсификации ассимиляционных процессов, поскольку демографические пропорции среди населения регионов с финно-угорским населением, как уже отмечалось выше, складываются не в пользу финно-угров.

Другим мощным стимулом ассимиляционных процессов является тот факт, что русские воспринимались и до сих пор воспринимаются финно-уграми, как референтная группа, на которую они ориентированы. Такому восприятию способствовало то обстоятельство, что в образовательном плане русские длительное время лидировали и, хотя образовательные пропорции на протяжении XX столетия постепенно выравнивались, разница в образовательном уровне доминантной группы и титульным населением сохраняется. Особенно важно, что эта разница довольно заметна среди наиболее образованных страт населения финно-угорских республик и автономий (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Доля представителей отдельных национальностей в субъектах РФ в общей образовательной структуре этнических групп (профессиональное образование), по данным переписи населения 2002 г., в %
(в возрасте 15 лет и старше)

Регион/этническая группа	Послевузовское образование	Высшее и незаконченное высшее	Среднее
Карелия			
Карелы	0,11%	12,0%	25,6%
Русские	0,23%	16,7%	28,8%
Вепсы	0,18%	14,6%	25,8%
Коми			
Коми	0,15%	11,6%	28,8%
Русские	0,18%	15,8%	32,4%
Марий Эл			
Марийцы	0,08%	10,9%	23,7%
Русские	0,23%	20,7%	27,5%
Мордовия			
Мордва	0,17%	14,7%	22,2%
Русские	0,22%	18,3%	25,1%
Удмуртия			
Удмурты	0,09%	10,3%	22,8%
Русские	0,20%	18,3%	26,2%
Коми-Пермяцкий округ			
Коми-пермяки	0,04%	6,3%	25,3%
Русские	0,04%	7,8%	26,0%
Ханты-Мансийский округ			
Ханты	0,14%	8,3%	21,2%
Манси	0,22%	9,2%	24,3%
Русские	0,22%	20,9%	33,8%

В последние годы ситуация на образовательном рынке для финно-угров существенно усложнилась, что связано с тем, что число бесплатных учебных мест в высших учебных заведениях сокращается, для поступления в престижные учебные заведения требуется дополнительная подготовка, а качество среднего образования остается недостаточно высоким. Особенно серьезной проблемой является невысокое качество преподавания в сельских школах. Финно-угры все еще остаются преимущественно сельскими жителями и в условиях нарастающего процесса деурбанизации именно село должно и может в большинстве случаев обеспечивать этнокультурное воспроизводство (трансляцию этнических традиций от поколения к поколению) и именно здесь должны решаться многие ключевые проблемы культурного развития данных этнических групп.

Сегодня выпускники сельских школ не могут на равных конкурировать с выпускниками городских школ и, прежде всего, в борьбе за оплачиваемые государством места в высших учебных заведениях. Для них особенно значимы именно эти места, ибо глубокий аграрный кризис, который поразил большинство аграрных территорий, привел к существенному снижению доходов, прежде всего, сельских жителей, которые не могут по этой причине оплачивать обучение своих детей в вузах на коммерческой основе. Система квотирования мест в вузах для выпускников сельских школ (и, прежде всего, из числа финно-угров) не исправит ситуации, ибо только законсервирует нынешнее положение дел в сфере сельского образования, даст некие преимущества слабо подготовленным, которые, во-первых, противопоставят их основной массе студентов, а, во-вторых, преференции на этапе получения профессионального образования приведут к тому, что на рынок труда, таким образом, выйдут менее подготовленные специалисты с меньшим уровнем знаний и более узким кругозором, которые после окончания вузов будут проигрывать конкуренцию более подготовленным и привыкшим к конкуренции иноэтничным соперникам именно в наиболее престижных и высокооплачиваемых секторах экономики и социального сервиса. А значит, на рынке они будут вынуждены заполнять те сферы, которые менее престижны, менее оплачиваемые и которые нередко воспринимаются в массовом сознании как социальная периферия. Осознавая себя социальными аутсайдерами, они, так или иначе, эту же оценку будут переносить и на свою этническую группу.

Проблема преподавания финно-угорских языков в сельских школах стоит не столь остро, как в городе, ибо и сама языковая среда создает условия для усвоения родного языка, и кадры учителей родного языка и литературы, как правило, на селе укомплектованы. Так в Республике Коми в сельских школах единственные учителя-предметники, в которых нет дефицита – это учителя коми языка и литературы. Но преподавателей химии, физики, математики и информатики остро не хватает, и это крайне обостряет проблему получения качественного образования сельскими школьниками, усиливает их отставание от городских сверстников, которые к тому же в массе своей принадлежат к иноэтничному большинству, как уже подчеркивалось.

Сегодня наблюдается заметное снижение доли студентов из числа представителей титульных этнических групп в вузах Удмуртии, Коми, Марий Эл, Мордовии. И это в немалой степени связано с низким уровнем общеобразовательной подготовки, который дают сельские школы. Впрочем, здесь есть и другие причины, обусловленные экономическим положением села.

Несомненно, однако, что язык обучения в школах все же остается важной образовательной и культурной проблемой во всех регионах проживания финно-угров. При этом не менее важно совершенствовать не только качество преподавания родного языка, но и качество преподавания русского языка, ибо русский язык как государственный язык является языком культуры и образования, в том числе высшего образования. Изменить эту ситуацию не представляется возможным, хотя порой утопические проекты по поводу создания высшей школы на языках финно-угров и выдвигаются. Стоит, правда, заметить, что чаще такие проекты озвучивают западные культуртрегеры.

Поскольку значительная часть выпускников школ ориентирована на получение высшего образования, постольку хорошее знание этого языка необходимо и для повышения культурного уровня каждого отдельного индивида и для их карьерного роста. О стремлении к повышению образовательного уровня свидетельствует и рост доли людей с высшим образованием среди представителей финно-угорских народов России (см. Табл.3) и количество студентов. Последнее, правда, трудно рассчитать, поскольку учет студентов по этническому признаку не ведется, а расчет количества студентов по основному источнику доходов, который произведен нами (см. Табл.4), безусловно, учитывает далеко не все категории студентов, в частности он не учитывает большое число студентов заочной формы обучения, студентов не получающих стипендии, обучающихся на коммерческой основе и тех, для кого наряду со стипендией существуют более значимые статьи доходов. Это означает, что общее число студентов среди финно-угров следует увеличивать как минимум в полтора раза по сравнению с теми показателями, которые приведены в таблице 4.

Таблица 3

Рост доли людей с высшим образованием среди финно-угров по данным переписей населения: 2002 в % к 1989.*

	мужчины	женщины
карелы	114	133
коми	116	138
коми–пермяки	129	148
манси	182	2 раза
марийцы	139	179
мордва	132	156
удмурты	131	162
ханты	186	2,4 раза

*Источник: Финно-угорские и самодийские народы. Стат. сборник. Сыктывкар, 2006.

Таблица 4

Количество студентов на 1000 жителей (рассчитано по основному источнику дохода) по данным переписи 2002 г. среди финно–угров*

	Общая численность	Общее количество студентов (по основному источнику доходов)	Число студентов на 1000 человек
карелы	93344	1618	17
коми	293406	6409	22
коми–пермяки	125235	2808	22
манси	6265	254	42
марийцы	604298	15221	25
мордва	843350	15191	25
удмурты	636906	11730	18
ханты	28678	832	18

* Источник: Финно–угорские и самодийские народы. Стат. сборник. Сыктывкар, 2006.

Общий уровень образования финно–угров России за последние 15 лет существенно вырос, и соответственно выросли их культурные запросы. Ориентация на получение высшего образования имеет устойчивый характер, а потому очевидно, что значение русского языка как языка высшей школы, науки для представителей молодого поколения высоко и его статус субъективно более значим, чем статус языка предков. Названное обстоятельство оказывает и будет оказывать серьезное влияние на характер языкового обучения в школе и на языковые ориентации школьников.

При этом первоначально, когда только создавалась национальная школа в национально-государственных образованиях финно-угров, т.е. в 1920 - 1930-е гг. все обучение в начальной школе было переведено на местные языки в районах компактного проживания представителей финно-угорских народов (единственным исключением была Карелия, где первоначально обучение шло на финском языке). На более высоких этапах школьного обучения преподавание предметов шло уже на русском языке, ибо научно-техническая, общественно-политическая и другая специализированная лексика не было достаточно разработанной в языках российских финно-угров и, кроме того, сам процесс нормирования этих языков еще только начинался.

Коренное изменение ситуации в образовательной сфере произошло в 1958 г., когда в бывшем Советском Союзе была осуществлена реформа школы. Отношение к этой реформе неоднозначное, ибо она предоставила родителям школьников самим решать какой язык обучения для своих детей выбрать. Впервые в Советском Союзе людям дали реальное право выбора и, вероятно, власти не представляли себе какой эффект будет иметь их решение. Родители в массовом порядке стали требовать перевода школ на русский язык обучения. Это не было ни случайным, ни спровоцированным желанием. К тому времени серьезно изменились этнодемографические пропорции на территории проживания финно-угров, существенно изменилась социальная структура этнических групп и резко возросла ценность и престиж образования. Многие родители желали, чтобы их дети получили высшее образование, а поскольку высшая школа была полностью русскоязычной в Российской Федерации, постольку, по мнению родителей, хорошее знание русского языка для детей было необходимо, и они могли получить его лишь в русской школе. В результате к середине 1970-х гг. национальная школа в финно-угорских регионах практически умерла, а региональные языки и литературу стали преподавать как предмет и в довольно ограниченном числе школ. Одновременно резко сократилось число названий и тиражи книг на региональных языках, значительно упали тиражи газет и журналов, практически не стало передач на языках финно-угров на радио и телевидении и т.д.

Еще более важное значение имело то обстоятельство, что к началу 1960-х гг. в стране сложился глобальный информационный рынок, включавший кино, радио, телевидение, прессу. Этот рынок был полностью монополизирован русским языком (что совершенно естественно, ибо глобальный рынок требует унификации) и региональные издания просто не могли конкурировать ни по тиражам, ни по качеству материалов с массовыми общенациональными и региональными изданиями, в которых были сосредоточены лучшие специалисты и у которых был имидж солидных информационных игроков.

Тем не менее, с конца 1980-х годов, когда в России начались глубокие структурные изменения, связанные с реформированием политической системы, процессами демократизации и экономической модернизации, ситуация в сфере культуры и образования стала меняться. Начались так называемые процессы «национального возрождения», которые были обусловлены общей демократизацией жизни и резко возросшей активностью этнонациональных сил, приступивших к созданию культурных и политических движений. Произошли изменения, как в федеральной, так и в региональной этнонациональной политике и проблемы этничности оказались в центре общественного внимания. Органами власти в центре и на местах был принят целый

комплекс мер, который позволил осуществить заметные изменения в системе образования и поддержки культур финно–угорских народов (см. Таблицы 3,4,5).

Таблица 5.

Численность учащихся государственных и муниципальных дневных общеобразовательных учреждений, изучающих родной язык как предмет по годам

	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004
Карелия							
<i>карельский</i>	444	1630	1493	1748	1816	1510	1677
<i>финский</i>	5518	6978	8535	7824	8101	6758	6356
<i>вепский</i>	74	171	278	273	351	254	276
Коми							
<i>коми</i>	19612	30267	40448	42717	44198	40176	40514
Марий Эл							
<i>марийский горный</i>	3115	2880	4267	4331	4344	3558	3162
<i>марийский луговой</i>	18944	38044	59154	47601	42723	40170	34686
Мордовия							
<i>мордовский эрзя</i>	5802	7815	7640	8066	6543	6008	6480
<i>мордовский мокша</i>	10774	9725	7495	7398	6860	6860	7590
Удмуртия							
<i>удмуртский</i>	12062	33331	...	31128	28158	26438	23753
Коми–Пемяцкий АО							
<i>коми–пермяцкий</i>	6204	6818	5940	5625	5914	4673	4275
Ханты–Мансийский АО							
<i>мансийский</i>	287	1483	1552	1884	...
<i>хантыйский</i>	1089	2830	3042	3098	...

Следует отметить, что процессы «национального возрождения» (мы используем термин, который был введен в политический дискурс в 1990-е годы активистами этнонациональных движений и некоторыми учеными) привели на начальном этапе не только к повышению активности этнонациональных сил, к росту интереса со стороны значительной части финно–угорских народов к изучению своего языка, истории, культуры. Это потребовало принятия соответствующих нормативных документов, которые в свою очередь изменили статус финно–угорских языков в целом ряде национально–государственных образований финно–угорских народов, способствовали

решению многих проблем, связанных с расширением преподавания языка, литературы и истории, укрепили позиции финно–угорских языков в СМИ и т.д. Этот комплекс мер не только изменил ситуацию в системе образования, культуры, но и способствовал определенным сдвигам в массовых настроениях финно–угров. В первой половине 1990–х гг. несколько усилилось стремление молодежи отождествлять себя не с доминантным большинством, а с собственными этническими группами. Но сугубо прагматичные соображения и сами социальные реалии привели затем к очередному снижению интереса к языкам и культурам финно–угров, к возросшему стремлению молодежи к смене этнической идентификации. Причем здесь более правильно будет говорить не столько о смене этнической идентичности, сколько о вытеснении этнической идентичности идентичностью общегражданской. Люди еще просто не привыкли вместо этнического определителя (этнонима) пользоваться гражданским определителем или политонимом (т.е. называть себя *россиянин*). Но ослабление значимости этнических определителей очевидно и не случайно полтора миллиона человек не смогли определить свою этническую принадлежность в ходе переписи населения 2002 года. Ситуация могла бы быть иной, если бы общероссийская гражданская идентичность воспринималась как естественная и очевидная, но она пока не превратилась в публичный культурный маркер и присутствует в сознании российских граждан имманентно.

Таблица 6.

Выпуск книг и брошюр на финно–угорских языках народов России

языки	Число книг и брошюр, печатных единиц					Тираж, тысяч экземпляров				
	1990	1995	1999	2002	2003	1990	1995	1999	2002	2003
карельский	3	2	1	5	6	11	8	3	11	6
коми	29	24	16	26	13	106	50	57	75	23
Коми–пермяцкий	9	...	3	1	4	21	...	15	0,5	6
Марийский (луговой и горный)	72	45	8	15	16	301	170	46	38	33
Мордовский (эрзянский и мокшанский)	35	33	6	10	10	135	87	6	29	19
мансийский	2	2	–	4	3	1	1,1	–	1,3	1
хантыйский	3	3	5	6	7	4	2	1,3	2	5
удмуртский	28	36	13	15	15	149	162	30	30	53

В этой связи стоит заметить, что попытки рассматривать этнические группы как изолированные и однородные культурные целостности, имеющие ясные границы и четкие отличительные признаки наиболее очевидны в современных дискуссиях о языках этнических меньшинств. Такие попытки неизбежно порождают противоречия и в позициях исследователей, и в построенных на основе названного концепта моделях этнополитики.

В первую очередь важно заметить, что именно язык оказывается в центре всех дискуссий, касающихся проблем сохранения этничности, а языковая политика местных властей становится почти синонимом региональной этнополитики.

Чем обосновывается такое внимание к языку? Является ли названное отношение к языку следствием кардинальных сдвигов, происходящих в этноязыковой ситуации, существенных перемен в этнокультурных ориентациях российских финно-угров, ослабления внимания к языковым вопросам со стороны властей регионов, в которых значительную долю населения составляют финно-угры?

Применительно к сегодняшнему дню на все поставленные вопросы можно дать отрицательные ответы. Этноязыковая ситуация в стране кардинально изменилась в 1958 году, когда в бывшем Советском Союзе была осуществлена реформа школы и родители учеников впервые получили право сами выбирать язык обучения для своих детей, о чем уже упоминалось выше. Тогда в массовом порядке по просьбам самих родителей обучение во множестве школ было переведено с региональных языков на русский. Отношение к данной реформе среди специалистов до сих пор неоднозначно, но, несомненно, что осознанный выбор десятков тысяч людей более убедительный показатель культурных ориентаций, нежели доводы многих отечественных и зарубежных языковедов о насильственной русификации, проводившейся в те годы властями. С тех пор заметных изменений в языковой ситуации и в языковых ориентациях населения не произошло.

С начала 1990-х годов предпринимаются различные меры по поддержке миноритарных языков: принимаются законы о государственных языках и повышается их статус, разрабатываются государственные программы развития языков, усиливается работа по нормированию языков и т.д. Все эти меры получают официальную поддержку, а литература на региональных языках издается в национальных республиках и округах как социально значимая, т.е. за счет государственных средств. Тем не менее, заметных изменений в этноязыковой ситуации не происходит. И это объяснимо – финно-угры были и остаются этническими меньшинствами и при этом они воспринимают русских как референтную группу, поскольку, несмотря на стабильное повышение образовательного

уровня, финно-угры все еще отстают в образовательном плане от русских [*Финно-угорский* 2004: 24], а доминантная культура воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная. Изменить культурную ситуацию и культурные ориентации можно, во-первых, только изменив демографические пропорции этнических групп, во-вторых, изменив отношение к восприятию русского языка. Здесь следует согласиться с тем, что «российская культура носит сверхэтнический или этнически индифферентный характер», а «что касается лежащего в ее основе русского языка, то он в столь же малой степени является собственностью этнических русских, как современный английский – собственностью англичан» [*Малахов*, 2008: 69]. Очевидно, что ни резкого изменения этнодемографических пропорций в регионах проживания финно-угров, ни изменения роли русского языка в них в обозримой перспективе не произойдет. Поэтому культурная интеграция меньшинств в доминантное большинство является устойчивой и долговременной тенденцией.

При этом нельзя говорить и о том, что языки российских финно-угров находятся под угрозой исчезновения, хотя подобные утверждения нередко можно слышать из уст лингвистов и особенно представителей этнических элит. Для обоснования этого тезиса остановимся на проблеме витальности (жизненности) языков российских финно-угров, зависящей от целого ряда объективных (социальных, культурных, демографических, экономических) и субъективных (этническое самосознание, ценностные ориентации носителей языка) факторов. Установлено, что существует прямая зависимость между количеством социальных функций языка и его жизненностью. Однако помимо объема социальных функций и интенсивности использования языка в различных сферах общения в числе важных показателей витальности языка рассматриваются также следующие: количество говорящих на языке и его соотношение с численностью соответствующей группы; использование языка младшим поколением; количество билингов; наличие программы поддержки функционирования языка [*Письменные*, 2000: 12].

Анализ социолингвистических параметров коми-зырянского, марийских, мордовских, удмуртского языков (данные 1994-1998 гг.) позволили дать достаточно высокую оценку их жизненности [*Письменные*, 2000]. Однако перспективы их дальнейшего функционирования связаны с тем, будут ли экстралингвистические факторы способствовать или препятствовать функциональному развитию этих языков.

Коми, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва остаются преимущественно аграрными этническими сообществами и на селе в своих регионах они обычно численно доминируют, а потому здесь роль финно-угорских языков остается весомой. Иная ситуация в городах, где финно-угры находятся в меньшинстве, межэтнические контакты

очень интенсивны, а русский язык доминирует во всех сферах, в том числе и в семейном общении представителей этнических меньшинств. Полиэтническая городская культурная среда не может функционировать, опираясь на язык меньшинств даже в случае локального доминирования этого меньшинства. Примером может служить дореволюционный Усть-Сысольск (Сыктывкар), который был единственным городом на европейском севере России, где преобладало нерусское население [Рогачев, 2006]. Ныне же финно-угры в составе городского населения своих республик и округов составляют не просто меньшинство, но меньшинство, сформировавшееся преимущественно из сельских мигрантов, представители которого стремятся интегрироваться в доминирующую культурную среду. Культурная интеграция, в том числе языковая ассимиляция (и аккультурация), есть важный этап социализации мигрантов и их детей.

Перепись населения 2002 года только подтвердила тот факт, что языковая ассимиляция продолжается и становится более масштабной, что она тесно коррелирует с ростом доли городского населения среди финно-угров. Так, данные переписи показали, что только 48,4% карел в Карелии владеют карельским языком [Клементьев, 2007: 74], среди мордвы, проживающей в Мордовии, 15,6% не владеют мордовским языком [Мартыненко, 2007: 169], в Республике Коми коми языком владеют 78,1%, проживающих здесь представителей титульного этнического сообщества [Шабает, 2007: 84], в Марий Эл 84,2%, проживающих здесь марийцев владеют марийским языком [Шаров, 2007: 161].

Что же касается языковых ориентаций, то они продолжают смещаться в пользу русского языка. Согласно данным микропереписи населения 1994 года, в семье общаются на русском языке 987 из каждой 1000 вепсов, 825 карел, 568 коми, 381 коми-пермяков, 363 марийца, 350 удмуртов, 864 ханты [Финно-угорские, 1999: 10].

Отношение к русскому языку в целом позитивное у всех этнических групп, ибо сама обыденная практика доказывает людям, что общий язык необходим. Другая ситуация с отношением к языку титульных этнических групп. Так, опросы населения Республики Коми (2004 г.) и Коми-Пермяцкого округа (2005 г.), проведенные по единой программе показали, что в республике 26,6% респондентов считают, что все дети в школах должны изучать коми язык, в округе доля аналогично настроенных респондентов была ниже – 17,5%. Проведенный в 2001 г. массовый опрос населения Марий Эл показал, что здесь за то, чтобы все дети в школах изучали марийский язык высказалось 38,9% респондентов [Межнациональные, 2005: 110]. Опрос населения Удмуртии, проведенный в 2002 г. показал, что в этой республике 31,1% удмуртов безусловно согласны с тем, чтобы удмуртский язык преподавался во всех школах республики в качестве обязательного

предмета (еще 28,8% «скорее согласны» с этим, среди русских респондентов «безусловно согласных» лишь 3,8% («скорее согласных» - 14,1%) [Смирнова, 2002: 505]. Сходные данные были получены и в Мордовии. Самая большая доля респондентов во всех случаях ратует за то, чтобы язык титульных групп изучался учащимися только по желанию (от половины до двух третей). Но картина существенно меняется, если мы станем анализировать позиции разных этнических и социальных групп населения. Среди коми в РК доля тех, кто считает необходимым, чтобы все дети в школах изучали коми язык, составляет 35,8%, а среди русских респондентов – 13,3%. Соответственно за свободный выбор высказались 48,4% и 59,8%. Примерно аналогичная ситуация и в Коми округе, где, однако, доля выступающих за свободу выбора выше. Такова же ситуация и в Марий Эл: здесь 19,4% русских выступают за необходимость обучения марийскому языку всех школьников республики и 62,1% марийцев, а против этого соответственно 65,7% и 23,7% [Межнациональные, 2005: 110]. При этом в Коми республике и округе выявилась интересная картина: на селе население более решительно выступает за всеобщий языковой ликбез, нежели в городе. В обоих случаях большинство сел и деревень – это поселения с полным доминированием коми населения и соответственно комиязычной языковой средой. Таким образом, сложившаяся языковая среда оказывает заметное воздействие на этноязыковые позиции групп. В Марий Эл такой четкой зависимости в процессе указанного исследования не выявлено.

Однако, более важно то обстоятельство, что этноязыковые позиции этнических групп оказываются довольно стабильными. Так вскоре после принятия в 1992 г. в Республике Коми закона «О государственных языках» был проведен общереспубликанский опрос «Общественное мнение населения Республики Коми по проблемам государственности и суверенитета». Согласно его результатам, с обязательным изучением коми языка во всех школах республики были согласны 24% респондентов (в т.ч. 37% коми) [Денисенко, 2007: 37].

Обыденный опыт, который базируется на том, что в условиях единого политического, экономического и культурного пространства страны и прогрессирующих процессов стандартизации и универсализации образа жизни различных групп населения, локальные и этнические особенности все более утрачиваются, подсказывает людям, казалось бы, очевидные и наиболее осязаемые различия между этническими сообществами. Эти очевидные различия усматриваются, прежде всего, в языке.

Опыт *внешнего восприятия* культурных различий и языковые ориентации тесно коррелируют друг с другом. Не случайно результаты опросов показывают, что язык воспринимается значительной частью населения как важнейший этнодифференцирующий

признак и главный идентификационный маркер. Подобное восприятие языка объясняет тот факт, что респонденты столь однозначно поддерживают идею обязательного обучения школьников языкам титульных групп. Однако идеальные модели и реальная языковая практика очень далеки друг от друга. На практике наиболее употребимым даже на уровне семьи оказывается не родной язык, а русский. Что касается молодежи, особенно городской, то она однозначно ориентирована на русский язык. По данным опроса 2004 г., всего 3% городских коми семей говорит с детьми на коми языке, в КПАО – 11,5%. В городах РК не владеют коми языком уже 42% детей в коми семьях. Свободно говорят на нем только четверть детей [Денисенко, 2007: 39]. Сходная ситуация имеет место и в других «финно-угорских регионах».

Да и само признание языка важнейшим культурным маркером на деле есть лишь глубоко укоренившийся культурный стереотип. При более детальном анализе того, какой из культурных определителей для сохранения и поддержания этничности оказывается наиболее значимым, оказывается, что так или иначе большинство людей признают, что первостепенное значение имеет все же этническое самосознание.

Приведенные нами выше данные, со всей очевидностью свидетельствуют о наличии конфликта интересов, а точнее сказать, конфликта этнокультурных (этноязыковых) позиций в отношениях между крупнейшими этническими общинами населения в «финно-угорских республиках» РФ. Этот конфликт не только является важным показателем, который характеризует общую этническую ситуацию в указанных регионах, но и требует вдумчиво и осторожно корректировать языковую и этнонациональную политику, проводимую региональными властями.

Тем не менее, законы о государственных языках, принятые в Коми, Мордовии предполагают не гибкую стратегию последовательного укрепления позиций коми и мордовского языков в системе школьного образования, а прямолинейную модель, которая предполагает введение обязательного обучения языкам титульных этнических групп всех учащихся средних школ.

Преподавание финно-угорских языков в качестве обязательных для изучения предметов в средних школах, потребует значительных средств для подготовки дополнительного контингента учителей, разработки и издания учебников и методических материалов, а эти средства придется изыскивать в рамках имеющихся бюджетов регионов, т.е. урезая расходы на другие образовательные нужды. Уже сегодня введение коми языка в качестве предмета в школах Республики Коми вызывает порой протесты родителей, которые выступают против насильственного навязывания данного предмета. В Мордовии, как показывает практика, приказ Министерства образования от 2004 г. о введении

обязательного изучения мокшанского или эрзянского языков в школах практически игнорируется, поскольку его прямолинейная реализация затруднена сложившимися культурными реалиями. В этой связи председатель исполкома Межрегионального совета общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа М.В.Мосин заявил: «Из-за бюрократических подходов и нигилизма со стороны руководства некоторых школ большой работы по пропаганде родных языков не видно. Не скрою, что в отдельных школах республики ситуация с мордовскими языками неплохая – они ведутся там как полноценные предметы. Но в ряде школ эти предметы заменены факультативами. Это нас не удовлетворяет. Это говорит о том, что приказы Министерства образования попросту игнорируются. Поэтому совместно с министром... мы решили создать комиссию для проведения мониторинга. В ходе него будут выявлены школы, в которых преподавание родных языков не ведется или ведется в недостаточном объеме» [Инсарова, 2008]. Таким образом, получается, что для внедрения мордовских языков в практику школьного образования необходимо жесткое администрирование. Это уже сродни деятельности языковой полиции/инспекции, которая активно действует в канадском Квебеке или в Эстонии. Репрессивная языковая политика не вызывает одобрения у специалистов, но важно то, что в российских условиях она не может быть эффективной и нанесет очевидный удар по престижу «родных языков». В результате от языков, навязываемых с помощью репрессий, отвернутся не только те, кому их хотят навязать, но и те, кто думает на этих языках, т.е. современная языковая политика в Мордовии грозит стать неким «культурным бумерангом».

Как уже отмечалось выше, опросы населения «финно-угорских регионов» показывают, что за обязательное обучение языков титульных этнических групп всеми учащимися средних школ выступает довольно ограниченная часть населения. Последнее, однако, не означает, что нет необходимости в создании условий для обучения родному языку всех желающих. Такое право подтверждено российским законодательством и условия для его реализации должны быть созданы. В том числе, видимо, надо создавать и школы (а на данном этапе, реально создавать только классы), где бы все предметы преподавались на финно-угорских языках.

Саму же языковую политику в частности (и этнонациональную политику в целом) надо оценивать, ориентируясь не на принципы целесообразности или морали, а опираясь на *принципы права*. Здесь следует согласиться с замечанием, высказанным известным российским исследователем В. Малаховым: «Хотя именно дискриминация, т.е. неравный доступ разных групп населения к власти и ресурсам, является основным источником напряжений в обществе, и именно с дискриминацией следует бороться для того, чтобы

эти напряжения устранить или смягчить, участники российских публичных дискуссий предпочитают *правовому* языку недискриминации *моралистический* язык толерантности [Малахов, 2006: 149].

Если перевести дискуссии о языке в правовое русло, то необходимо оценивать ситуацию с точки зрения двух правовых норм, а именно: права на отличие, с одной стороны, и права на культурную свободу – с другой. Но региональные научные традиции, связанные с изучением этничности в целом и языковой политики в частности, сегодня представляют собой сложное сочетание объективизма, национального романтизма, политизированности и некоего неприятия аргументации, построенной на рациональных и правовых категориях.

Иллюстрацией к данному утверждению могут служить сами научные дискуссии и их итоги.

В конце 2007 года в Кудымкаре состоялась конференция «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодежи». Это была уже третья подобная конференция. Первая состоялась в 1995 году и ее инициатором выступил один из авторов данной работы. Им же для указанной конференции был подготовлен специальный доклад, в котором основное внимание было уделено вопросам, касающиеся двух фундаментальных принципов современной этнополитики, а именно: неукоснительному соблюдению права на отличие и равного уважения к праву на культурную свободу. Группа местных исследователей (в основном филологов) была не согласна с идеями, высказанными в докладе. Особенно не понравилось оппонентам то, что в докладе утверждалось, что язык не играет решающей роли как культурный, этнический определитель. Будучи членами редколлегии сборника докладов, данные исследователи просто исключили из него текст выступления, в котором содержались не устраивающие их положения.

В ноябре 2005 г. в Петрозаводске состоялась международная конференция «Проблемы обучения родным языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Теория и практика создания учебников и учебных материалов нового поколения». В Рекомендациях конференции было в частности подчеркнуто, «что длительное целенаправленное исключение языков многих коренных малочисленных народов и национальных меньшинств из сферы образования, культуры, государственного и местного управления привели к языковой ассимиляции, резкому уменьшению числа носителей родных языков, особенно среди представителей молодежи; что последствия такой политики по отношению к языкам коренных народов и национальных меньшинств привели к утрате у значительной части их представителей осознания ценности своих языков, восприятию их как «непрестижных», затрудняющих социальный рост и получение качественного

образования» [Рекомендации 2005: 26]. В рекомендациях конференции фактически подвергается критике *свободный и осознанный личный выбор культурных ценностей* представителями этнических сообществ. Не признается в них и роль рационального выбора, который имеет важное значение для самих носителей финно-угорских языков. Подобная позиция вполне сопоставима с позицией коми-пермяцких коллег и означает отрицание права на культурную свободу, что очень характерно для активистов этнополитических организаций финно-угров. Но как заметил французский исследователь (бретонец «по происхождению») Ле Коадик, «родиться в определенной культурной среде – вовсе не означает сделать свободный выбор, как раз наоборот. О культурной свободе можно говорить только в том случае, если индивид сознательно принимает решение продолжить жить в соответствии с нормами этой культуры, и если он делает этот выбор с учетом альтернативных возможностей» [Ле Коадик, 2008: 141].

Ответственность за сложившуюся ситуацию в сфере языка участники вышеназванной конференции, возложили на государство, но и в государстве же видят ту спасительную силу, которая способна изменить положение дел к лучшему. Решение многих проблем в языковой сфере видится участникам конференции в ратификации «Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств», в выработке юридического статуса понятия «языки, находящиеся под угрозой исчезновения», в подготовке целевой программы «Родной язык в дошкольном образовании», в проведении мониторинга положения языков меньшинств. В целях пропаганды значимости и сохранения и развития родных языков предлагается учредить празднование Международного дня родного языка, Дня создания письменности и т.д.

К более конкретным предложениям относится разработка планов по подготовке и изданию учебно-методических комплексов, обеспечивающих преемственность в преподавании языка на всех уровнях обучения, создание программы переподготовки учителей, требование обязательной аттестации предмета «родной язык». Но, тем не менее, остается неясным, как названные меры способны *изменить общественные настроения*, а корень проблемы кроется именно в общественных настроениях, что фактически признали и участники названной конференции. Насильно заставить любить родину или язык предков нельзя. Только тогда, когда общественные настроения изменятся и появятся общественные инициативы снизу, направленные на овладение миноритарными языками, на их пропаганду, будет дан реальный импульс для сохранения и развития языков меньшинств. Именно таким образом возрождается сегодня интерес к валлийскому языку в Уэльсе и к гэльскому языку в Шотландии [Руднев, 2009: 274].

Тем не менее, основное значение в сохранении языков и многие эксперты, и преподаватели финно-угорских языков придают школе, что вполне естественно с их стороны. Опрос преподавателей карельских школ показал, что большинство из них видят способ решения проблемы повышения языковой компетенции учащихся в увеличении часов, отводимых на изучение языка, т.е. в простых механических изменениях (две трети опрошенных), но при этом сами же указывают, что школы к данным изменениям практически не готовы [Клементьев, 2005: 32-33].

Что касается механизмов повышения престижа языков меньшинств и изменения массовых языковых ориентаций, то об этом специалистами говорится мало и неохотно и доминирует в этих рассуждениях не строгая логика и право, а морализаторство и патернализм. Патерналистская позиция экспертов (и активистов этнических организаций) выражается в простой формуле – за все ответственно государство и государство должно решать проблему.

Одним из способов решения названной проблемы видится введение обязательного обучения языков титульных этнических групп всеми учащимися средних школ в каждой конкретной республике. Наиболее ясно эту позицию сформулировал бывший заместитель министра культуры и по делам национальностей Республики Марий Эл В. Яналов: «Теперешняя нормативно-правовая база исходит, на наш взгляд, из ложной установки добровольности изучения родного языка. Из этого вытекают многие проблемы, в первую очередь, отказ родителей обучать своих детей родному языку, мотивированный тем, что и без материнского слова можно обходиться. Обывательская логика извратила значение и смысл родного слова до полного абсурда: материнский язык, выделяющий нас в мире себе подобных, определяющий менталитет финно-угра стал обузой. Прагматичные отцы и матери сетуют на то, что национальные школы не выдерживают сравнения с русскими. И на этом основании делается вывод о том, что образование на родном языке ущербно» [Яналов, 1998: 11]. Развивая морализаторский подход к оценке культурных ориентаций, выдвигаются различные варианты отказа от извращенной «обывательской логики» и принудительного приобщения финно-угров к «родному языку» (хотя для многих из них родным уже является русский). Некоторые филологи утверждают, что обязательность изучения есть лишь «охранная норма» [Кудряшова, 2005: 16].

Вышеуказанные взгляды и образовательные практики основываются на концепциях лингвистической экологии, суть которых сводится к необходимости сохранения всех языков, во что бы то ни стало. Сторонники этих концепций признают допустимыми любые меры и не всегда склонны считаться с мнением даже самих носителей языков. «Впрочем, ссылка на «народное мнение» встречается часто, но обычно «мнение народа»

при этом отождествляется с мнением его национально ориентированной интеллигенции. Но всегда ли они совпадают? Ведь утеря этнического языка может восприниматься как явление вынужденное, но имеющее свои преимущества. Возникает конфликт, охарактеризованный одним из ирландских лингвистов: то, что хорошо для языков в целом, может быть плохо для их носителей как индивидов» [Алпатов, 2006: 79].

Видимо, не случайно в рассуждениях о необходимости расширять функции финно-угорских языков, повышать их престиж, расширять преподавание языков в школах отсутствует такой важный институт социализации, как семья. Именно в семье человек получает первые языковые навыки и именно *семья является важнейшим транслятором культурных традиций*. Но вместе с тем культурные ориентации семьи диктуются не столько символическими значениями, а рациональным выбором. А соображения рационального порядка показывают, что финно-уграм выгоднее ориентироваться на язык большинства, поскольку владение этим языком открывает больше возможностей. Аналогичная ситуация складывается сегодня в Эстонии, где число учеников, приходящих в первые классы русских школ, стремительно сокращается. Родители предпочитают отдавать детей в эстонские школы, ибо хорошее знание этого языка открывает больше возможностей для карьерного роста.

Язык большинства за редкими исключениями [Губогло, 1998] является, еще и государственным языком, средством интеграции граждан и надеяться на то, что государство откажется от эффективного инструмента интеграции и предоставит миноритарным языкам приоритет хотя бы на локальном уровне, неразумно. Можно сказать, что в этом не заинтересовано и политическое сообщество в целом (граждане страны), поскольку гражданская солидарность и гражданское единство формируются через общие культурные ценности. В этой связи семья может и должна компенсировать ограниченность сферы применения миноритарных языков в социальном пространстве представителя меньшинств и только она может эффективно сохранять языковые навыки.

Без семьи решить проблему повышения языковой компетенции представителей меньшинств нельзя. Более того, в триаде *семья - школа - окружающая культурная среда* важны все три компонента и за счет только одного из них невозможно решить проблему изменения культурных ориентаций, проблему статуса тех или иных элементов этнической культуры. При этом семья в указанной триаде не случайно стоит на первом месте. Многие специалисты, однако, в своих рассуждениях о создании *непрерывной системы* обучения пытаются этой *системой* подменить семью, ибо понимают, что непрерывность возможна только в строго формализованном пространстве образовательных институтов, а в семье, дружеском окружении, в обширной сфере

неформального общения этой непрерывности быть не может. Полезно отметить, что в языковые группы детских садов и в «национальные классы» отдают своих детей как раз этнически ориентированные родители, которые общаются дома со своими детьми на языке предков. Если же система непрерывного обучения языку будет базироваться только на формальном образовательном процессе и не станет подкрепляться живым языковым общением в семье и в кругу сверстников, то языковые навыки учеников все равно будут поверхностны, а сам язык не будет восприниматься ими как реальное средство общения.

При этом чрезмерные упования на то, что с помощью языка можно поддержать или сохранить этничность ничем не обоснованы. Реальные культурные ориентации молодежи, о которых мы говорили выше, разрушают языковые иллюзии сторонников правозащитной этнографии, т.е. тех специалистов, которые, по меткому выражению С. Соколовского, смотрят на народ «взглядом натуралиста» и стремятся сохранить некую исконную «чистоту» этнической культуры [Соколовский, 2009].

Эти специалисты ратуют не только за существенное увеличение часов, отводимых для преподавания языков и литератур финно-угорских народов РФ, но и выступают за более глубокую «этнизацию» школьного образования. Характерным примером подобного рода является Концепция развития финно-угорской школы, предложенная в Карелии. «Содержание образования, по Концепции, следовало осуществлять в рамках национально-регионального компонента, который предусматривал бы изучение языка, культуры, истории, быта и традиций этих народов. В старших классах, наряду с изучением литературы и фольклора финно-угорских народов, философии и народной этики, учащиеся продолжали бы совершенствовать свои навыки в народных ремеслах и промыслах» [Клементьев, 2008: 66]. *Фактически предлагалось заменить классическую систему образования, ориентированную «в будущее», т.е. рассчитанную на то, чтобы давать знания учащимся, обеспечивающие их последующий карьерный рост и успешную продолженную социализацию на систему этнической школы, ориентированной «в прошлое», т.е. на консервацию культурных традиций и границ этнической группы.* Рассчитывать на то, что «совершенствовать навыки в народных ремеслах» современным тинейджером важнее и интереснее, чем играть в компьютерные игры и осваивать интернет-ресурсы значит не принимать во внимание реальные интересы молодежи и создавать проекты, которые не могут быть востребованы и не принесут пользы.

Иными словами, в решении вопроса о повышении престижа языков меньшинств, нет простых решений, к которым пытаются ее свести. Меньшинства объективно находятся в более уязвимом положении, и престиж их языков всегда будет ниже, нежели у доминантного населения. Не следует надеяться, что можно кардинально изменить эту

ситуацию (это возможно только с изменением демографических пропорций). Для того, чтобы это было возможно, требуются не простые решения, а сложная, долговременная и кропотливая работа многих специалистов реально заинтересованных в результате. И следует признать, что *пока серьезной программы мер и стратегии действий по изменению языковой ситуации в регионах проживания финно-угров не предложено.*

Решение задачи расширения функций языков финно-угорских народов чрезвычайно сложно, ибо в свою очередь требует активных усилий для реализации масштабных гуманитарных программ: завершения нормирования языков, определения допустимых пределов лексических заимствований и словотворчества, разрешения проблемы оптимального соотношения литературных языков и диалектных форм, а также многих других, которые до сих пор не решены финно-угорскими лингвистами.

В последние годы лингвисты в «финно-угорских регионах» РФ свою главную задачу видели в том, чтобы пополнять и обновлять лексические системы языков за счет активного словотворчества. Вот что по этому поводу заметил коми лингвист Е.Цыпанов: «За последние 12-15 лет в коми, удмуртском, марийском, а также в мордовском и карельском литературных языках имеют место схожие процессы активного расширения лексических ресурсов за счет создания и активизации собственно-языковых слов-неологизмов, которые употребляются взамен заимствованных лексем или же чаще всего параллельно им в качестве синонимов. Появились десятки и сотни новых слов, напр., к. *оланпас* «закон», *енби* «талант», удм. *кункрезь* «гимн», *лулчеберет* «культура», мар. *шанче* «наука», *тоштер* «музей» и т.д. Одним словом за немногим более чем десятилетний период в родственных языках возникла новая лингвистическая реальность в виде большого корпуса неологизмов...» [Цыпанов, 2005: 25].

В коми языке появилось около 2000 новых слов и такое масштабное словотворчество воспринимается неоднозначно специалистами, о чем свидетельствует недавняя дискуссия между коми филологами, которая приобрела широкое общественное звучание. Видный коми драматург и ученый О.Уляшев в статье «Лексика, оторванная от корней» [Уляшев, 2005], опубликованной в комиязычном журнале «Войвыв кодзув» дал крайне негативные оценки процессам языкового строительства в Республике Коми, и оценил современный государственный язык как «китайскую грамоту». Выпуски «Новое в коми лексике» он называет «никуда не годными лексиконами, убивающими коми язык».

Сторонники противоположной точки зрения [Безносикова, 2005] учитывают особенности современной языковой ситуации, характеризующейся высокой степенью развития активного двуязычия коми населения республики. Известно, что потребность в лексической инновации, являющейся органическим свойством каждого языка, в условиях

однойязычия удовлетворяется главным образом за счет ресурсов своего языка, двуязычие же «имеют в постоянном резерве второй язык как готовый источник лингвистического материала. Единицы этого языка, во-первых, уже испытаны в практике общения и даже усваиваются через эту практику; во-вторых, эти единицы уже имеют закрепленную связь с явлениями, которые требуют обозначения» [Жлуктенко, 1974: 127].

Следует отметить, что во все периоды развития, к примеру, коми языка (как и других родственных ему языков) иноязычные слова, в том числе и заимствованные из русского языка и через русский язык, являлись источником пополнения и обогащения его словарного состава. Без сомнения, они и в дальнейшем будут занимать в нем свое место. Однако в условиях, когда практически все население, говорящее на коми языке, владеет одновременно и таким богатым и сильным языком, как русский, важно не потерять менее защищенный язык и не получить вместо него образование, образчиком которого может служить не требующая перевода выдержка из республиканской газеты «Коми му»: *«О.С.Панюкова наградитöма Коми АССР-са просвещение министрестволöн, народнöй образованиеын да наукаын уджалысьяслöн профсоюз обкомлöн Почёт грамотаясöн».*

Действительно проблемы нормирования финно-угорских языков, внедрения новых слов трактуются нередко весьма упрощенно в духе языкового пуризма. Пуризм был особенно популярен на этапе становления национальных государств, когда язык и культура воспринимались как важные атрибуты суверенности. Так в середине XIX в. в Румынии стали активно искоренять славянизмы в румынском языке, для чего отказались от кириллицы и перешли на латинский алфавит. В Германии в последней трети девятнадцатого столетия «немецкий пуризм ополчался прежде всего против галлицизмов, а вкупе с ними и против элементов греко-латинского происхождения; чешский пуризм, напротив, считал своей целью «очищение» родного языка главным образом от германизмов. Общим врагом чешских пуристов и их коллег их Германии и Австрии были интернационализмы» [Елинек, 2006: 37-38]. Однако по мере повышения научного уровня языкознания лингвисты пришли к пониманию того, что заимствования необходимы, и они только обогащают выразительные возможности литературных языков. Впрочем, и сегодня некоторые языковеды, специализирующиеся в области финно-угорского языкознания, выступают в поддержку пуризма, оценивая его как «рациональную целенаправленную деятельность по расширению лексических ресурсов литературных языков» [Цыпанов, 2009: 21].

Пуризму традиционно придается значение не только как языковой проблеме, связанной со словообразованием и ролью неологизмов, но и как политической стратегии. Сегодня этот политический подтекст порой даже более важен, нежели собственно

лингвистический дискурс. Причем неоправданно политизируется не только языковая жизнь этнических меньшинств, но и процессы, происходящие в русском языке. «Что происходит с языком сегодня? - задается вопросом один из авторов, - «Пестрый», часто морально уничтожающий язык СМИ с подменой понятий, язык ПК (язык «падонкаф»), язык СМС и т. д.), сленги, бранные слова, засилье иностранных слов... Но когда речь заходит о языковых войнах, которые Запад ведет в постсоветском пространстве глобальной политики, следует всегда помнить, что воюют между собой не языки высокой культуры, а новоязы, насильственно навязанные нам [Костюк, 2009:98].

При всей внешней убедительности доводов в поддержку пуризма, увлечение им языковедов приводит к тому, что рядовые потребители языка, т.е. школьники, и читатели массовых изданий отказываются принимать и понимать новояз. Названная выше публикация О. Уляшева вызвала широкую дискуссию среди специалистов, которая в свою очередь продемонстрировала, что единого понимания путей развития коми языка как государственного, как учебного предмета в профессиональной среде сегодня нет. Что касается простых носителей языка, о которых языковеды просто забыли, то их отношение к названным процессам можно охарактеризовать одной фразой, которую часто приходится слышать от информаторов: «Газеты стало невозможно читать, мы их не понимаем». Впрочем, ряд специалистов полагает, что в реальности в языковую практику внедрено только несколько десятков новых слов, которые никак не могли сказаться на понимании литературного текста, а неприятие печатного слова на финно-угорских языках связано с тем, что в 1990-е годы население перестало выписывать и читать газеты на родном языке (приобретать книги) из-за материальных трудностей и потому навыки чтения были подорваны. Но дело в том, что люди не воспринимают и речь дикторов на телевидении, а телевизионную информацию они не переставали получать все минувшие годы. Серьезные проблемы возникают сегодня и у тех, кто пытается создавать интернет-ресурсы на финно-угорских языках. В Марий Эл блогеры требуют от филологов срочно принять единый стандарт, используемый для написания марийских букв, а наиболее радикальные из них пишут статьи с громкими названиями «Филологи убивают марийский язык», в которых заявляют: «Усилиями наших «ученых» мы скоро потеряем наш родной, красивый марийский язык» и требуют уволить лингвистов с работы [Филологи, 2008].

Следует подчеркнуть, что молодежная аудитория менее всего ориентирована на традиционные носители информации, но наиболее активно осваивает «всемирную паутину». Поэтому перспективы сохранения языков российских финно-угров без их активной экспансии в интернет кажутся проблематичными. Об этом довольно много говорилось на конференции «Журналистика как инструмент поддержки культурного,

этнического и природного разнообразия финно-угорского мира», которая прошла в конце апреля 2009 г. в Сыктывкаре. В частности венгерский журналист Нилаш Гергей заявил, что любование фольклоризмами и обращение внутрь собственной этнической группы есть некий этнический «хип-хоп», который молодежи не интересен, поскольку она должна открывать для себя богатства мира, лежащего за пределами собственных этнических границ.

Особое внимание в этой связи было обращено на интернет-ресурсы на финно-угорских языках. Именно к этой сфере обращено внимание молодежи и, как заявил Нилаш Гергей, здесь для расширения присутствия информации на финно-угорских языках нет никаких препятствий и проблем, ибо даже деньги не нужны – нужна лишь инициатива и работа энтузиастов. Тем не менее, если брать в качестве примера Википедию, то там есть 374 статьи на удмуртском языке, 1200 статей на коми и 60000 – на эстонском, 120 000 на венгерском, еще больше на финском. При этом, если на эстонском и венгерском присутствуют полноценные статьи, то на языках российских финно-угров, как правило, весьма краткие справочные материалы. Впрочем, экспансия финно-угорских языков в мультимедийное пространство уже началась [Попов, 2009: 15] и создаются новые мультимедийные продукты (интернет-игры, сайты, блоги, диски-самоучители), разработку и распространение которых избрал одним из основных направлений своей деятельности Финно-угорский культурный центр Российской Федерации. Не меньшую активность проявляют самодеятельные популяризаторы языков из числа молодых финно-угров, которые в инициативном порядке стали использовать Unicode-шрифты, поскольку различные варианты шрифтов Windows не позволяют отображать, к примеру, все марийские буквы [Чемьшев, 2009: 11-12].

Если же вернуться к положению отдельных языков, то стоит заметить, что специфическая ситуация сложилась с карельским языком. Активисты карельского движения долгое время добиваются придания ему статуса государственного в Карелии, но этот чисто формальный акт вряд ли сколько-нибудь существенно способен изменить языковую ситуацию в республике, ибо даже и у специалистов здесь нет единого мнения о решении более важной задачи - путях развития карельского языка.

На упомянутой выше конференции «Проблемы обучения родным языкам...», к примеру, были высказаны различные точки зрения по поводу путей развития карельского языка. Заведующий кафедрой карельского и вепского языков Петрозаводского университета Петр Зайков согласился, что создание единого карельского литературного языка (которого пока нет) – продуктивная идея, но «народ должен созреть до языкового единства, пожелать этого». Активист карельского движения Анатолий Григорьев настаивает на

немедленном движении к языковому единству. Заместитель председателя Госкомитета по делам национальной политики Наталья Антонова предлагает передать решение данного вопроса от политиков к ученым. По мнению Директора Карельского института языка, истории и литературы карельского научного центра РАН Ирмы Мултонен, лингвистическая база для создания единого карельского языка есть, но в работе над столь сложной проблемой необходимо учитывать множество организационных и социальных условий. А заведующая сектором языкознания того же института Нина Зайцева, наоборот, полагает, что диалекты карельского языка настолько разнятся, что говорить об их объединении в единый литературный язык преждевременно [Фарутин, 2005: 14-15].

Примерно аналогичные споры идут и вокруг преподавания вепского языка: «одни преподаватели считают, что необходимо учить литературному вепскому языку, который во многом формируется искусственно, другие полагают необходимым учитывать диалектные особенности, чтобы носители вепской речи могли почувствовать органичность языка» [Егоров, 2007: 122]. Недавно вновь актуализировалась и дискуссия об объединении эрзянского и мокшанского языков в общемордовский литературный язык [Мосин, 2008: 34-39], вновь дискутируется проблема единого марийского литературного языка [Кузнецова, 2008: 30-37]. Между тем полиномия широко распространена и свойственна не только финно-угорским языкам, и потому в ряде случаев для сохранения языка более продуктивным путем оказывается не стремление к его единообразию, а обеспечение преподавания его различных микрорегиональных вариантов [Пестей, 2008: 162]. Такая языковая политика сильна тем, что позволяет привлечь к делу сохранения языка семью, ибо именно в семье язык передается от поколения к поколению, но там он не воспроизводится, следуя литературной норме, а бытует как диалект.

Что касается угорских языков, к примеру, хантыйского, то с их развитием сложностей еще больше, поскольку проблема их нормирования еще только начинает решаться [Ользина, 2007].

Если вернуться к правовым категориям, то надо отметить еще один важный аспект языковых дискуссий в «финно-угорских регионах» - правовую асимметрию. Все участники дискуссий безусловно признают право на отличие, но мало кто готов признавать право на культурную свободу.

Право на отличие означает, что каждый человек может изучать родной язык и это изучение должно опираться на поддержку государства, т.е. государство призвано создавать условия для изучения родных языков.

Право на культурную свободу с другой стороны базируется на том, что каждый человек (включая носителей финно-угорских языков) вправе сам выбирать те культурные нормы

(включая язык), которые для него являются предпочтительными. Это означает, что навязывание языка (в любой его форме) есть покушение на право культурной свободы.

Характерной чертой языковых и этнокультурных дискуссий является использование термина «национальный (этнический) нигилизм» [Калинин, 2000: 115-118], который наиболее часто употребляют для обозначения представителей финно-угорских народов, нежелающих пользоваться или учить язык предков. Указанный термин присутствует в трудах многих местных языковедов и этнологов и рожден ими, что свидетельствует о самом отношении с их стороны к идее культурной свободы. Но более активно он используется этническими антрепренерами.

Чтобы закрепить личность за группой этнические антрепренеры не только пытаются воздействовать на нее путем призыва к коллективной солидарности и к коллективным санкциям против «этнических отступников», но требуют от государства выступить в роли гаранта нерушимости границ между этническими группами, выступая тем самым за внедрение в практику советской модели фиксации этнической принадлежности личности или модели, которую можно охарактеризовать как «этническое крепостное право». В качестве примера подобного рода маркеров (и подобных позиций) можно сослаться на одну из реплик, размещенных в рунете, на независимом портале www.kominarod.ru: «Люди, предающие свои корни и своих предков – предатели во всем. Пусть это будет предупреждение для тех, кто работает и общается с такими людьми» [Уляшов, 2007].

Наконец, весьма популярной в языковом дискурсе является идея *специальных языковых прав*, которая по существу представляет собой модификацию идеи групповых прав, т.е. неких особых прав, которыми, якобы обладают этнические (расовые) сообщества в целом. Критика концепта групповых прав будет дана нами в следующей главе. Здесь же важно иметь в виду то, что закон должен строиться на четком понимании того, что представляет собой субъект права. В случае с этническими (и расовыми) сообществами такого четкого понимания быть просто не может, ибо границы этнических (расовых) сообществ весьма условны, размыты, а многие представители этнических групп в полиэтнических (миграционных) государствах или имеют множественную этническую идентичность (т.е., к примеру, ощущают себя одновременно и русским, и евреем или русским, евреем и поляком одновременно и т.д.) или же вообще не характеризуют себя в этнических категориях, а называют себя американцем, россиянином, бразильцем, т.е. для них существует только гражданская идентичность. При этом вопрос об этнической принадлежности человека в таких странах часто ставит опрашиваемого в тупик, ибо в реальности нередко трудно определить эту принадлежность.

Кроме того, идея групповых прав явно или неявно направлена против прав личности, хотя именно отдельная личность наиболее очевидно может быть субъектом права в сфере культуры (равно как и политики, экономики и социальных отношений).

Продолжая рассматривать правовой аспект языковой политики, следует затронуть и сферу применения правовых норм. Очевидно, что региональные правовые нормы не могут быть универсальными, т.е. претендовать на роль общенациональных норм. Это касается и языковой политики. Финно-угорские языки есть региональные языки, а потому попытка навязать преподавание этих языков всем учащимся школ, на наш взгляд, есть стремление придать данным языкам статус общегосударственных. В Финляндии, на пример которой часто ссылаются сторонники идеи навязывания языков, финский и шведский языки, которые обязаны изучать все учащиеся школ, есть языки общенациональные (что исторически обусловлено). В России финно-угорские языки могут быть только региональными языками, а это значит, что и их правовой статус должен быть иным.

Хотя, конечно, есть еще опыт Квебека в Канаде и Каталонии в Испании, где в одном случае катала агрессивно противостоит кастельянс, а в другом английский практически объявлен вне закона. Но вряд ли возможно сравнивать культурную ситуацию в Каталонии и Квебеке с российскими реалиями.

Заметим, что, во-первых, языковое законодательство является лишь частью более широкого круга законодательных норм – законодательств о правах меньшинств, во-вторых, не существует каких-то международных стандартов, требующих от государства принятия языкового законодательства. Упомянутая выше Хартия о региональных языках носит рекомендательный характер и определяет лишь некие общие принципы языковой политики в странах, подписавших ее, но выбор реальной практики этой политики остается прерогативой национальных правительств.

Эта практика диктуется теми целями, которые должна решать этнополитика.

Что может являться целью этноязыковой политики? На наш взгляд, можно выделить три наиболее очевидных ориентира, которые имеют значение для культурного позиционирования меньшинств, и которые тесно связаны с языковой политикой. Первый касается сохранения языка в контексте поддержания культурной самобытности этнических сообществ.

Второй связан со сферой образования и формированием этнических школ как инструментов этнонациональной политики.

Третьим ориентиром, видимо, можно считать расширение коммуникативных возможностей языка, превращение его в элемент поддержания культурной солидарности как внутри этнической группы, так и внутри полиэтнического территориального сообщества.

Любая из трех указанных целей сегодня может быть продекларирована и принята в качестве политического ориентира только в случае, если разработаны четкие механизмы

их достижения и если реализация названных целей не порождает конфликтов между культурными группами.

В этой связи полезно сослаться на мнение немецкого специалиста в области права Маркуса Галдиа, который отмечает: «Языковая политика должна:

- учитывать общественное мнение в отношении используемого языка в языковом сообществе (описательный элемент политики);
- стимулировать специальные дебаты на темы межэтнических отношений, создавая соответствующие концептуальные рамки (для интеграции меньшинств, мультикультурализма, мультилингвизма);
- содержать общую стратегию в отношении используемого языка, межэтнических отношений, включая проблемы не только меньшинств, но и доминирующих групп;
- предлагать меры активного продвижения и функционирования языка (предписательный элемент), компенсирующие несоответствия, возникающие за предшествующую историю;
- повышать общественную осведомленность по вопросам мультикультурализма и мультилингвизма в системе образования;
- развивать профессиональные навыки правоведов и государственных чиновников из числа тех, кто имеет дело с проблемами мультикультурализма и мультилингвизма» [Галдиа, 2004: 74].

Язык есть носитель культуры, но этнокультурная специфичность не требует отдельного языка для каждой культурной группы. Есть множество доказательств тому. В частности французский специалист Франсуа Эрнан на разных примерах убедительно доказывает, что культурная отличительность не связана непосредственно с языком. Он рассматривает язык, используя метафору рынка, т.е. с позиции «цены» языка и тех возможностей, которые открывает овладение им [Эрнан, 2004: 99-100]. Известный немецкий социальный антрополог Гюнтер Шлее также замечает, что этнические и языковые границы не всегда совпадают и указывает на многочисленные «этнические единицы, которые не имеют ничего общего с языком» [Шлее, 2004:109]. Видный американский специалист в области языковых проблем Джошуа Фишман обращает внимание на методологическую обусловленность различий во взглядах на связь между этнической идентичностью и языком: сторонники примордиализма полагают, что этническая идентичность без «родного языка» невозможна, а сторонники конструктивизма наоборот полагают, что между этничностью и языком нет жесткой связи и ссылаются на то, что большинство ирландцев говорят только на английском и при это все еще считают себя ирландцами, многие евреи в США не знают иврита, но считают себя евреями, многие англоязычные

испанцы (в том числе ньюйоркцы) все еще идентифицируют себя как испанцев, а испаноговорящие баски продолжают настаивать, что они баски. Но при этом он обращает внимание, что разногласия между примордиалистами и конструктивистами есть не просто «борьба между эмоциями и разумом, между идеологией и информацией. Ныне это есть спор между ориентацией на прошлое и будущее или между консерватизмом и современностью» [Fishman, 2004:88].

В этой связи важно обратить внимание на еще один аспект современной языковой ситуации, а именно: как воспринимается русский язык многими представителями этнических меньшинств (которые идентифицируют себя именно как носителей нерусской идентичности). Характер восприятия русского языка довольно хорошо проиллюстрирован Л.Б. Четыревой на примере калмыков. Она утверждает, что в результате интерференции русский язык приобретает такую форму, в которой он используется калмыками как родной [Четырева. 2008]. При том уровне межэтнического взаимодействия, которое имеет место в современной России, подобные явления довольно распространены и неизбежны, в связи с чем очевидно, что утрата родных языков не ведет к исчезновению этнической идентичности.

Абсолютизацию роли языка в культурном позиционировании финно-угров другой зарубежный специалист Майкл Бранч назвал процессом мистификации [Бранч, 1993: 52-57]. Но абсолютизация роли языка есть не столько мистификация, сколько отличительная особенность современных этнических идеологий и этнических мифов, о чем можно судить на основании многочисленных документов и публикаций [Карелы, 2005; Феномен, 2002, Штрихи, 1994; Пробуждение, 1996]. При этом, как отмечает белорусская исследовательница Юлия Чернявская, «древняя синонимия «народ–язык» переносится на современные рельсы без поправок и перекавалификаций» [Чернявская 2008:213]. Собственно мифологизация роли языка, на наш взгляд, есть попытка представить язык в качестве идеологии. Это отнюдь не новое явление и его описанию посвящены довольно основательные работы [Kress, 1979; Fishman, 2004]. Эрик Хобсбаум вообще полагает, что этноязыковой критерий вместе с принципом этнической принадлежности лежат в основе всяких сепаратистских движений в современной Европе [Хобсбаум, 2002: 333].

Вопрос в том, почему сегодня столь очевидно языковые дискуссии стали приобретать идеологическую направленность. Видимо, определенную роль играет то, что многие организации, которые ставили своей целью защиту интересов финно–угорских меньшинств, в последние годы под влиянием политической конъюнктуры перекавалифицировались из этнополитических в этнокультурные (общественные) и

отказались от официально провозглашаемой идеологии. Но их роль в местных сообществах не изменилась, а их тяготение к идеологии также осталось неизменным.

Очевидно также, что абсолютизация роли языка и политизация языкового строительства не решает проблемы и не дает ответа на вопрос как сохранять язык. Уповать на политические методы решения этой проблемы можно, но ни государственный патернализм над меньшинствами, ни навязывание с помощью государства культурных стандартов меньшинства большинству не смогут решить названные выше проблемы. На наш взгляд, путь решения языковых проблем должен лежать в сфере утверждения мультикультурности в политике, социальной сфере и в общественных настроениях, т.е. это не локальная языковая, а проблема стратегии социокультурного развития страны. Толерантным по отношению к проблемам меньшинств власти и доминантные этнические группы станут тогда, когда меньшинства сами поймут, что нельзя решать свои проблемы за счет этнической сепарации и навязывания своих культурных норм другим группам или представителям собственного культурного сообщества.

Мы полагаем, что *именно идеи этнической сепарации навязывались массовому сознанию в последние 20 лет, именно линия на политическое доминирование и культурную автаркию меньшинств не позволила трансформировать советские идеи интернационализма в идеи толерантности и мультикультурности.* Этнические антрепренеры последовательно вели линию на этническую сепарацию, а в реальности на отрицание гражданского согласия, а там, где нет согласия в обществе, сложные общественные проблемы не решить. В решении проблем меньшинств в первую очередь сегодня должен быть достигнут общественный консенсус. Большинство должно добровольно пойти навстречу интересам меньшинства. Но меньшинство (включая этнические элиты и этнополитических лидеров) для этого должно уважительно отнестись к большинству. Только такая позиция и может считаться толерантной.

Анализ общей культурной ситуации в регионах компактного проживания финно-угров России показывает, что в сфере образования самой актуальной задачей на сегодня является существенное повышение качества обучения в сельских образовательных учреждениях, оснащение сельских школ необходимым количеством литературы и учебников, компьютерами и другими современными средствами обучения, привлечение в сельские школы хорошо подготовленных учителей-предметников. Если выпускник школы будет хорошо знать родной язык и литературу, но будет слабо подготовлен по другим предметам, то перспективы его карьерного роста окажутся весьма призрачны. Такие ученики станут неконкурентоспособны на рынке труда и вынуждены будут осваивать непрестижные и плохо оплачиваемые сферы деятельности. Названная перспектива

приведет к укоренению и усилению в массовом сознании меньшинств и доминантных групп «комплекса социальных аутсайдеров», что только усилит стремление представителей меньшинств к смене своего этнического самосознания и интеграции в доминантные группы. Стремление к «этнизации школы» уже дает свои результаты. К примеру, единственные учителя-предметники, недостатка в которых нет в сельских школах Республики Коми, - это учителя коми языка и литературы. Но дефицит учителей иностранных языков, математики, химии, физики только усугубляется, что ведет к прогрессирующему снижению качества обучения в сельских школах, серьезно отражается на качественном составе абитуриентов вузов, приезжающих из сел. Специалисты в области образования отмечают, что от сокращения часов математики и русского в большей мере страдают именно сельские дети, которые поступают в вузы. Они делают «во вступительных сочинениях по 50-60 ошибок» [Русских, 2004]. При этом проблемы с качеством подготовки выпускников сельских школ везде одинаковы.

Сегодня, например, в Мордовии в ряде вузов создаются специальные «национальные группы», состав которых формируется почти полностью из выходцев из мордовских школ, при обучении которых преподаватели вынуждены учитывать их языковую квалификацию и общий уровень знаний, т.е. эти группы сразу же «маркируются» как менее подготовленные к усвоению знаний, которые дает высшая школа. Названная ситуация создает для данных студентов целый ряд сложностей на пути их профессионального становления и понижает спрос на них со стороны работодателей.

Показательно, что в отличие от специалистов, население воспринимает проблему повышения качества школьного образования в целом как наиболее актуальную. К примеру, опрос населения, проведенный исследователями Сыктывкарского университета в январе 2007 г. в самом депрессивном, но одновременно и самом моноэтничном сельском Усть-Куломском районе показал, что в числе острых социальных проблем, которые тревожат население, на первом месте оказались не низкие доходы, не дефицит рабочих мест, не упадок сельской медицины, а именно состояние школьного образования (более 50% респондентов заявили, что эта проблема их больше всего тревожит сегодня) [Гончаров, 2008: 43].

Реализация масштабных программ поддержки сельских школ позволит преодолеть разрыв в качестве образования между выпускниками городских и сельских школ, что в свою очередь усилит позиции финно-угорских этнических групп в культурной конкуренции. Очевидно, что языковая политика в регионах проживания финно-угров и языковое строительство есть комплексная и сложная проблема, а предлагаемые сегодня методы ее решения вряд ли способны изменить отношение к миноритарным языкам.

Более того, предлагаемые языковедами и этническими элитами методы языковой политики могут создать условия для усиления процессов аккультурации и ассимиляции среди финно-угров. Попытки идеологизировать языковые проблемы становятся все более частыми, но оснований для того, чтобы говорить о лингвистическом национализме нет, поскольку все дискуссии о языке сегодня идут в рамках проблемы совершенствования образовательных практик и не политизируют данную проблему.

Глава 3. Региональные варианты этнической политики.

До конца 1980-х гг. этнонациональная политика в регионах проживания финно-угров, и, прежде всего, в автономных республиках и округах, не носила акцентированного характера, хотя вряд ли возможно согласиться с многочисленными высказываниями местных исследователей о том, что таковой политики не существовало или она была крайне неопределенной. Здесь мы скорее согласны с позицией американского лингвиста Рона Вискмана, который полагает, что советская национальная политика в целом была вполне рациональна, логична и постоянна во времени по отношению ко всем этническим группам, поскольку она, прежде всего, подчинялась целям и интересам режима и была тесно связана с идеологией и общей политической стратегией [Wixman, 1986: 449-468].

Эта политика базировалась на концепте советского интернационализма. Его общее содержание определялось идеологическими установками правящего режима, смысл которых на поздних этапах советской истории сводился к противоречивой формуле «всестороннего расцвета и сближения наций и народностей СССР», а целевые ориентиры определялись идеей формирования «новой исторической общности людей – советского народа», которая во многом мыслилась как надэтническая политическая общность, как советский аналог американской идеи «плавильного котла». Советская модель гражданской общности (советского народа) не предлагала четкого культурного стандарта или культурного образа, которому следовало подражать. При этом в практической деятельности региональных властей этничность воспринималась нередко, как весьма важная составляющая социальной системы и потому кадровая политика была ориентирована на соблюдение пропорционального представительства в органах исполнительной и законодательной власти. К примеру, в Коми в советские годы доля коми депутатов Верховного Совета все послевоенные годы всегда превышала долю титульной этнической группы в составе населения республики [Напалков, 2009]. Это представительство, правда, поддерживалось сугубо административными методами и как только возможности административного регулирования полностью были исчерпаны, представители титульных этнических групп стали проигрывать политическую конкуренцию. Сегодня в парламентах Республики Карелия, Республики Коми, Республики Марий Эл доля депутатов из числа представителей титульных групп заметно ниже, чем доля представителей этих групп в общей структуре населения названных регионов, а порой это представительство становится почти символическим (хотя определенной тенденции по итогам избирательных кампаний и не прослеживается). По

всей вероятности, формирование депутатского корпуса по партийным спискам может еще более сократить представительство финно-угров в законодательных органах власти, хотя эта же практика открывает возможности вернуться к советской модели формирования депутатского корпуса в национальных республиках.

В советские годы административно регулировался не только этнический состав органов власти, но администрированию подвергались и другие сферы, где этничность имела значение с точки зрения правящего режима и исходя из политических традиций СССР. Так для представителей титульных этнических групп ежегодно резервировались места в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга, куда эти представители могли поступать без конкурса. Однако эти места были фактически монополизированы местной элитой, ибо они распределялись между детьми высокопоставленных чиновников. Таким же административным способом нередко определялась и репертуарная политика театров, книгоиздательская практика, т.е. потребности аудитории, в том числе и этнической аудитории, определялись не с учетом запросов самих потребителей, а исходя из официальных установок властей.

Процесс демократизации, начатый Горбачевым, не мог не коснуться и этнокультурной сферы, сферы этнонациональной политики. Советская модель этнонациональной политики, которая фактически стала приближаться к ассимиляторской, была подвергнута критике. При этом не рассматривалась возможность выбора между тремя основными моделями этнополитики: мультикультурализм, ассимиляторской модель и политикой исключения, а равно и не дискутировались позитивные возможности ассимиляторской модели, которые наиболее очевидно проявляются во французском опыте этнополитики [Диалоги, 2005]. Особую роль в критике «советской национальной политики» сыграли этнонациональные движения и организации, которые стали возникать в СССР повсеместно, но только после проведения специального пленума правящей коммунистической партии, посвященного проблемам этнонациональной политики (1989 г.). Стремительный рост числа таких организаций и их политическая активность были для федеральных и региональных властей неожиданностью и, кроме того, власти полагали, что эти движения имеют широкую социальную базу, пользуются поддержкой значительной части населения.

Поэтому реакция на требования этнонациональных движений кардинально изменить политику властей в отношении титульных народов и их проблем была довольно оперативной, но неоднозначной. В одних регионах в деятельности этнонациональных движений власти усмотрели покушение на их полномочия, в других просто игнорировали требования этнонациональных организаций, в третьих - пошли на сотрудничество с этими

организациями. Довольно быстро, однако, во всех этнических автономиях власти поняли, что в их борьбе с федеральным центром за полномочия и ресурсы этнонациональные движения могут быть очень полезны. На смену конфронтации пришли новые формы взаимодействия: в одних случаях это был пакт элит (политической и этнической), в других клиентские отношения, в третьих - патернализм. Эти новые отношения привели к тому, что маргинальные и радикальные элементы в этнонациональных движениях были вытеснены из доминирующих структур этих движений и оказались на политической периферии.

Новый характер отношений потребовал институционализации отношений между властью и этническими общинами, юридической кодификации и нормирования самой этнонациональной политики в регионах. Этот процесс начался в 1991-1992 гг., когда были приняты декларации о суверенитете республик, российский закон «О языках» и когда стали приниматься первые региональные законодательные акты, определявшие статус языков доминантных этнических групп в регионах проживания финно-угров, юридически закреплялись права этнополитических объединений и ассоциаций. Первый закон «О государственных языках» был принят в Коми в мае 1992 года. Согласно этому законодательному акту, статус государственных языков в республике получали русский и коми язык. В том же году в Коми был принят закон «О статусе съезда коми народа». Данный закон объявлял съезд коми народа «высшим представительным собранием коми этноса», наделял его правом законодательной инициативы и определял порядок финансирования съездов из бюджета республики [Штрихи, 1996: 128-129]. Таким образом съезд получал монопольное право представлять коми народа, а общественная организация получала государственное финансирование, т.е. фактически огосударствлялась. Это и послужила в дальнейшем причиной отмены данного закона.

В 1991 г. был создан Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете Министров Карелии, в 1993 г. был создан Государственный комитет по делам национальностей в структуре правительства Коми (вскоре преобразованный в Министерство), в 1995 г. Комитет по делам национальностей появился в Удмуртии. В Республике Марий Эл и в Мордовии департаменты по делам национальностей были созданы в составе Министерств культуры и сами эти министерства стали именоваться Министерствами культуры и по делам национальностей. Инициатива по созданию подобных министерств исходила от этнонациональных движений, призванных представлять интересы титульных этнических сообществ в названных республиках.

Министерства на начальном этапе довольно схематично представляли направления своей деятельности, хотя в республиках и были приняты положения о соответствующих правительственных ведомствах, определявшие сферу их компетенции. Главное внимание они уделяли поддержке различных этнокультурных объединений, но, прежде всего, этнонациональным движениям, которые заявляли о своем стремлении отстаивать интересы титульных этнических групп. В их же задачу входила и разработка концептуальных основ региональной этнонациональной политики. Но формироваться концептуальные подходы стали еще на этапе принятия новых конституций финно-угорских республик. Эти конституции были приняты в 1994 году и были весьма показательны (в Карелии были внесены лишь изменения в Конституцию 1978 года, а новая конституция была принята только в 2001 году). Показательны они были в том плане, что сами конституционные положения, касающиеся этнополитики, были двусмысленны, противоречивы и отчасти даже конфликтны. Конфликтность заключалась в том, что в ряде основных законов объявлялся приоритет конституционных актов и законов республик с финно-угорским населением над федеральными законами (исключением является Карелия). Кроме того, в конституциях делалась попытка противопоставления титульных этнических групп иноэтничному населению. Так в конституции Коми с одной стороны сказано, что «носителем суверенитета и единственным источником государственной власти...является ее многонациональный народ», а в следующей статье говорится, что источником государственности является коми народ [*Штрихи*, 1996: 146], хотя источником государственности может быть только *право* всего народа республики на самоопределение.

В конституции Удмуртской республики присутствует странная и противоречивая формулировка, что она есть государство в составе России, утвердившееся на основе осуществления удмуртской нацией и народом Удмуртии своего неотъемлемого права на самоопределение» [*Феномен*, 2002:149]. Тем самым удмуртская нация противопоставлялась народу Удмуртии и как бы не считалась его органической частью.

Данные правовые коллизии объяснялись с одной стороны стремлением законодателей проявлять лояльность в отношении титульных этнических групп республик, в результате чего правовые нормы нередко подменялись политическими лозунгами, а с другой – неопределенностью целей, задач и приоритетов региональной этнонациональной политики, слабостью теоретических знаний у творцов этнополитики, особенно того в каком соотношении должны находиться общегражданские и этнические интересы.

Определенность целей, задач региональных моделей этнонациональной политики должны были придать Концепции государственной национальной политики, которые

принимались в национальных республиках. Заметим, что федеральная Концепция государственной национальной политики РФ была принята летом 1996 года. Но еще до ее принятия аналогичная концепция была утверждена в Республике Коми. В 1997 г. концепция государственной национальной политики была принята в Марий Эл, в том же году в Удмуртии приняли Отраслевую программу государственной национальной политики, в 1998 г. концепцию утвердили власти Мордовии (только в Карелии подобная концепция не принята до сих пор). Многие из данных документов повторяли федеральную концепцию, в них не было четкого определения таких понятий как «коренной этнос», «народ республики (округа)», «этническое меньшинство», не были однозначно сформулированы основные принципы этнополитики за исключением идей межнационального мира и недопущения дискриминации по этническому признаку, а главное – не был разрешен важнейший вопрос о соотношении этничности и гражданственности, что для мультикультурных сообществ является принципиально важным. Эта неопределенность важнейших концептуальных документов порождала и неоднозначность многих решений и подходов в практике регулирования отношений между государством и этническими общинами, регулирования межобщинных отношений. Более того, она порождала недовольство и подозрения у этнических элит, которое создавало почву для усиления потенциала конфликтности. Этнические элиты титульных групп (а точнее – некая часть этих элит) полагали, что в национальных республиках этнонациональная политика должна быть, прежде всего, ориентирована на удовлетворение нужд именно так называемого «коренного этноса» и предоставлять ему определенные преференции. Этнические элиты нетитульных общин напротив требовали соблюдать баланс интересов различных этнических групп населения и нередко расценивали меры по государственной поддержке титульных этнических групп как проявления этноцентризма. Неопределенность концептуальных подходов к этнополитике в регионах действительно давала основания для этноцентристского понимания ключевых целей этнополитики.

Политизированные группировки этнических элит пытались фактически доказать, что «коренной этнос» («коренной народ») есть фактически коллективный собственник республики или округа и как собственник ресурсов он и только он может ими распоряжаться. Право собственности и право на распоряжение ресурсами других этнических общин прямо или косвенно оспаривалось или подвергалось сомнению. Для защиты прав коллективной собственности необходимо было добиться политического доминирования «коренного этноса» или обеспечить ему с помощью политизации этничности привилегированные политические позиции.

В ряде регионов неопределенность концептуальных подходов к определению сущности этнополитики прямо отражалась на общественных настроениях и политических практиках, вызывала острые дискуссии. Особенно очевидные проблемы имели место в Карелии и Удмуртии, а в последнее время эта неопределенность оказала серьезное влияние на ситуацию в Республике Марий Эл. В Карелии доминирующее политическое большинство, опасаясь роста этноцентристских настроений среди титульного этнического сообщества, блокировало принятие закона о языках, а в Удмуртии имели место самые острые среди республик с финно-угорским населением дискуссии об интересах этнических общин.

Однако, несмотря на внутривнутриполитические проблемы и недостаточный уровень взаимопонимания между этническими элитами в регионах проживания финно-угров, помимо неких общих подходов к реализации региональной этнонациональной политики, повсеместно за истекшие полтора десятилетия сформировалась правовая база этнополитики и правоприменительная практика.

Помимо законов о государственных языках приняты программы развития финно-угорских и русского языков в качестве государственных, которые предполагают реализацию комплекса мер, связанных с совершенствованием языковой базы: нормированием языков, подготовкой учебников, словарей и т.д. Там, где языки титульных этнических групп в силу каких-либо причин не получили статуса государственных, приняты законы и нормативные акты, направленные на оказание их развитию и сохранению государственной поддержки. К примеру, в Карелии принят закон «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков». Аналогичные меры приняты и в Ханты-Мансийском округе. Практическая реализация данных законодательных актов осуществляется через принятие соответствующих государственных программ.

Законы о языках являются лишь частью законодательной базы региональной этнонациональной политики. В Коми в нее входят, помимо двух вышеназванных законов, законы «О культуре», «Об образовании», «О национально-культурной автономии» и ряд других. В Удмуртии помимо закона «О государственных языках» в законодательные основы этнополитики включены законы «О народном образовании», «О культуре», «О национально-культурных объединениях» и целый ряд правительственных постановлений. Менее всего нормативных документов, призванных регулировать этнонациональную политику, принято в Коми-Пермяцком автономном округе, что отчасти объясняется их неактуальностью в условиях округа. Здесь коми-пермяки составляют 60% населения, старожильческое русское население проживает в исторически сформировавшихся

анклавах, а сама социальная среда мало трансформируется, поскольку 70% населения – это сельские жители, уклад жизни которых достаточно консервативен. Главная проблема КПАО – это низкий уровень жизни и именно он стал причиной того, что здесь наблюдается очевидный кризис этнической идентичности. Первоначально низкий уровень жизни выталкивал из округа наиболее активную, молодую и грамотную часть населения (с 1959 по 1989 гг. численность населения КПАО сократилась с 236 до 159 тысяч человек, а ныне составляет менее 130 тысяч). Затем стали углубляться процессы этнической эрозии, а в массовом сознании значение национальной (этнонациональной) государственности было полностью девальвировано [Полюянов, 2000]. О превалировании экономических интересов над этническими можно судить по данным массового опроса, проведенного в Коми в 2004 году. Согласно этим данным, 51% респондентов поддержали идею укрупнения регионов, но при условии, что такое объединение приведет к росту жизненного уровня населения. Предполагалось, что поддержка идеи укрупнения регионов будет очень сильно коррелировать с этнической принадлежностью опрашиваемых, но среди коми респондентов в поддержку объединения при условии, что это приведет к росту благосостояния населения, высказалось тоже 51%, хотя среди этой группы респондентов сторонников «объединения ради объединения» существенно меньше, чем среди выборочной совокупности в целом.

Особо следует сказать о Ханты–Мансийском округе, где принято около 50 нормативных актов, касающихся региональной этнополитики, в числе которых местные законы о территориях традиционного природопользования, об общинах коренных малочисленных народов. Особое место в законодательной базе этнополитики ХМАО принадлежит закону «О порядке проведения съезда коренных малочисленных народов Севера по выдвижению кандидатов в депутаты Думы Ханты–Мансийского автономного округа по единому шестимандатному национально–территориальному избирательному округу». Этот закон гарантирует политическое представительство представителей коренных малочисленных народов в системе представительной власти округа. Дело в том, что ханты и манси вместе взятые составляют всего 1,9% населения округа, согласно данным переписи населения 2002 года. В такой ситуации обеспечить представительство малых народов в органах исполнительной власти путем обычных избирательных процедур не представляется возможным. Поэтому вся территория ХМАО объединена в единый многомандатный округ, на территории которого избираются шесть депутатов из числа малых народов в Думу округа (всего в Думе 25 депутатов). Эти депутаты вместе взятые составляют Ассамблею коренных малочисленных народов ХМАО, и председатель этой Ассамблеи по закону является заместителем председателя Думы. Названный закон очень

четко и детально характеризует регламент съезда коренных малочисленных народов, чего нет ни в одном другом региональном законодательном акте, касающемся этнического представительства. По своей идеологии данный закон близок к законодательным актам стран Скандинавии, касающимся порядка формирования и статуса саамских парламентов, хотя форма представительства, реализованная в Ханты–Мансийском округе, предоставляет больше возможностей для лоббирования интересов малых этнических групп.

Проблему политического представительства карел, вепсов и финнов в Карелии также предлагалось решать путем выделения квот для них в региональном парламенте, но хотя это предложение не получило поддержки у местной политической элиты оно продолжает дискутироваться и поныне [Григорьев, 2009]. Кроме того, надо заметить, что, по-видимому, квотирование целесообразно осуществлять там, где доля этнической группы в общем составе населения крайне мала и исход политического соревнования между политическими лидерами различной этнической принадлежности заранее предопределен. Кроме того, даже при квотировании мест в законодательных органах и использовании упрощенных избирательных процедур, население может заблокировать процесс распределения квот, как это имело место в начале 2005 года в Ненецком округе.

Более реально использовать для политического представительства малых этнических групп консультативные институты. Такой институт создан в Карелии – это Совет представителей карел, вепсов, финнов при Главе республики.

При всем том, что региональная этнонациональная политика является сегодня важной составляющей частью политики региональных властей, эта политика до сих пор страдает от непоследовательности, отсутствия четких приоритетов, она нередко ориентирована только на этнические элиты и не предполагает широкого общественного диалога, а главное – в этой политике не сбалансированы интересы всех этнических общин, составляющих территориальные сообщества. Именно эти недостатки и стали в значительной мере причиной той конфликтной ситуации, которая в 2005 г. сложилась в Республике Марий Эл, где между региональными властями и отдельными лидерами марийский этнонациональных организаций не просто возник конфликт, но началось политическое противостояние.

Ярким примером того, каким образом строилась региональная этнонациональная политика является практика этнополитики в Республике Коми в 1990-е годы. Созданное по инициативе коми движения в первой половине 1990-х гг. Министерство по делам национальностей изначально в своей деятельности основное внимание уделяло работе с этнокультурными и этнополитическими обществами, делая при этом упор на поддержку

движения «Коми войтыр» (в ту пору Комитета возрождения коми народа), о чем прямо заявлялось чиновниками министерства. Поэтому в бюджете республики отдельной строкой выделялись средства на деятельность движения, оно, по сути, было наделено монопольным правом «выражать интересы коми народа», а в республиканской конституции, как муже указывалось выше, был узаконена идея, которая гласила «коми народ – источник государственности» республики». Названная идея не являлась юридически корректной, а могла расцениваться лишь как политический лозунг. Между тем в Основном законе должны были конституцироваться лишь основополагающие правовые нормы, а потому источником государственности могла быть в данном контексте лишь общепризнанная в мировом праве норма, согласно которой каждый народ имеет право на самоопределение. Но правом на самоопределение обладает не этническая общность, а гражданское сообщество, под которым нужно понимать все население РК.

Этнический национализм, который, по выражению чешского профессора Мирослава Хроха, во многих постсоциалистических странах «монополизировал роль фактора интеграции» [Хрох, 2002:136]. «В этническом национализме, «национальность» становится синонимом этничности, - как пишет Лия Гринфельд, - а национальная идентичность часто понимается как отражение или осознание «примордиальных» или наследственных групповых характеристик, компонентов этничности, таких как язык, обычаи, территориальная принадлежность и физический тип» [Grinfeld, 1993: 2]. В идеологическом плане этнический национализм опирается на идею нации-этноса. Ориентированные на эту идею политические менеджеры воспринимали территориальные сообщества не как горизонтальную социокультурную структуру, а как иерархию культурных групп, ибо «правом» представлять «нацию» в их понимании обладало лишь титульное этническое сообщество. Именно поэтому этнополитика не носила сбалансированный характер, а чиновники откровенно заявляли, что их главная цель удовлетворение интересов «коренного народа», т.е. сутью региональной этнополитики стал этнический фаворитизм. С начала 2000-х гг. откровенный этнический фаворитизм постепенно исчезает из официальной политики РК, чему во многом способствовала кампания по приведению законодательных актов субъектов РФ в соответствие с федеральными законодательными нормами, а также выстраивание более строгой вертикали власти в стране. В такой ситуации региональные власти больше думали не о поддержке «манифестирующей этничности» и политических амбиций этнических антрепренеров, а о переводе устремлений этнических элит из этнополитической сферы в сферу культуры. Поэтому просуществовавший в качестве самостоятельной структуры Миннац было решено объединить с Министерством культуры, создав в последнем

самостоятельный департамент по делам национальностей. Решение было в целом здоровое, ибо отдельного объекта управления у Министерства по делам национальностей быть не может (как можно «управлять» этническими группами) и функции данного органа в основном связаны с координацией деятельности ведомств, чьи решения касаются, так или иначе, удовлетворения интересов культурных сообществ.

Но события в Кондопоге показали, что идеологическое клише о «межнациональном мире и согласии», которое активно используют руководители национальных республик РФ для характеристики этнокультурной ситуации во вверенных им субъектах, есть лишь желаемый оптимум, но реальное положение дел в сфере межобщинного взаимодействия не выглядит столь благополучным. В полной мере это касается и Республики Коми. Независимые исследования, проводившиеся в республике в 1990-е и в 2000-е гг. показали, что уровень ксенофобии в республике не только высок (он сопоставим с тем, что зафиксирован в Карелии), но и имеет явную тенденцию к росту.

В этих условиях руководство республики сочло целесообразным вновь сформировать отдельное министерство, которое бы осуществляло координацию усилий различных ведомств в сфере регулирования межэтнических, межконфессиональных отношений.

Среди функций нового министерства, связанных с этнонациональной политикой появляется принципиально новое направление деятельности, которое заключается в том, что Министерство «осуществляет мониторинг состояния национальных и межнациональных отношений на территории Республики Коми и ежегодно представляет Главе Республики Коми доклад о реализации государственной национальной политики и состояния конфессиональных (видимо речь идет о межконфессиональных отношениях, поскольку отношения внутри религиозных общин есть внутреннее дело общин и вмешательство в них недопустимо – *авт.*) отношений в Республике Коми, межнациональных конфликтов, развитию толерантности и консолидации гражданского общества» [*Положение*, 2007].

Существенным недостатком многих концептуальных разработок в сфере этнонациональной политики является их ориентация на идею групповых прав. В идеологии этнонациональных движений идея групповых прав вообще является одной из ключевых, о чем будет сказано ниже.

Этнические предприниматели и антрепренеры настойчиво заявляют, что права меньшинств, права этнических групп должны быть первичны по отношению ко всем другим правам. В лучшем случае они говорят о «правильном сочетании» групповых прав и прав личности. Права этнических групп, согласно данной трактовке, могут быть только коллективными правами, ибо культурная самобытность есть коллективное свойство.

Сохранение этой самобытности, по их мнению, возможно только через некое «этническое самоопределение». Однако здесь следует согласиться с мнением В.Филиппова, который подчеркивает: «практически все специалисты в области юридической антропологии, признающие приоритет прав личности по отношению к правам каких бы то ни было социальных групп, солидарны во мнении о том, что групповое этническое самоопределение – не более чем ситуативный политический лозунг, не имеющий никакого отношения к праву как таковому» [Филиппов, 2003: 132].

Действительно, серьезный анализ показывает, что групповые права – это не юридическая норма, а политический миф, ибо нет адекватных механизмов выражения таких прав и все политические и культурные права – это, прежде всего, права личности. В том случае, когда речь идет о правах меньшинств или этнических сообществ мы имеем виду не некие абстрактные социальные сообщества или статистические группы, а подразумеваем лиц, принадлежащих к данным меньшинствам и сообществам и их ясно выраженную *индивидуальную* волю принадлежать к группам меньшинств и реализовать свои *личные* культурные или экономические интересы в рамках данных групп.

Более того, конструкция коллективного права такова, что она может быть выражена только в категории общего интереса, который проявляется в результате организованного и идеологически оформленного действия. А значит это, прежде всего, политическая конструкция. Права личности в данном случае оказываются вторичными и подчиненными правам некой обезличенной организации, а, следовательно, они как бы уничтожаются конструкцией коллективных прав. При этом, конструкция общих прав открывает широкое поле для политических спекуляций и узурпации выражения интересов меньшинств политическими лидерами, принадлежащими к данному меньшинству или этническому сообществу. Практика этнополитики показывает, что чаще всего лидеры выступают от имени этнических групп в целом не получая от отдельных представителей этих групп полномочий на то, чтобы представлять их интересы или имея полномочия, которые делегированы весьма условно и лишь некоторой частью каждой конкретной группы.

Весьма распространенная в этнополитическом дискурсе проблема защиты прав национальных (этнических, расовых, религиозных) меньшинств трактуется, к примеру, как проблема защиты неких коллективных образований, чьи интересы выражают отдельные лидеры. При этом упускается из виду принципиальный момент, который касается того, что речь должна идти об интересах *лиц принадлежащих к меньшинствам* и только об этих интересах. В этой связи весьма показателен венгерский закон 1993 года «О

правах национальных и этнических меньшинств», который прямо предполагает защиту только индивидуальных прав лиц, принадлежащих к меньшинствам.

Защита меньшинств и их культурного своеобразия не может, тем не менее, восприниматься как создание жестких барьеров между общинами, а потому она вовсе не означает, что государство должно противодействовать добровольной ассимиляции, которая просто неизбежна в полиэтничных и динамично развивающихся сообществах. Здесь, как правило, достаточно велика доля межэтнических браков и межэтнических контактов на личностном уровне, через которые естественным образом и происходит ассимиляция. Однако, к примеру, в таком фундаментальном документе как «Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств» присутствует только осуждение действий, направленных на ассимиляцию меньшинств. Другая сторона данного процесса никак не артикулируется.

Рассматривая законодательные нормы, которые базируются на идее коллективных прав, мы совершенно определенно обнаруживаем в них отсутствие именно коллективного права. Обладание некими политическими, экономическими или культурными правами оказывается возможным лишь в результате личного выбора и частного интереса. К примеру, возможность участвовать в формировании саамских парламентов в странах Скандинавии появляется у граждан этих стран лишь тогда, когда они добровольно и в частном порядке заявят о своей принадлежности к саамским сообществам и проявят стремление к тому, чтобы быть внесенными в списки народа саами, которые одновременно являются и списками избирателей названных парламентских институтов. Получать доход от эксплуатации земель на Аляске коренные аляскинцы могут лишь став членами ассоциаций коренных аляскинцев, т.е. *проявив личное желание* считать себя членом этнических сообществ. Земля сообществ есть общее достояние, но доходы от нее есть индивидуальная рента. Российский закон о территориях традиционного природопользования коренных народов также предполагает индивидуально подтверждаемое право пользования территориями, которые включены в систему традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Иными словами, любой законодательный акт, основанный на концепте коллективных прав, на деле не может обойти понятие личных прав представителей этнического сообщества. Если же в законодательном акте упускается из виду проблема прав личности, то законодательный акт приобретает характер не закона или конвенции, а декларации, т.е. документа, который носит преимущественно политический характер, ибо говорит лишь о *принципах*, а не о *механизмах* реализации прав.

Закон должен строиться на четком понимании того, что представляет собой субъект права. В случае с этническими (и расовыми) сообществами такого четкого понимания быть просто не может, ибо границы этнических (расовых) сообществ весьма условны, размыты, а многие представители этнических групп в полиэтнических (миграционных) государствах или имеют множественную этническую идентичность (т.е., к примеру, ощущают себя одновременно и русским, и евреем или русским, евреем и поляком одновременно и т.д.) или же вообще не характеризуют себя в этнических категориях, а называют себя американцем, россиянином, бразильцем, т.е. для них существует только гражданская идентичность. При этом вопрос об этнической принадлежности человека в таких странах часто ставит опрашиваемого в тупик, ибо в реальности нередко трудно определить эту принадлежность. Не случайно во время переписи населения РФ в 2002 г. полтора миллиона человек не смогли указать свою этническую принадлежность.

При этом стоит согласиться с еще одним очень важным принципом, который нельзя упускать из виду, когда дискутируется проблема коллективных прав этнических (или расовых) сообществ, а именно: «Субъект права должен не только иметь способность приобретать и реализовывать права своими действиями, но и исполнять обязанности, а также нести ответственность. Условное или статистическое множество подобными свойствами не обладает, и речь может идти только о фикции» [Осинов, 2004: 443].

Таким образом, как только упускается личностный аспект защиты интересов и прав, проблема теряет правовое значение и приобретает значение политического инструмента, с помощью которого отстаиваются интересы не абстрактных коллективов, а политических лидеров и элит, отождествляющих себя с данной группой или выступающих от имени группы.

Тем не менее, представляется весьма справедливым мнение, что проблема соотношения прав личности и групповых прав на сегодняшний день окончательно не решена и в этом отношении справедливо замечание С.В. Соколовского об этой правовой коллизии: «Альтернатива «групповые права – индивидуальные права» остается серьезным теоретическим вызовом в современной теории международного права, а также в философии права и политики» [Соколовский, 2004: 25].

Действительно, в международном праве концепт групповых прав присутствует и это является мощным аргументом для идеологов этнонациональных движений защищать названный концепт и широко использовать его в своих идеологических построениях. Наиболее часто в системе аргументации идеологов этнонациональных движений присутствуют ссылки на Конвенцию МОТ №169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах». Финно-угорские народы

понимаются идеологами как коренные, чьи особые групповые права защищены названной конвенцией. Как подчеркивает один из активистов финно-угорского движения З. Строгальщикова, «в мае 1992 г. общественные организации финно-угорских народов провели в г. Ижевске (Удмуртия) свой I съезд, на котором создали общероссийскую Ассоциацию финно-угорских народов России и приняли Декларацию. Ее содержание основывалось на нормах проекта Декларации ООН о правах коренных народов» [Строгальщикова, 2008: 51-52]. Поскольку однозначного толкования понятия «коренные народы» нет, постольку к таковым можно причислять многие этнические сообщества. Но ряд исследователей справедливо отмечают, что «фетишизации статуса «коренной» можно избежать, если обратиться к логике, которой руководствовались правоведы в своих усилиях защитить названную группу народов. А эта логика основывалась на том, что «специфика защиты прав коренных народов заключается **в охране их образа жизни**, укорененного в их мировоззрении и верованиях; все остальные права гарантируются стандартными нормами прав человека и прав меньшинств.

Черты этого образа жизни хорошо известны – это экстенсивные формы хозяйствования, значительная часть которых может быть отнесена к присваивающим формам экономики (охота, собирательство, рыбный и морской зверобойный промыслы; с известными оговорками – оленеводство). Охрана образа жизни людей, которые вовлечены в экономику такого рода, неизбежно связана с охраной хабитата – среды обитания тех видов растений и животных, которые составляют основу возобновляемых ресурсов. Поскольку отнюдь не все люди, причисляющие себя к коренным народам, ведут подобный образ жизни, специфические нормы защиты прав коренных народов должны адресоваться лишь тем из них, кто вовлечен в эти виды хозяйственной деятельности, а также членам их семей, экономическое благополучие которых поддерживается теми же ресурсами. Языковые и культурные права остальных должны защищаться общими нормами прав человека и прав меньшинств» [Соколовский, 2007б: 48].

Важно заметить, что в Руководстве ООН, подготовленном Управлением Верховного комиссара по правам человека для коренных народов [Руководство, 2001] и сам термин «групповые права», и дискурс группового права отсутствует, а проблематика защиты прав коренных народов сводится лишь к защите прав человека. В названном «информационном материале» лишь в одном случае упомянуто право на самоопределение, которое отчасти можно трактовать как некую форму группового права, но в действительности и право на самоопределение является производным от политических прав личности, ибо политическое самоопределение начинается именно на

личностном уровне и право на самоопределение есть обобщенная политическая воля отдельных граждан, как выразителей политических интересов.

Эксплуатация идеи коллективных прав этническими элитами вызвана еще и тем, что эти элиты ориентированы не на политические институты представительной демократии, а на традиционное господство, точнее на некоторые его характерные признаки, по поводу которых Макс Вебер замечал: «...Власть...патриархов, в своем чистом типе основывается на представлении властителей (товарищей) о том, что данный вид господства, хотя и вытекает из традиционного прирожденного права господина, тем не менее, *содержательно* все равно основывается на явном товарищеском праве, и поэтому выражает их, товарищей, *общие интересы*, которые не могут быть присвоены единолично. Определяющим в этом случае является то, что при *этом* типе *полностью* все равно отсутствует *личный* («патримониальный») административный аппарат управления [Вебер, 2007: 154]. Кроме того, этнические лидеры не случайно пытаются говорить о «коллективной включенности этносов в политический процесс», ибо, в отличие от политиков, вынужденных апеллировать к интересам и позициям отдельных социальных страт и слоев, они апеллируют к сообществу в целом, оставляя за рамками политической борьбы его социальную структуру. Как полагают некоторые исследователи, «можно вполне уверенно говорить о субкультурах, основанием которых являются особенности представления этнических групп в отношении должного и реального поведения акторов и политической системы» [Дука, 2006: 107] и этнические антрепренеры тоже рассматривают свои группы именно как носителей особых политических культур. При этом, как подчеркивает известный американский специалист в области права Айрис Марион, вся аргументация сторонников особых прав этнических (расовых, религиозных и др.) групп строится на игнорировании *общих интересов и общего мнения* всего социального сообщества [Marion, 1997: 369], а интересы отдельной группы абсолютизируются.

Однако этнические группы в современном мире интегрированы в гражданские и политические институты и неотделимы от них. Поэтому когда этнические элиты начинают политизировать этничность и вступают в конкуренцию с политическими институтами им обычно не хватает политических ресурсов для завоевания прочных политических позиций даже на уровне отдельного региона. Не случайно, ни в одном из «финно-угорских регионов» этнонациональным движениям, этноэлитам так и не удалось обеспечить себе сколько-нибудь значительного представительства в законодательной власти и оказывать серьезное влияние на деятельность исполнительной власти (хотя на начальном этапе формирования этнонациональных движений не раз раздавались призывы стать «второй властью» в регионах).

Более того, этноэлитам не удалось не только привлечь на свою сторону симпатии большей части населения «национальных республик и автономий», но и большей части представителей титульных этнических сообществ. Рядовые граждане часто даже не знают о деятельности этнонациональных организаций. В Коми по итогам массового опроса 1996 г. о своей неосведомленности о наличии каких-то организаций заявило 53,9% респондентов, в Мордовии, по данным опроса 1994 г. таковых было 64,4% [Ковалев, 2002: 118]. Не изменилась принципиально ситуация и спустя 10 лет, когда более поздние исследования, проведенные в Коми показали, что большинство респондентов, независимо от их этнической принадлежности, относятся отрицательно к деятельности этнополитических организаций. В Республике Марий Эл, согласно данным социологического исследования 2001 г., треть опрошенных в числе факторов, которые отрицательно влияют на состояние межэтнических отношений указали деятельность этнополитических организаций [Межнациональные, 2002: 14].

Этнические антрепренеры в своих программных публикациях стремятся не только обосновать приоритет групповых прав над правами личности, но и активно используют в системе доказательств ссылки на международное право. Следует признать, что многие международные правовые акты страдают двусмысленностью, но при этом ни один из них не провозглашает допустимость поражения в правах отдельной личности или конкурирующих этнических групп. Поэтому в системе аргументации допускается сознательная подмена понятий, когда *личные права выдаются за «права народов»*. Типичным примером подобного рода подмены понятий служит статья нескольких авторов, в числе которых и председатель Консультативного комитета финно-угорских народов В.Марков. В публикации в частности заявляется: «В международном Билле о правах человека зафиксированы также права народов, в том числе коренных. В статьях 1 и 2 Всеобщей декларации прав человека говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. ...Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» [Марков, 2008: 11]. Впрочем, как международные правовые акты, так и российское законодательство оперирует идеями группового права и в этом смысле риторика тех, кто апеллирует к этому праву, имеет основания. Известные западные исследователи Вилл Кумличка и Ян Шапиро подчеркивают, что есть целый ряд условий, которые питают аргументацию сторонников идеи групповых прав и делают саму идею столь обсуждаемой [Kymlicka, 1997]. Впрочем,

наличие в законодательстве концепта группового права не означает того, что права личности не являются первичными. А сама практика использования законодательных актов, построенных на названном концепте противоречива, непоследовательна и вызывает много нареканий [*Строгальщикова*, 2008: 48-63], что неизбежно, поскольку проблемы социально-экономического и культурного развития народов не решаются путем маркирования их как неких особых сообществ.

Как уже сказано, региональная этнонациональная политика нередко не только не имеет ясных и четких политических ориентиров и механизмов реализации политических целей, но и в правовом отношении далеко не безупречна. Творцы региональной этнополитики в своей деятельности нередко ориентируются на этнических лидеров и возглавляемые ими организации, а не на интересы территориальных сообществ в целом. Такая ориентация делает этнополитику противоречивой и потенциально опасной, ибо интересы элит и интересы населения совпадают далеко не всегда.

Впрочем, и сами элиты нельзя рассматривать как некое целое. Известный российский исследователь Владимир Малахов в этой связи замечает: «Обмен статусного характера имеет место во взаимодействии между бюрократией и этническими активистами. ...Мы будем проводить различие между этническими активистами двух типов - «прагматиками» и «романтиками». Прагматики, или этнопредприниматели в строгом смысле слова («брокеры от культуры», по выражению Абнера Коэна), - это общественные деятели, использующие этничность с целью приобретения или накопления социального капитала. Романтики – это этнические активисты, искренне стремящиеся к удержанию и развитию определенной этнической идентичности и пытающиеся заразить этим стремлением максимальное количество людей» [*Малахов*, 2007: 189].

Между тем региональные власти часто в качестве партнеров выбирают именно прагматиков, которые объективно заинтересованы в предельной политизации этничности и получении за счет этой политизации наибольших политических дивидендов. Правда, прагматики успешнее «вписываются» в региональные политические элиты и готовы идти на компромиссы, но в результате взаимодействия между властью и прагматиками часто формируется такая модель этнополитики, которая носит декоративный характер и не работает ни на гражданскую интеграцию в регионе, ни на эффективный мониторинг состояния межэтнических отношений, что воочию доказали события в карельской Кондопоге.

В политико-идеологическом отношении деятельность региональных властей строится на идеях «удовлетворения культурных интересов» титульных этнических групп, поддержки культурных инициатив общественных организаций, призванных представлять

интересы этнических меньшинств, и «поддержании межнационального мира и согласия», но не имеет, как правило, серьезных концептуальных ориентиров и четких механизмов реализации основополагающих принципов этнополитики (часто сами эти принципы сформулированы весьма неопределенно), а строится преимущественно на тактическом реагировании политических институтов на проблемы социального и культурного развития отдельных этнических групп и сдерживании этнического радикализма. Документы программно-политического характера в сфере этнополитики носят декларативный характер и в основном копируют аналогичные федеральные разработки. Вместе с тем, в последние годы, под влиянием федерального центра в практической деятельности региональных властей наметился очевидный сдвиг принципиального характера – интеграционные идеи, идеи общенационального консенсуса и укрепления общероссийской гражданской идентичности становятся равнозначным дополнением идеям всесторонней поддержки этнической отличительности.

Глава 4. Финно-угорские этнонациональные движения и их идеология

Крах коммунистических режимов в Европе привел к идеологическому вакууму, который стал с успехом заполняться идеями и концептами, называемыми в социальных науках националистическими. Но в России вместе с крахом коммунизма были дискредитированы и идеи гражданского национализма (выражавшиеся в концепции советского народа), а потому вне конкуренции оказался этнический национализм, доминирующий и поныне в политической практике и идеологии этнополитических организаций.

Вполне закономерно возникает вопрос: рожден ли этнический национализм финно-угров постсоветской эпохой или у него более глубокие корни? Известный башкирский исследователь Р.Кузеев выделил несколько этапов развития этнонациональных движений у народов России, ориентируясь на ситуацию в Волго-Уральском регионе. Первым этапом, согласно его концепции, является национально-демократический, который длился с конца XIX в. до революции 1905 года. Второй – социально-демократический продолжался с 1905 по 1918-1919 годы. На этих этапах происходило оформление самих движений и становление их идейно-политических позиций. Третий этап – большевистский – начинается после 1919 года [Кузеев, 1999: 75-76] и знаменуется тем, что многие народы обретают административную автономию, получают стимулы к развитию собственных культурных институтов, но официальной идеологией местных националистов становится коммунистическая идеология. Вряд ли, однако, правомерно выделять большевистский этап, ибо нельзя выдавать «партийное и советское строительство» за некий аналог этнонационального движения, как отдельную форму националистического движения. Ни собственных организационных структур, ни собственной идеологии такое движение не имело, т.е. как самостоятельное политическое движение и идеология национализм в Советской России отсутствовал. Хотя, как отмечают М.Губогло и Ф.Сафин «насильственно насаждаемый сверху (из Центра) лингвицизм в 1920-е годы за короткий период привел к формированию прослойки этнических идеологов и политических деятелей, заинтересованных в решении локально-этнических проблем в большей мере, чем в укреплении общей государственности народов России» [Губогло, 2000:303]. Действительно, процессы огосударствления языков в 1920-е гг., активное «культурное строительство» и политика «коренизации», которые все еще не достаточно полно и адекватно рассмотрены в исторической литературе, создавали основу для формирования того социального слоя, который мог стать носителем идеологии и практики этнического национализма, но времени для того, чтобы эта идеология оформилась хотя бы латентно (на уровне устойчивых политических практик местных

властей) не было, поскольку уже в начале 1930-х политический и идеологический прессинг со стороны центральных властей стал усиливаться, а затем и начались массовые репрессии, осуществлявшиеся в том числе и под лозунгом борьбы с «буржуазным национализмом».

Вместе с тем, очевидно, что советский режим в практике национально-государственного строительства руководствовался на начальных этапах своего политического развития не только коммунистическими догмами, но дополнял их доктриной этнического национализма [Тишков, 1994]. Не случайно, что в СССР была создана во многом уникальная этническая федерация и внедрена иерархия этнических групп, которая оказывает воздействие и на современную этнополитику РФ.

Коммунистические «лидеры» финно-угров пришли в политику после октябрьского переворота и не были связаны с лидерами «классических» национально-освободительных движений. Поэтому первые два этапа развития этнонациональных движений, которые были связаны со сложными идейными поисками, не затронули сознание интеллектуалов и политиков из числа российских финно-угров. Но с другой стороны те, кто стоял у истоков национально-государственного строительства финно-угров, не принадлежали и к профессиональным революционерам, не были хорошо знакомы с идеями Маркса и теоретическими работами российских социал-демократов, не были убежденными интернационалистами. А многие из них стихийно исповедовали этнический национализм. Поэтому, когда на местах началась политика «коренизации», она проводилась с энтузиазмом и порой обретала форму этнических чисток. Пожалуй, наиболее показательна названная политика реализовывалась в Карелии [Лайне, 1990; Renvall, 1944].

«В северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные «русские» фамилии (Петров, Родионов и т.п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. «Финноязычные» карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов – 5 финноязычные. До 1935 года в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался» [Сурво, 2009: 126].

Впрочем, Карелия во многом является нетипичным примером, ибо возглавивший ее бывший профессор Хельсингского университета «красный финн» Эдвард Гюллинг не был

стихийным сторонником этнического национализма, а сознательно проводил линию на «финнизацию» Карелии, сделал этнический национализм своей политической стратегией. Финский историк Маркку Кангаспуру в этой связи ссылается на заявление, которое Гюллинг сделал в 1921 г. на четвертом съезде КПФ, состоявшемся в Петрограде: «Тезис о национализме верен. Но сейчас вопрос заключается в том, что революция выигрывает от пробуждения национализма. Говорят, что черта следует изгнать с помощью Вельзевула. Другой здесь не справится. В любом случае в коммунизме проявляется известная доля национализма» [Кангаспуру, 1997: 116]. Гюллинг убеждал правоверных большевиков, что их приверженность марксистскому принципу интернационализма не должна мешать тому, чтобы использовать «националистические чувства» для достижения политических целей большевиков.

Использование этнического национализма в политической борьбе свидетельствуют о том, что этничность, и в годы «советского интернационализма» оставалась важным политическим ресурсом.

Хотя суть этнического национализма состоит в стремлении добиться совпадения политических границ с границами этнических сообществ, существуют и многие другие формы политизации этничности, которые заключаются в создании и деятельности этнополитических объединений и движений, в манипуляции этническими чувствами с целью привлечения симпатий избирателей к тому или иному претенденту на выборный пост или к политическим партиям, формировании этнических институтов политического представительства, создании автономных самоуправляемых этнических анклавов и т.д. В общем виде процесс политизации этничности описал Джозеф Родшильд в своей «Этнополитике». В его понимании, суть этого процесса состоит в превращения этничности из сугубо психологического, культурного или социального фактора «в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [Rothschild, 1981: 2].

Политизация этничности, в сущности, и заключается в том, что этничность используется как инструмент достижения определенных политических целей. В западной литературе используется понятие «политическая этничность», под которой А. Коэн понимает некую стратегию совместного действия. По его мнению, этничность очень инструментальна и может использоваться в качестве средства достижения политических целей. Причины поддержания и актуализации этничности носят не психологический, а политический характер. Для обозначения таких действий он использовал термин «ретрайбализация». Ретрайбализация по А. Коэну есть процесс, при котором этническая группа, вовлеченная в борьбу за власть и привилегии с членами другой группы «в рамках

формальной политической системы», для достижения своих целей манипулирует обычаями, мифами, символами и с их помощью создает политическую организацию, которую использует в качестве оружия в этой борьбе [Cohen, 1969].

Ключевую роль в названной борьбе играют этнические элиты, которые чаще всего ведут борьбу за сохранение группы как целостности, за сохранение культурных границ между группой и иноэтничным окружением с тем, чтобы, предотвратить ее аккультурацию и ассимиляцию. Элиты пытаются определить интересы группы, делая главный акцент на групповой идентичности и по существу, отвергая личный интерес и индивидуальные культурные и политические позиции представителей этнического сообщества. Поддерживая диктат группы над личностью элиты фактически выступают не за интересы группы, а за оттеснение с политического или культурного поля этнически чуждых конкурентов.

Именно эти элиты и стали инициаторами создания этнонациональных организаций, выступавших от имени российских финно-угров, именно они разрабатывали их идейные позиции. Массовым порядком этнонациональные организации стали создаваться в 1989-1990 гг. Масштабный характер этнонационального движения в начале 1990-х гг. (названный активистами этнонациональных движений «национальным возрождением», а специалистами «этническим ренессансом», «этнической революцией», «бунтом этничности») можно объяснить не только тем, что этничность и в советские годы сохраняла свое значение политического ресурса, но и самим характером политических и экономических перемен в российском обществе. С позиций общей демократизации общественной жизни можно объяснить указанный процесс и его масштабы лишь отчасти, ибо этнонациональные движения и демократические силы не смогли не только объединиться, но и наладить политический диалог изначально. Более продуктивной объяснительной моделью является попытка известного американского социолога Майкла Буравого указать на специфику постсоветского транзита: «Россия пережила то, что я называю *инволюционной* дегенерацией, вызванной ростом обмена за счет производства, общество ушло в себя, партия-государство превратилось в феодальный строй. Да переход к рынку есть, но без ожидавшихся экономических, социальных, политических перемен: без накопления капитала, без общества и государства, нацеленных на развитие» [Буравой, 2009: 3]. Конечно, российские трансформации объяснить довольно сложно, но «уход общества в себя» и определенный возврат к ранним формам производства (сдвиг к натуральному хозяйству на селе) и к ранним формам общественных связей и общественной организации очевидно имел место и в этом смысле актуализация

этнической солидарности укладывается в модель «транзита без трансформаций», предложенную Буравым.

В 1989 г. появились такие организации как «Коми войтыр» в Коми, Общество удмуртской культуры в Удмуртии, «Масторава» в Мордовии, Общество карельской культуры в Карелии, Ассоциация кольских саамов в Мурманской области. В следующем году возникли этнонациональные организации в Коми-Пермяцком округе (Общество радетелей коми-пермяцкого языка и культуры «Югэр»), Общество вепской культуры, Ассоциация «спасение Югры» в Ханты-Мансийском округе, общество «Марий ушем» в Марий Эл. Почти все названные организации стали основой для формирования этнонациональных движений, возникновение которых свидетельствовало об очевидной политизации этничности. Следует согласиться с оценкой начального этапа деятельности этноориентированных организаций, которая дана российским политиком и этнологом Светланой Смирновой: «В программных документах народных фронтов, национальных объединений, языковых и этнокультурных центров и иных этноориентированных движений первоначально манифестировались благороднейшие цели спасения и возрождения национального языка и культуры, сохранения этнической самобытности, воспевались национальная история и национальные герои, велись хронологические поиски «Золотого века» своего национального Времени и географических границ этнической территории. Фактически же, может быть за небольшими исключениями, идеология и практическая деятельность национальных движений были нацелены на борьбу за власть. Власть нужна была для успешного участия в переделах собственности, а собственность – для обеспечения условий приоритетного развития национальной культуры, а еще более в качестве строительных лесов для возведения каркаса этнического дома с этническими управляющими» [Смирнова, 2002: 179].

Не случайно время от возникновения организаций этнокультурного толка до их трансформации в этнополитические движения оказалось очень небольшим. Стремительная политизация этноориентированных организаций была вызвана необходимостью включиться в борьбу за власть и ресурсы, которая разворачивалась с начала 1990-х годов.

Так общество «Коми войтыр» стало инициатором проведения в январе 1991 г. съезда коми народа, на котором организационно оформилось общекоми движение (Комитет возрождения коми народа). В конце 1990 г. Союз карельского народа (так стало называться Общество карельской культуры) также выступил инициатором проведения республиканского съезда карел, который состоялся в июне 1991 г. в Олонце. В ноябре 1991 г. прошел и Всесоюзный съезд удмуртов, подготовленный Обществом Удмуртской

культуры (с 1990 г. ставшего называться «Дэмен»). На съезде была создана действующая на постоянной основе выборная организация «Удмурт кенеш». Высшим органом этой организации, как и в Коми, был объявлен Всеудмуртский съезд, который избирал президента и совет представителей для решения текущих вопросов период между съездами. Общество «Марий ушем» в свою очередь стало главным организатором третьего съезда марийского народа в октябре 1992 года (первый состоялся в 1917 г. в городе Бирске Уфимской губернии, второй – в 1918 г. в Казани). Съезд народа мари избрал Большой совет народа мари из 54 человек сроком на 4 года. В марте 1992 г. состоялся первый съезд мордовского народа, главная заслуга в подготовке и проведении которого принадлежала обществу «Масторава».

После создания первых этнонациональных организаций в российских республиках с финно-угорским населением и оформления политических институтов титульных этнических сообществ в форме съездов начались процессы структурирования этнонациональных движений. Появились многочисленные местные отделения республиканских организаций, стали возникать молодежные этнические союзы, возникли радикальные организации, которые на начальном этапе действовали в союзе с другими этноориентированными силами. К последним очевидно относились партия «Дорьям асьнымос» в Коми, «Карельское движение» в Карелии, «Кугезе мланде» в Марий Эл, «Эрзянь мастор» в Мордовии.

Уровень поддержки и эффективность движений были разными и потому различны были их политические успехи, но все они на начальном этапе развития избрали тактику демонстративного давления на региональные власти, хотя сами этнические организации как правило формировались при поддержке этих властей. Наименьшее политическое влияние и наименьший уровень организации продемонстрировало общество «Югэр» и не случайно оно первым и прекратило свое существование. Довольно быстро мордовское движение распалось на эрзянское и мокшанское, хотя формальное единство оно продолжало демонстрировать и после раскола.

Если оценивать в целом развитие этнонациональных движений финно-угорских народов, то условно его можно разделить на несколько периодов. В 1989-1992 гг. происходило становление этих движений и оформление их идеологии, 1993-1994 гг. можно считать периодом наивысшего подъема движений и периодом их наибольшего влияния на власть и население. В период с 1995 по 2000 гг. происходит спад активности движений и намечается кризис в их развитии, связанный с очевидным падением их политической роли. После 2000 г. начинается затяжной кризис и постепенный отказ от политической деятельности и переквалификация движений из этнополитических в этнокультурные

(общественные) организации. В этот период прекращают свою деятельность многие радикальные организации этнополитического толка, между ними и региональными властями начинается постоянное противостояние, сами же движения оказываются в полной зависимости от властей и окончательно теряют влияние среди населения.

Важно отметить, что становление этнонациональных движений носило «санкционированный характер», т.е. возникать они начали тогда, когда в бывшем Советском Союзе был снят негласный запрет на создание этнонациональных организаций, а именно: в год проведения известного Пленума ЦК КПСС по национальным вопросам. Поэтому практически все этнонациональные движения финно-угров стали формироваться в 1989 году. В социальном плане эти движения были подготовлены, ибо финно-угорские народы в советскую эпоху из сугубо аграрных сообществ превратились в индустриально-аграрные или аграрно-индустриальные в большинстве своем. А, согласно концепции Э.Геллнера, с которой в данном конкретном контексте вполне можно согласиться, аграрные сообщества не могут быть националистичны, ибо их культурная специфичность поддерживается и воспроизводится самой повседневностью. И только индустриальные сообщества становятся националистичными [Геллнер, 1991]. Но социальная подготовленность финно-угорских этнических сообществ к формированию собственных этнонациональных движений не сопровождалась их политической и идеологической подготовленностью, что объяснялось отсутствием в бывшем Советском Союзе гражданского общества. Поэтому не случайно, что свои идеологические конструкции лидеры современных этнонациональных движений финно-угорских народов России были вынуждены заимствовать у более подготовленных общественных движений и, прежде всего, у эстонских коллег. Это касается и далеко не бесспорной идеи ИМЕ (республиканского хозрасчета), и положений Общей программы Народного фронта Эстонии о государственном суверенитете, законах о гражданстве, миграции, защите национального языка [Народный, 1989]. Причем заимствовались как принципиальные положения, так и трактовки идей. Это чаще всего были опосредованные заимствования, но они легко прослеживаются и нередко даже текстуально. На начальном этапе развития этнические лидеры, представлявшие различные организации российских финно-угров, охотно признавали, что заимствуют опыт у эстонских и финских коллег, что можно легко проследить по публикациям в местной прессе. Затем, однако, о заимствовании опыта старались не говорить или даже отрицали такое заимствование. Однако, здесь более важно то, что начальная идеологическая неподготовленность движений обусловила и весь дальнейший ход их политической эволюции, которая

характеризовалась поиском политических и культурных ориентиров на национальном, глобальном и локальном уровнях.

Говоря об идеологии, следует иметь в виду, что какой-то общей цели, детально разработанной концепции политического и культурного реформирования в финно-угорских республиках и автономиях не существует. Есть только ряд принципиальных положений, которые признаются всеми или почти всеми этнонациональными организациями. Последнее обстоятельство и позволяет ставить вопрос об общей политической платформе этнонациональных движений и ее научном анализе.

Но принципиальный вопрос любого политического движения – это вопрос о власти. И этнический национализм финно-угров, и русский национализм существенную роль в своих идейных исканиях отводили своему отношению «к государству, которое хотелось бы считать своим, хотя оно и не является таковым целиком» [*Ларюэль*, 2008: 25]. И целый комплекс документов, которые требовали принять лидеры этнонациональных движений, должен был обеспечить безусловное политическое доминирование в регионах проживания финно-угров их этническим элитам. Законы о миграции и гражданстве должны были ограничить в правах тех граждан России (а категория гражданства предполагает равенство прав), которые не принадлежат к титульным этническим сообществам и недостаточно долгое время пребывают на территории «финно-угорских регионов». Реформирование парламентов и создание в их составе этнических палат должны были поставить под полный контроль финно-угорских общин исполнительную власть в республиках и округах, где они проживали. Законы о языках и президентах должны были гарантировать, что высшая исполнительная власть окажется в руках лидеров этнонациональных движений, ибо главным требованием для занятия должности Главы или Президента республики становилось требование знания языка «коренного народа» [*Пробуждение*, 1996; *Штрихи*, 1996; *Феномен*, 2002]. Другие законодательные акты должны были закрепить преимущественные права титульных этнических общин на землю и ресурсы. Целый ряд постов в исполнительной власти тоже, согласно неоднократным заявлениям этнических антрепренеров, могли занимать лишь представители финно-угров. К таковым, прежде всего, относились посты министров культуры и министра по делам национальностей (в марийском варианте руководителя Государственного комитета марийского народа). Получалось, что в «национальных республиках» культура – это синоним этнической культуры титульной этнической группы, этнонациональная политика – это политика, направленная на удовлетворение интересов только финно-угорского населения. По сути, лидеры этнонациональных движений настаивали на выдавливании иноэтнических конкурентов из политических

институтов, хотя на словах уверяли о своей приверженности «межнациональному миру». Подобная позиция привела к тому, что к этнонациональным движениям финно-угров стали относиться с подозрением значительная часть представителей других этнических общин и значительная часть самих карел, коми, марийцев, удмуртов, мордвы, ибо люди понимали, что этнические антрепренеры пытаются нарушить социальное согласие в регионах проживания финно-угорских народов.

В общетеоретическом плане основой всех идейных концептов этнонациональных движений финно-угров является эссенциалистское (примордиалистское, натурфилософское) понимание этничности. Пожалуй, наиболее точно о сущности такого понимания сказано российским этнологом Е. Филипповой: «Эссенциализм, с которым тесно связана абсолютизация культурных различий, во многом наследует германской традиции и, в частности, идеям Гердера... Однако в ее русской версии субстанция *Volk* принимает не только культурные, но и биологические очертания, поскольку она понимается как передаваемая от предков к потомкам «по крови». Народы, или этносы, считаются созданными богом или природой, а потому их следует сохранять, как сохраняют редкие виды животных или растений. Этот консервативный подход... лежит в основе российской версии мультикультурализма, который во имя сохранения культурного многообразия стремится не только зафиксировать в неподвижности культурные феномены, но и закрепить принадлежность индивида к его «исходной» этнической группе. Тем самым нарушаются права человека на культурную свободу и персональную автономию, а при определенных политических условиях такой подход открывает возможность для дискриминации и даже преследований по этническому принципу (примером чему может служить судьба депортированных при Сталине народов)...

Учение об этногенезе, занимающее ведущее место в советской теории этноса, лишь усиливает биологизм представлений об этнических общностях, которые рождаются, живут и умирают, подобно живым организмам. Обвинения в насильственной ассимиляции, квалифицируемой как геноцид того или иного народа, нередки в националистической риторике, и даже некоторые этнологи говорят о необходимости создания «красной книги» исчезающих этносов...

Эта логика, доведенная до абсурда, создает почву для расизма и исключительности. В соответствии с ней:

1. Ни один человек не может существовать вне этнической общности; все человечество состоит из народов-этносов.
2. Индивид может поменять свою социальную принадлежность или гражданство, но он не может изменить этническую принадлежность.

3. Сущность этничности заключается в общности, основанной на кровном родстве и сохраняемой благодаря эндогамии. Каждый человек является носителем этнических свойств» [Филиппова, 2008: 8-9].

В идеологии этнонациональных движений в республиках с финно-угорским населением центральное место отводится идее этнического самоопределения. Поскольку титульный этнос рассматривается как «источник и носитель национально-государственного суверенитета» [Пробуждение, 1996: 237], поскольку право на самоопределение рассматривается, как право одной этнической общности самоопределяться независимо от полиэтничного состава этих республик. В этом отношении идеологи этнонациональных движений были прямыми идеологическими наследниками Сталина, который также полагал, что интересы отдельной социальной группы можно противопоставить интересам нации, а право на самоопределение также корректируется властными интересами данной социальной группы: «Следует иметь в виду, - подчеркивал он, - что, помимо права наций на самоопределение, существует также право рабочего класса на укрепление своей власти, и поэтому последнему право на самоопределение является подчиненным. Бывают случаи, когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим, высшим правом, - правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти. В таких случаях, - это нужно сказать прямо, - право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру» [Сталин, 1947: 265]. Если в приведенной цитате заменить «рабочий класс» на «титульный этнос» или «коренной народ», то логическая структура рассуждений пролетарского вождя и идеологов этнонациональных движений будет почти идентична. Впрочем, на начальном этапе развития движений идеологи апеллировали не к сталинскому наследию, а к ленинским трудам, посвященным национальному вопросу, и в первую очередь тем его идеям, в которых говорилось о необходимости делать особые уступки этническим меньшинствам [Ленин, 1986: 359], т. е. копировалась его идея о принципиальном различии национализма больших и малых наций. Таким образом важнейшие положения идеологии этнонациональных движений несут явный отпечаток советской ментальности и советских идеологических штампов, что было, по всей видимости, неизбежно, ибо глубоких исторических корней эти движения не имели.

В самом вопросе самоопределения, однако, имеется достаточно много неопределенностей, ибо «в течение длительного времени принцип самоопределения считался скорее политическим или моральным постулатом, чем действующей правовой нормой» [Мартынов, 1993: 24]. Тем не менее, очевидно, что противопоставление

этнического гражданскому закладывает существенное противоречие во все идеологические конструкции российских финно-угорских идеологов, ибо невозможно совместить декларативные заверения об их приверженности и равенству народов и культур, с одной стороны, и противопоставление этноса согражданству - с другой.

Важно заметить, что, настаивая на самоопределении, идеологи этнонациональных организаций нигде и никогда не добивались того, чтобы был осуществлен АКТ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ, ибо фактически ни одна «национальная республика» не является легитимным государственным образованием, поскольку в пользу подобной формы политической организации высказывались в свое время лишь местные большевистские элиты, но не население. Нигде и никогда созданию этнонациональной автономии не предшествовали референдумы, как это, к примеру, имело место тогда, когда в 1905 г. Норвегия самоопределилась и отделилась от Шведского государства. Исторический шанс осуществить акты самоопределения, т.е. подтвердить приверженность населения «финно-угорских республик» идее политической автономии представился тогда, когда в РФ имел место так называемый «парад суверенитетов» - принимались декларации о суверенитете республик. Эти декларации, которые принимались Верховными Советами автономных республик в 1990-1991 гг. (за исключением Мордовии), по форме утверждения ничем не отличались от того, как утверждались резолюции партконференций КПСС. Между тем это были документы, которые должны были выражать волю всего народа данного субъекта РФ.

Но значение деклараций состоит в том, что именно данные документы послужили основой для политической легитимации идеи этнического самоопределения. Безусловно, решающее значение имела Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации, в которой указывалось, «что представителям «наций и народностей», помимо политических, экономических и культурных прав, предоставляются «этнические» права (п. 10) и что государство обязано принимать меры к недопущению конфронтации в «межнациональных (этнических – *В.С.*) отношениях» [*Степанов, 2006: 81*]. Правда, в Конституции страны 1993 г. эти идеи не были подтверждены.

Продолжая рассуждения по поводу идеи самоопределения, важно также заметить, что территориальная автономия, которой наделено население «финно-угорских республик», уже есть форма самоопределения, и дополнить эту форму самоопределения можно было только требованием ограничить территории «национальных республик» лишь районами компактного проживания титульных этнических групп. Но с подобной идеей никто не выступал. И в этом тоже была своя логика, ибо идея самоопределения

была (по совокупности смыслов в нее вкладываемых) близка идее доминирования титульной этнической группы на территории политического субъекта.

Между тем, только рассматривая народ как совокупность граждан, а не как общность по признаку этнической принадлежности, можно реализовать принцип приоритетности прав человека над какими-то групповыми правами. Впрочем, какой конкретный смысл вкладывается в идею этнического самоопределения, возможно понять лишь из контекста, поскольку эта идея трактуется разными деятелями этнонациональных движений по-разному.

Обоснованием права на этническое самоопределение является тезис о том, что титульные этнические группы являются коренным, т.е. исконным, аборигенным населением и тем самым имеют особые права на землю, природные богатства, положение в обществе, могут претендовать на политическое доминирование в финно-угорских республиках. Обычно в программных выступлениях и заявлениях лидеров этнонациональных движений используются термины “коренной этнос”, “коренная нация”.

Вместе с тем предпринимаются попытки поставить знак равенства между используемым в международной практике термином “коренное население”, «коренные народы» (*indigenous peoples*) и титульными народами рассматриваемых республик. Заметим, что представители этнонациональных движений участвуют в деятельности Рабочей группы по вопросам коренного населения Организации Объединенных Наций и что на первом всероссийском съезде финно-угорских народов в Ижевске была принята “Декларация прав коренных народов России”. Однако, как известно, не существует общепринятого определения “коренные народы”. Порой нельзя и достаточно однозначно определить, какие этнические группы на данной территории могут считаться “коренными”, т.е. аборигенными.

Используя определения, предлагаемые международными экспертами, можно сказать, что под термином “коренное население”, прежде всего, понимаются народы, подвергавшиеся внешней колонизации, иностранным завоеваниям и в силу специфики своей исторической эволюции еще находящиеся на более низком уровне развития, чем доминирующее население, и подвергающиеся дискриминации и даже геноциду” [*Коренное*, 1990]. Исходя из этого определения, финно-угорские народы (за исключением, возможно, обских угров) вряд ли можно считать “коренным населением” хотя бы потому, что по уровню своего развития они не отличаются от остального населения, не имеют особых общественных институтов и не подвергаются прямой дискриминации или геноциду (правда, проблемы в их культурном развитии очевидны). Что касается

отечественного закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов», то он определяет коренные малочисленные народы как этнические сообщества, численность которых не превышает 50 тысяч человек, а его представители проживают на «территориях традиционного расселения своих предков» и сохраняют традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы. Это определение весьма условно, поскольку народов, которые бы полностью сохранили традиционные промыслы, хозяйство и образ жизни в России уже не существует. Видимо, следует согласиться с тем, что «критика содержания отечественного понятия «коренные народы давно назрела, хотя стороны, вовлеченные в создание и воспроизводство соответствующего социального статуса – политики, ученые, законодатели и сами субъекты этих законов, быть может и не готовы к весьма радикальной точке зрения, что конституирующее этот статус понятие является «творением антропологического воображения» [Соколовский, 2000: 6].

С идеей приоритетных прав «коренных этносов» тесно связана другая идея, которая касается некой «коллективной включенности народа в политический процесс» [Решение, 1995], а также ее конкретное выражение — предложение о реформировании политической системы и преобразовании местных республиканских парламентов. Идея реформирования парламентского устройства имела несколько вариантов. По одному из них представителям титульных этнических сообществ во властных структурах в целом, и в парламенте, в частности, должно быть гарантировано 50% мест независимо от их доли в общей численности населения [Яшина, 1994: 126]. Согласно другому варианту, который наиболее часто излагается и даже получил поддержку на первом всероссийском съезде финно-угорских народов, парламенты в «финно-угорских» республиках должны состоять из двух палат. Одна из них будет формироваться на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, а другая состоять только из представителей титульных этнических групп [Штрихи, 1994; Пробуждение, 1996; Юрченков, 1994; Кирдяшов, 2000]. При этом вторая палата будет обладать правом вето.

Впрочем, приемлемый механизм формирования такого парламента так и не был предложен. Ясно, что реализация подобной идеи означала бы отказ от общедемократического принципа проведения прямого, равного и тайного голосования во время общереспубликанских выборов. Кроме того, это привело бы сверхпредставительству титульных этнических групп, ибо каждый их представитель получал как бы два голоса. Во-первых, он голосовал за «своих» кандидатов, из которых формируется «палата коренного народа», во-вторых, он принимал участие в голосовании за кандидатов, из которых формировалась бы вторая («общегражданская») палата, которую предлагали назвать «палатой республики». Общество в результате должно быть

разделено через политическую систему на две политические группы, обладающие разными правами. Эти политические страты формируются по принципу крови. Аналогом подобной избирательной системы могла быть практика формирования парламента ЮАР в эпоху заката апартеида, когда были созданы «палата белых», «палата цветных», «палата индийцев» (но не палата черного населения страны). Это усилит возможность конфликтов, ибо, чем больше в обществе бинарных маркеров, тем выше потенциал конфликтности.

В Карелии лидерами «Карельского конгресса» в ноябре 2001 г. общественности был представлен проект Закона «О дополнительных гарантиях избирательных прав карел, финнов, вепсов Республики Карелия быть избранными в законодательный (представительный) орган государственной власти Республики Карелия». В законе предлагалось установить квоты прямого представительства в республиканском парламенте для карел, финнов и вепсов. Квота составляла 7 депутатских мест или 12% от общего состава депутатского корпуса. Но юридический отдел республиканского парламента отклонил данный проект, что стало причиной созыва съезда «Карельского конгресса», на котором было предложено внести поправки в Конституцию Карелии с тем, чтобы легитимно можно было реализовать идею квотирования парламентских мест [Клементьев, 2001: 35-36].

Тем не менее, навстречу пожеланиям Конгресса власть не пошла, что заставило последний направить письма протеста Президенту РФ Владимиру Путину, федеральному правительству, Совету государств Балтийского моря, верховному комиссару по делам национальностей в Гаагу. Европейский комиссар по делам национальных меньшинств Х.Деги известил лидера «Карельского конгресса» А.Григорьева, что намерен посетить республику в 2002 г. и данное извещение было расценено последним как прямая поддержка [Клементьев, 2002: 28].

Идея квотирования мест нашла практическое воплощение в одном из «финно-угорских регионов». В законодательном собрании Ханты-Мансийского автономного округа введены квоты для хантов, манси и представителей других малых народов, разработана законодательная база, на основании которой осуществляются выборы депутатов из числа коренных малочисленных народов севера, проживающих на территории округа. Пять депутатов от коренных малочисленных народов округа (всего их 25) избираются в Законодательное собрание ХМАО по многомандатному избирательному округу, куда входит вся территория данного субъекта федерации. Эти пять депутатов формируют Ассамблею коренных малочисленных народов, председатель которой

обязательно занимает пост вице-спикера окружного собрания. Идея квотирования, хотя и в несколько иной форме, реализуется также в Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах [Тодышев, 2003: 143-156].

Но если в Ханты-Мансийском округе ханты и манси вместе взятые составляют 1,9% населения и нуждаются в том, чтобы их политическое представительство в органах законодательной и исполнительной власти региона поддерживалось посредством механизма специальных гарантий, то нельзя распространять тот же самый механизм на коми, удмуртов, марийцев, коми-пермяков, мордву, которые в своих национально-государственных образованиях составляют от четверти до 60% населения. Да и там, где практика квотирования мест в парламентах уже укоренилась, есть сомнения в ее эффективности, в том, что она будет способствовать росту политической культуры и станет инструментом, обеспечивающим политическое участие меньшинств в решении проблем региона. Скорее всего, квоты будут монополизированы этнической элитой и широкого доступа к политической власти представители меньшинств не получат. Доказательством тому служит ситуация в Ненецком автономном округе, где, согласно закону «О дополнительных гарантиях избирательных прав ненецкого народа быть избранным в законодательный (представительный) орган государственной власти Ненецкого автономного округа» в местном парламенте выделена квота из двух депутатских мест для ненецких депутатов (всего в парламенте было 15 мест, а ныне его состав увеличивается до 20 депутатов). Эти депутаты избираются по много мандатному избирательному округу, куда входит вся территория НАО. В избирательной кампании 2005 года, которая завершилась в феврале, на депутатские места по этой квоте претендовали двое – нынешний председатель ассоциации ненецкого народа «Ясавэй» В. Песков и бывший председатель, который и ныне входит в состав Совета организации председатель кооператива «Ерв» А.Выучейский. Политический «вес» обоих лидеров и так вполне достаточен и они вполне могли бы принять участие в кампании на общих основаниях, тем более что доля ненцев в населении округа за последние годы возросла до 19% и ненецкий электорат составляет весомую долю среди избирателей НАО. Но оба лидера решили использовать упрощенный вариант и не стали участниками открытого политического соревновательного процесса, не использовав тем самым возможности для еще большего усиления позиций ненецкой общины в парламенте.

Там, где демократические институты действуют эффективно, на наш взгляд, нет необходимости в сооружении сомнительных конструкций этнического представительства. К примеру, 6% шведов в Финляндии совершенно не нуждаются в особых гарантиях и никогда их не требовали, хотя в этой стране и существуют организации, выражающие общинные интересы финских шведов. Предоставление особых политических или экономических прав титульной этнической группе, представители которой составляют заметную часть территориального сообщества, не только повысит возможность конфликта, но и искусственно упростит картину этнического взаимодействия в регионах. Вместо утверждения в массовом сознании идеи единого мультикультурного сообщества, которое имеется в каждом регионе, узаконивается биполярная схема территориальных сообществ: «коренной этнос» — иноэтническое население. При этом следует заметить, что каждая этническая общность в случае узаконения особого характера формирования парламентов получает моральное право претендовать на отдельное представительство. Во всяком случае, в Мордовии, к примеру, более логичным был бы вариант, при котором такого рода права стали бы добиваться эрзя, мокша и татары. Вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением, что «обычный демократический принцип “один человек — один голос” не является универсальным для обществ со сложным этническим составом населения. Он только обеспечивает базовую основу демократии и ориентирован, прежде всего, на индивидуальные гражданские права» [Тышков, 1993: 40]. Поэтому в сложносоставных сообществах необходима особая система согласования интересов культурных общин.

Разумными элементами такой системы могли бы стать съезды народов, а также их исполнительные органы, которые имели некоторое время возможность обрести статус консультативных палат при региональных парламентах. Однако, данный статус они могли обрести только при соблюдении одного важнейшего условия: если было бы обеспечено реальное, а не мнимое представительство на этих съездах лиц, являющих собой титульные этнические группы, т.е. если удалось бы обеспечить демократическую процедуру выборов на эти съезды и каждый представитель народа имел право избирать и быть избранным. При этом образцом для подражания могла бы стать практика так называемых «саамских парламентов», созданных в Финляндии, Норвегии, Швеции [Силланпяя, 2002: 80-109]. К примеру, норвежский закон «О законодательном собрании народа саами...» предписывает, что выборы в это собрание проходят одновременно с выборами в стортинг, по обычной избирательной процедуре, но по специальным спискам саами, куда включают всех, кто заявил о своих саамских корнях. Раз в год, согласно закону, собрание готовит

доклад для короля Норвегии, в котором характеризуется положение саами в стране [Статус, 1994: 463-467].

Лидеры этнонациональных движений упустили возможность превратить этнические съезды в демократические институты и построили систему «выборов без выбора» по типу всем хорошо известной советской избирательной системы. Впрочем, в случае с избирательными процедурами этнических съездов даже советская избирательная система выглядит более демократичной, ибо она предполагала всеобщее избирательное право. Такого права собственным этническим сообществам этноэлиты не предоставили, ибо не были заинтересованы в том, чтобы принцип реальной или прямой выборности на эти съезды стал естественным и незыблемым или не считали этот принцип существенно значимым. Например, в Республике Коми в принятом в 1992 г. парламентом законе «О статусе съезда коми народа» было сказано, что «съезд является высшим представительным собранием коми этноса» и его легитимность должна обеспечиваться демократической процедурой выборов [Штрихи, 1994: 129]. Это заставило Комитет возрождения коми народа перед третьим съездом коми народа принять положение о выборах делегатов. Однако ни закон о статусе съезда, ни положение о выборах делегатов не оговаривали процедуру выборов и систему контроля за ней. В результате на третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой и восьмой съезды коми народа в 1993, 1995, 1997 и 2000, 2002, 2004 и 2008 гг. по существу демократические выборы организованы не были, что отнюдь не способствовало росту авторитета этих форумов. На III съезде Мордовского народа в 1999 г. также была принята декларация о статусе съезда, в которой он объявлялся высшим представительным собранием граждан мордовской национальности [Национальное, 2001], но и в Мордовии состав делегатов съездов не формируется путем демократических выборов. Аналогичные форумы в Удмуртии, Марий Эл, Коми-Пермяцком округе также не могут претендовать на то, что собирают полномочных представителей удмуртского, марийского и коми-пермяцкого народов.

Подобная ситуация свидетельствует о глубоких внутренних противоречиях в практической деятельности этнонациональных движений. С одной стороны, съезды народов объявлялись высшими представительными собраниями этнических сообществ, а с другой — проблема представительства и демократических выборов не решалась, а все предложения о демократизации процедуры выборов отвергались [Шабает, 1998].

Проблема легитимности съездов народов, а лучше назвать их съездами полномочных представителей народов, на этапе подъема этнонациональных движений была весьма актуальной, поскольку, с одной стороны, они являлись видимой политической силой и их решения могли иметь далеко идущие политические последствия,

а с другой — федеральная власть как бы сама узаконила идею этнического представительства, что далеко не бесспорно. В частности, в стране был сформирован некий новый орган - Ассамблея народов России как общественно-консультативная палата при Президенте [Ассамблея, 1999].

Но сами принципы формирования Ассамблеи сугубо бюрократические и учет мнения народов здесь никоим образом не предусмотрен. Тенденция к бюрократизации этнонациональных движений, различных этнонациональных организаций и самой этнонациональной политики, как на местах, так и на федеральном уровне достаточно очевидна. Не случайно, что федеральное министерство по делам национальностей и федеральной политики было ликвидировано сугубо бюрократическим методом.

Вообще же попытки политизировать этничность, создавать этнонациональные палаты в парламентах, вводить систему квотирования мест в законодательных и исполнительных органах власти, придавать решениям этнических съездов характер директивных документов для правительственных структур и органов местного самоуправления (как это было в течение ряда лет в Коми и как этого пытались добиться в других республиках) есть по существу попытка придать этничности универсальный характер, стремление к ее огосударствлению. Однако, по мнению известного этнолога С.В.Чешко, социальный инстинкт коллективности в форме национальной идеи «является барьером, преградившим в политику и массовое сознание действительно демократического подхода к решению этнополитических проблем. Он должен состоять в замене этнического универсализма «универсализмом» гражданским, в отделении этничности от политических и экономических прав человека, «разгосударствлении» этничности, освобождении человека от императива этнической лояльности. Только так можно освободить и сами народы, их этнокультурное развитие, от внешнего насилия со стороны государства (ассимиляция, патернализм и т.д.) и от насилия внутреннего (со стороны этнических элит, навязывающих своим народам собственные ценности, нормы поведения, модели развития)» [Чешко, 1993: 30].

В этой связи весьма показательным политическим событием стал третий съезд АФУН и принятые им решения. Съезд проходил 12-14 октября 2005 г. в Москве. Проведение съезда стало определенной неожиданностью как для наблюдателей, так и для активистов финно-угорского движения, ибо уже 10 лет съезды ассоциации не проводились (хотя по уставу они должны проходить раз в три года). Очевидно, что проведение съезда именно в тот момент и именно в Москве не было простым реанимированием уже почти умершей организации, а имело определенные политические цели и связано с интересами конкретных акторов.

Само проведение съезда, отношение к нему различных государственных институтов и политических лидеров, ход дискуссий и содержание итоговой резолюции достаточно важны, ибо позволяют четко показать, как эволюционировало (и эволюционировало ли) финно-угорское движение, а также осветить уровень понимания сути этнополитики властными структурами.

Предварительно стоит обратить внимание на предысторию съезда.

Как уже отмечено выше, острый дефицит политического ресурса, которым обладали этнонациональные движения финно-угорских народов России в момент их создания или воссоздания на рубеже 1980-1990-х гг., заставил лидеров этих движений восполнять дефицит тесным взаимодействием с региональными властями, которые тогда вели торг за региональный "суверенитет" с федеральным центром. Впрочем, и политическая интеграция движений проходила при организационной и финансовой поддержке региональных властей. В феврале 1992 г. в Сыктывкаре прошла конференция "полномочных представителей национальных форумов (съездов), общественно-политических и национально-культурных движений", во время которой и было принято решение о создании АФУН. В принятой на конференции декларации учредители ассоциации заявили, что создают ее "с целью консолидации усилий и координации действий наших народов в борьбе за выживание и создание благоприятных предпосылок для формирования единого финно-угорского социально-экономического, культурного и информационного пространства; с целью выработки статуса коренных народов в своих государственных образованиях, в которых они оказались национальными меньшинствами" [*Декларация*, 1992: 4-5].

В мае того же года в Ижевске состоялся первый съезд АФУН, на котором был принят устав, положение о выборах делегатов (где присутствовал термин "демократические выборы") и целый ряд деклараций и обращений, в числе которых была и уже упомянутая выше декларация о суверенных правах, призывавшая формировать одну из палат местных парламентов по принципу крови, чтобы она "полностью состояла бы из депутатов коренного народа" [*Пробуждение*, 1996: 251].

Второй съезд состоялся в 1995 г. в столице Коми-Пермяцкого автономного округа Кудымкаре и был полностью посвящен обсуждению готовившейся тогда федеральной программы поддержки финно-угорских народов. Каждая из делегаций стремилась, чтобы именно ее регион получил более весомые

финансовые вливания из центра, поэтому никаких программных документов на съезде принято не было.

Затем о съездах забыли. Более того – в 2002 г. ассоциация пропустила сроки перерегистрации и официально прекратила свое существование. Зачем же понадобилась реанимация организации?

В данном случае в этом был заинтересован и федеральный центр, и некоторые региональные лидеры. Федеральный центр стремился лишней раз продемонстрировать критикам на Западе, что все их рассуждения о притеснениях финно-угров в РФ покоятся на весьма зыбком фундаменте. Что же касается региональных лидеров, то у них мотивация была сильнее, ибо речь могла идти об их самосохранении как политиков и как губернаторов. Особенно сильная заинтересованность в проведении такого съезда была у президента Республики Марий Эл Л. Маркелова, которому надо было реабилитироваться за международный скандал, и у Главы Республики Коми В. Торлопова, который, видимо, пытался позиционировать себя как эффективного посредника между финно-угорским движением и федеральной властью.

В отчете о съезде, опубликованном в прессе Республики Коми, говорилось: "В. Марков не скрывал, что вся организационная часть прошедшего съезда была на плечах нашего региона. Да и создание ассоциации, по его признанию, во многом заслуга Комитета возрождения коми народа". Действительно, и при создании организации лидеры коми движения, как уже сказано выше, были одними из "отцов-основателей", и при возрождении ассоциации их усилия сыграли решающую роль. Согласно уставу, АФУН есть неправительственная организация, которая объединяет национально-культурные организации, национальные движения финно-угров. Тем самым получается, что те правительственные чиновники, которые приняли участие в работе съезда, позиционировали себя как лидеров этнонациональных движений титульных этнических сообществ, т. е. фактически противопоставили себя нетитульному населению собственных регионов, что не только противоречит служебной этике, но и не согласуется с идеями гражданской солидарности, о коих представители региональной политической элиты постоянно твердят на официальных мероприятиях.

Реальных выборов делегатов практически ни в одном регионе не было. К примеру, в Коми традиционные осенние конференции коми народа, которые проходят во всех городах и районах республики, перед съездом только

начинались (в канун съезда прошла первая). А ведь именно на них избираются делегаты съездов коми народа. Более того, о съезде почти не было информации в региональных СМИ. Единственным исключением стала республика Марий Эл. Здесь и о съезде писали заранее, и некое подобие выборов делегатов все же состоялось, хотя отобрали в итоге только тех, кто лоялен к власти. Скандально прославившегося руководителя Всемарийского Совета В. Козлова, естественно, на съезд не делегировали, хотя его выступление могло быть более показательным, чем доклады других делегатов. Проведение съезда стало возможным благодаря не только поддержке региональных властей, но и участию в этом деле министерства регионального развития РФ, администрации президента.

В самом съезде приняло участие 117 делегатов из 47 регионов РФ. На открытии съезда присутствовали вице-спикер Совета Федерации А. Торшин, представители российского МИДа, аппарата уполномоченного по правам человека в РФ. Свои поздравления участникам прислали председатель Совета Федерации С. Миронов и первый вице-премьер правительства РФ А. Жуков. В рамках программы съезда в Государственной Думе 13 октября прошли слушания на тему: "Законодательное обеспечение деятельности общественных объединений коренных малочисленных народов Российской Федерации". Лидер ассоциации В. Марков сложил с себя полномочия председателя, на это место был избран декан филологического факультета Мордовского государственного университета М. Мосин.

По поводу самой атмосферы съезда и характера дискуссий на нем довольно много писала региональная пресса. В частности, газета "Молодежь Севера" отметила: "Как сообщил "МС" один из московских участников съезда, общее настроение участников съезда было критическим. Даже официальные лидеры признали, что завоевания начала 90-х гг. потеряны. Обсуждались итоги последней переписи населения, показавшей резкое сокращение численности финно-угорских народов. Негативную оценку получила реформа образования, в ходе которой "национальный компонент" образования был заменен "региональным". На съезде и на встрече в Госдуме поднимались вопросы законодательного регулирования статуса коренных народов. Финно-угорские делегаты были недовольны национальной политикой России. Поступали предложения возродить Министерство по делам национальностей, придать более высокий статус органам, ответственным за разработку и проведение в жизнь этнонациональной политики.

Высказывались опасения, что из-за выборов по партийным спискам финно-угры будут совсем "отлучены от власти" [*Финно-угорская дубина*, 2005].

Отмечая критичность выступлений, пресса не заметила другого важного момента: съезд, по существу, превратился в торг между этническими антрепренерами и федеральной властью (мы вам политическую лояльность – вы нам деньги и полномочия) и в попытку предельно политизировать этничность, довести ее огосударствление до таких масштабов, которых в гражданском обществе быть не должно. При этом делались прозрачные намеки на решающую роль лидеров этнонациональных движений в определении приоритетов и механизмов реализации этнонациональной политики.

Характерным было содержание дискуссии на "круглом столе" в министерстве регионального развития, подробный отчет о которой подготовила корреспондент агентства: "Участники обсуждения в Минрегионразвития предложили включить отдельной строкой в бюджет РФ на будущий год расходы на реализацию государственной национальной политики и развитие межнациональных отношений. Необходимо разработать и принять федеральную целевую программу развития народов России, включающую поддержку этнокультурного развития народов финно-угорской группы, предусмотреть разработку и принятие региональных целевых программ развития коренных народов, включая финно-угров, создать межведомственную рабочую группу по вопросам коренных народов" [*Архив новостей*].

Председатель съезда карел Республики Карелия В. Богданов заявил о своей обеспокоенности отсутствием четкой концепции национальной политики в России и отметил при этом, что "не всегда то, что есть в концепциях, реализуется в законодательстве". В. Богданов предложил узаконить статус съездов народов, принять федеральный закон "О народах РФ", дать возможность указывать в паспортах национальность владельца, а также пересмотреть порог в 50 тыс. чел., при численности ниже которого народ причисляется к коренным малочисленным. Проявляя лояльность власти, он указал, что все названные проблемы должны решаться внутри страны.

Другие делегаты также пытались оставаться лояльными – не только к властям, но и к доминирующему этническому сообществу страны, хотя их заверения в дружбе звучали довольно странно. "Мы, финно-угорские народы – самые близкие братья русского народа, – указала главный специалист министерства национальной политики Удмуртии И. Шеда-Зорина, сославшись на данные недавнего комплексного

исследования генофонда русского народа, опубликованные журналом "Коммерсант-Власть". Проживающие в России марийцы, вепсы, мордва, удмурты и другие финские народы генетически отличаются от русских всего на 2-3 единицы, тогда как финны – на все тридцать, подчеркнула она. Опираясь на приведенные данные, И. Шеда-Зорина заявила, что они являются основанием считать проблемы финно-угров внутренним, даже "семейным" делом [*Архив новостей*].

Весьма показательным, что даже ведущий специалист республиканского миннаца считает, что некие антропологические особенности, а не культурное родство, гражданская солидарность и политическое сообщество есть то, что объединяет российские народы. Отсюда очевидны два обстоятельства: региональные министерства по делам национальностей не работают в тесной связи с квалифицированными этнологами и этнополитологами (не только выступление И. Шеда-Зориной доказывало это), что необходима масштабная работа по этнополитологическому образованию российских чиновников – особенно тех, кто занят напрямую реализацией государственной этнонациональной политики.

Поскольку на съезде были высказаны претензии по поводу того, что этнонациональная политика в РФ неэффективна, что концепция национальной политики не работает, следовало ожидать, что делегаты выработают серьезные конструктивные предложения по совершенствованию как самой этнонациональной политики РФ, так и механизмов ее реализации. Однако этого не произошло. На наш взгляд, итоговая резолюция съезда стала своеобразным "гимном этнического национализма".

Содержание резолюции таково, что ее текст полезно было бы привести полностью. Но резолюция крайне обширна, в ней много повторов и противоречий, написана она казенным языком, поэтому перечислим лишь ее основные положения.

Во-первых, заверения депутатов о том, что проблемы российских финно-угров есть внутренне дело России, в том числе и активистов этнонациональных движений, не вяжется с содержанием резолюции. Многие пункты этой резолюции повторяют те претензии к российским властям, которые были высказаны в пленарном докладе венгерского языковеда Я. Пустаи, зачитанном на IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Таллине, а сами пункты резолюции повторяют ряд положений итоговой декларации названного конгресса.

Начинается резолюция фактически с самооправдания: десятилетний перерыв в деятельности ассоциации преподносится как сознательное перемещение

активности финно-угорских движений с российской арены на международный уровень. Затем осуждается тенденция к централизации власти, ибо "такая политика, при отсутствии в настоящее время правовых механизмов, обеспечивающих достойное представительство коренных народов и национальных меньшинств в выборных органах власти, значительно сократила возможность эффективного участия представителей финно-угорских народов в структурах власти..." (см. Приложение) Что значит "достойное представительство" и "эффективное участие" – не ясно, но, оценивая весь комплекс идей и документов, которые созданы идеологами этнонациональных движений, можно сказать, что имеются в виду пресловутые национальные палаты в республиканских парламентах [Ковалев, 2004]. Ясно одно: делегаты выступили против политической соревновательности и за некие политические преференции, которые противоречат сути любой демократической политической системы.

Делегаты посчитали также, что "продекларированная на федеральном уровне задача формирования общероссийской идентичности как основы многонационального народа России" имела следствием лишение "общественных объединений народов права выдвигать напрямую своих кандидатов в выборные органы", негативно отразилась "на праве на указание своей национальной принадлежности в документах, удостоверяющих личность"; "на сокращении показателей в государственной статистике в этническом разрезе"; "в упразднении федерального органа власти, ответственного за реализацию Концепции Государственной национальной политики"; "в присоединении ряда автономных округов...к более крупным административным образованиям без четко определенных гарантий...по сохранению и развитию их языков и культур".

Данные меры, по мнению делегатов, привели к тому, что "положение финно-угорских народов... стало во многом зависимым от установок на национальную политику региональных властей". А это, как оказалось, "подрывает конституционный принцип равенства прав народов России, создавая ситуацию фактического неравенства в реализации законных этнокультурных потребностей как между разностатусными народами и этническими меньшинствами, так и между группами одного народа, проживающими в различных регионах". Непонятно, почему в разговоре о равенстве прав использовался термин "разностатусные народы", который по своему семантическому значению уже отвергает принцип равноправия. Кроме того, совершенно неясно ведут ли делегаты речь о равноправии или о

равенстве. Очевидно, что равенство прав не предполагает равенства возможностей.

Таким образом, в констатирующей части резолюции была подвергнута сомнению вся этнонациональная политика Российской Федерации, чего собственно и добивались недружественные России политики, поднимая в западных СМИ и в Европарламенте вопрос об угнетении финно-угров в России. Федеральные структуры, которые решили поддержать этнических предпринимателей, собравшихся на съезд, полагая, что те выскажут полную лояльность властям или встанут на путь конструктивного диалога с властью, просчитались.

В постановляющей части резолюции заявлено о намерении активизировать работу ассоциации. Принято очень показательное решение организовать при АФУН экспертный совет "из представителей научной интеллигенции финно-угорских народов (не регионов проживания финно-угров, а именно народов – *авт.*) для подготовки научных заключений о состоянии межнациональных отношений в финно-угорских регионах России". Далее предложено развивать международное сотрудничество этнонациональных организаций, решено предложить свою кандидатуру в состав Общественной палаты РФ, вести диалог по поводу возмещения ущерба "исконной среде обитания и образу жизни, вызванного промышленным освоением природных ресурсов", "рассмотреть возможность издания общероссийской финно-угорской газеты", разработать план действий на 2005-2008 гг., рекомендовать внести на рассмотрение Госдумы проекты законов "Об уполномоченном по правам народов РФ", "О ратификации Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств", "О статусе представительных органов народов РФ", предложить "поправки, вводящие понятие "коренные народы", изменяющие статус "малочисленных" коренных народов" и поправки в закон РФ "Об общественных объединениях".

Предложено также создать федеральный орган исполнительной власти, отвечающий за реализацию этнонациональной политики, восстановить в бюджете РФ строку "Государственная национальная политика".

Далее в резолюции съезда записано: "Поручить Министерству регионального развития РФ:

– организовать с участием национальных общественных организаций мониторинг по выполнению действующего федерального и регионального

законодательства по отношению к коренным народам, соблюдение прав на уровне международных стандартов;

– подготовить при участии Исполнительного комитета Общероссийского общественного движения "Ассоциация финно-угорских народов РФ" целевую федеральную программу "Национально-культурное развитие финно-угорских народов Российской Федерации";

– оценить ход реформы местного самоуправления, итоги так называемой оптимизации финансирования бюджетных учреждений, с целью не допустить ликвидации малокомплектных школ в местах традиционного проживания финно-угорских народов;

– разработать механизм диалога между коренными народами и заинтересованными сторонами с целью подготовки программ экономического развития регионов, проведения государственных и общественных экологических и этнологических экспертиз, предусматривающих, в том числе, вопросы занятости в традиционных отраслях хозяйствования и развития сельскохозяйственного производства.

Поручить Министерству образования РФ, совместно с общественными национальными организациями финно-угорских народов и научной общественностью обсудить Концепцию модернизации образования с целью определить ее влияние на положение языков народов, которые вследствие быстрой ассимиляции могут в настоящее время изучаться в рамках школьной программы лишь как предмет, а также в тех поселениях, где изучение родного языка на настоящий момент не ведется.

Поручить Министерству культуры и массовых коммуникаций РФ:

– рассмотреть вопрос об увеличении сетки теле- и радиовещания ВГТРК на национальных языках;

– информировать о работе по созданию Единого свода культурного наследия финно-угорских и самодийских народов, к работе над которым, по заявлению руководителя делегации Российской Федерации на IV Всемирном Конгрессе финно-угорских народов, приступило Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ;

– поручить Государственному Комитету по статистике возобновить ежегодный статистический учет социально-экономических и демографических показателей для финно-угорских народов и этнических групп, находящихся в стадии депопуляции" [*Архив новостей*].

Непонятно, почему общественная организация, а точнее, собрание активистов, которое в данном случае никого не представляло, раздает поручения государственным учреждениям и почему не ставит никаких конкретных задач собственно перед организацией. При этом, конечно, справедливы некоторые замечания, касающиеся, к примеру, сохранения малокомплектных сельских школ. Об этом много уже говорилось, и проблема эта актуальна не только для районов проживания финно-угров. Корректировка сетки вещания, особенно в регионах, тоже необходима, но к этому делу надо подходить вдумчиво. Экологическая экспертиза и так является обязательной при реализации всех проектов промышленного освоения, об этнологической экспертизе уже давно и более предметно говорят отечественные этнологи, равно как и об уполномоченном по правам народов.

В целом ничего нового и принципиально значимого как для рядовых представителей собственных народов, так и для страны в целом делегаты съезда не предложили. Идеи же об особом статусе этнонациональных организаций, о "коллективной включенности в политический процесс", о том, чтобы стать параллельной властью – это все идеи из прошлого, реализовать которые можно лишь с ущербом для других этнических сообществ. И именно отношение к другим этническим сообществам в регионах проживания финно-угров является той лакмусовой бумажкой, посредством которой проверяется зрелость и демократичность этнонационального объединения.

В итоговой резолюции съезда ничего не сказано об ответственности ассоциации и других этнонациональных организаций финно-угров за сохранение межнационального мира в регионах их проживания? Ничего не было сказано о месте финно-угров в региональных территориальных сообществах, о том какими видятся эти сообщества? Не говорилось серьезно о гражданской нации россиян и о роли этнонациональных движений в ее формировании? Названные проблемы не были интересны делегатам съезда по той причине, что они не согласуются с логикой этнического национализма? С самого начала 1990-х гг. проблемы финно-угров рассматриваются этнонациональными организациями отдельно от проблем территориальных сообществ в целом. Между тем представители финно-угорских народов существуют не изолированно, а в тесном взаимодействии с представителями других народов, населяющих регионы их проживания, причем нередко этим другие этнические общины являются не менее укорененными на данной территории, чем так называемые "коренные народы".

Помимо того, что в резолюции ничего не сказано о стремлении к укреплению межэтнического взаимодействия и о формах такого взаимодействия, весь смысл документа проникнут идеей глубокой этнизации различных сфер жизни: политики, системы государственной регистрации и учета, культуры, информационного пространства (что, к примеру, означает идея всероссийской финно-угорской газеты?). Сторонники безудержной этнизации говорят о том, что у этнонациональных объединений должен быть особый статус и им тесно в рамках закона об общественных организациях. Незадолго до съезда вице-спикер Коми парламента А. Безносиков (один из делегатов съезда) вообще предложил создать союз финно-угорских парламентариев. При этом он забыл, что парламентариев избирают граждане, а не этнические группы, и что за его кандидатуру также голосовали люди разной этнической принадлежности. Нельзя рассматривать парламент как совет старейшин племени, а не как демократический институт высокоорганизованного гражданского сообщества. Но для этнизированных политиков идеи гражданства явно оказываются вторичными, ибо они мыслят в категориях сегментированного сообщества. Впрочем, идея, высказанная Безносиковым не была новой. Ее уже пытались реализовать в начале 1990-х гг., когда в Верховном Совете РФ была создана парламентская ассоциация финно-угорских народов (из парламентариев финно-угров), призванная «укреплять межгосударственные и межпарламентские связи России с Финляндией, Венгрией и Эстонией, а также развития непосредственных международных связей Карельской, Коми, Марийской, Мордовской и Удмуртской республик» [*Пробуждение*, 1996: 15].

Как должны были реагировать на высказанные идеи федеральные власти, которые организационно и финансово обеспечивали проведение съезда АФУН? Если следовать призывам делегатов, то надо было менять паспортную систему и вновь вводить принудительную фиксацию этнической принадлежности (государственную этничность), нужно было отказаться от идеи культурной свободы, которую проповедует ныне ООН, следовало отменить результаты референдумов об объединении регионов, а правительству РФ в своей практической работе надо было выполнять решения и постановления АФУН и при этом финансировать ее деятельность. Вряд ли даже сами участники съезда думали, что это возможно.

Весьма показательное заявление сделал председатель Консультативного комитета финно-угорских народов В. Марков (бывший университетский

преподаватель), который подчеркнул: "Мы готовы подставить свое плечо [властям – *авт.*]". И чтобы все поняли, кто может быть ведущими экспертами по этнонациональной политике, он сделал довольно резкое и далекое от истины дополнение: "В последние годы никто в России не занимался вопросами национальных отношений". Делая подобное заявление руководитель Консультативного комитета сознательно исключал из экспертного сообщества реальные структуры, такие как Институт этнологии и антропологии, который ведет огромную работу по изучению проблем этнополитики и разработке рекомендаций для правительственных учреждений; подчеркивал вторичную роль региональных ведомств и министерств, ответственных за этнополитику в регионах, создания которых так активно добивались этнонациональные движения финно-угров РФ, не признавал роли других исследовательские организации РФ, у которых есть значительный опыт изучения этнических и региональных проблем.

Заметим, что в отношении к науке этнонациональные движения проявляют вполне очевидный *расовый подход*. Так во время проведения первого Всемирного конгресса финно-угорских народов в Сыктывкаре, организаторы мероприятия решили провести в его рамках и круглый стол ученых, с целью обсуждения проблем совершенствования этнонациональной политики в РФ. Все ученые, которых пригласили на этот «круглый стол», по своей этнической принадлежности являлись финно-уграми. Таким же образом (т.е. путем «этнической селекции») формировался и экспертный совет при АФУН, созданный после проведения третьего съезда организации. Не научная квалификация и научная объективность являлись главным критерием отбора его членов, а этническая принадлежность. В 2007 г. при правительстве Коми был создан Экспертный совет по национальной политике и в него вошли активисты этнонациональных движений, но не было включено ни одного этнолога или квалифицированного политолога. Власти на местах нередко воспринимают этнополитику как политику в отношении нерусских народов или политику в отношении титульных этнических групп, т.е. избирательную культурную политику, а потому прямо или опосредованно реализуют в своей практической деятельности этнический фаворитизм и культурный расизм.

Более того, науку, как и спорт, моду и другие интернациональные по своей сущности сферы деятельности этнические антрепренеры и солидарные с ними чиновники воспринимают как этнические культурные институты. Так институты гуманитарного профиля в «финно-угорских регионах», которые сформировались в

свое время при Советах министров автономных республик или же были созданы как подразделения общенациональной Академии наук (Академии наук СССР) воспринимают и называют «национальными институтами» на том основании, что в них ведется изучение языков, фольклора, литератур финно-угорских народов (на том же основании можно назвать «национальными» и зарубежные центры финно-угроведения). Простая логика, которая доказывает, что нет марийской таблицы умножения, коми глобуса, удмуртских законов механики не кажется убедительной этническим антрепренерам и ассоциированными с ними региональными исследователями.

О качестве работы «экспертов» уже упоминалось во введении, но полезно привести еще один показательный пример. Так к V Всемирному конгрессу финно-угорских народов, который состоялся летом 2008 г. в Ханты-Мансийске, был подготовлен сборник статей «Идентичность и изменяющийся мир». В сборнике помещены публикации ученых, которые являются членами «Научного экспертного совета при Ассоциации финно-угорских народов РФ» и членами других аналогичных советов. Открывает сборник статья бывшего Главы РК В.А. Торлопова.

Ко многим статьям сборника есть вопросы и серьезные претензии, ибо сомнительны и термины, и доводы авторов, и их попытки вольно интерпретировать международные правовые акты.

Но особо следует остановиться на статье А.С. Казимова, Т.Б.Никитиной, А.А.Попова «К оценке этнических процессов у финно-угров Приволжского федерального округа (марийцы, мордва, удмурты, коми-пермяки)» [Казимов, 2008: 48-60]. В сноске на первой странице указано: «Авторы являются членами Научного экспертного совета при Ассоциации финно-угорских народов РФ (А.С.Казимов и Т.Б.Никитина от Республики Марий Эл, А.А.Попов от Республики Коми». Один из авторов является директором исследовательского института, а два других – заместителями директоров.

Самым замечательным в этой статье является то, что она представляет собой откровенный плагиат доклада «Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения», написанного группой экспертов Сети этнологического мониторинга под общей редакцией В.А.Тишкова и одного из авторов данной монографии. Новые «авторы» убрали из таблиц и из текста только данные по коми и удмуртам, добавили одну таблицу, а далее дословно привели текст доклада со страниц 12, 13, 14, 15,16, 17, 22, 23... При этом ни одной ссылки на доклад в статье нет, равно как нет и вообще никаких ссылок, даже тех, которые приведены в заимствованном тексте.

Конечно этнологический и этнополитический анализ является сегодня крайне востребованным и это обстоятельство также влияет на то, как формируются экспертные советы и как они пытаются доказать свою научную состоятельность. В этой связи можно согласиться с мнением С.Чешко, который указывает, что «сегодня авторитет этнологии в отечественном научном сообществе выше, чем когда-либо в советское время. Кстати, оборотная сторона этого процесса – появление множества исследовательских учреждений, претендующих на этнологическую тематику и конкуренцию с традиционными этнологическими центрами. В конкуренции нет ничего плохого, если бы она велась на профессиональном уровне. К сожалению, новички на исследовательском поле этнологии зачастую не имеют нужного профессионального уровня. Их деятельность – это борьба за источники финансирования в условиях благоприятной для этнологических изысканий конъюнктуры. Этим же, по сути, объясняется бурное «грюндерство» на почве модной в среде дилетантов социальной/культурной антропологии [Чешко, 2005: 9].

Стоит заметить, что в названных экспертных советах есть и вполне авторитетные ученые, которые, вероятно, воспринимают свое членство в очередной формальной структуре как некий акт лояльности самой идее ответственности ученых за все, что происходит в регионах, где они проживают. Но их именем прикрывается уже осужденный научным сообществом расовый подход к анализу процессов межкультурного взаимодействия, оправдывается институциональный расизм [Eriksen, 1999] и по существу отвергается идея плюралистического сообщества. Здесь уместно обратить внимание на «нераздельность конструкции «расы» и «этнической принадлежности» [Майлз, 2004:123] и на то, что этнизация создает структурную основу для постоянной борьбы между создаваемыми ею этническими стратами, которые условно маркируются как высшие и низшие. Видимо следует согласиться с теми авторами, которые отмечают, что расистские практики весьма распространены в России и имеют место в системе образования, в языке науки, но при этом особое значение имеет определение связи между двумя понятиями «власть» и «расизм», ибо власть сама должна стать чувствительной к проявлению расизма. Если же этой чувствительности нет, то нет и реальной этнополитики, а есть этнический фаворитизм, есть поощрение проектов, основывающихся на подчеркнутой демонстрации культурных различий, которая «провоцирует сегрегацию общества, закрепляет в сознании людей (школьников/студентов, если мы говорим о системе

образования) образы «иных», непохожих на меня или не таких как я» [Абашин, 2008: 29]. Иными словами нечувствительность к расизму и порождает расистские практики, о наличии которых мы говорили выше.

Степень осмысления названными выше «экспертами» культурных реалий, с которыми сталкиваются российские финно-угры можно оценить и по резолюции IV съезда АФУН, прошедшего в сентябре 2009 г. в Саранске. В этом документе присутствовали весьма странные определения, смысл которых не может быть понят ни одним квалифицированным исследователем, а именно: «снижение этнического идентитета», «укрепление этнической идентичности», «традиционная финно-угорская культура». Как и на предыдущем съезде резолюция отличалась минимумом конкретности и при этом общественная организация фактически заявила о своих широчайших возможностях, ибо готова была «активизировать взаимодействие с Министерством регионального развития», «разработать комплексную программу этнокультурного развития финно-угорских народов», «оказывать комплексную поддержку работе финно-угорских общественных организаций», готова обратиться в Министерство образования и науки РФ с предложением «разработать и утвердить в рамках государственных образовательных стандартов общего образования модели Примерного учебного плана, предусматривающего обучение языкам финно-угорских народов в обязательной части основной образовательной программы в объеме от 2 до 5 часов в неделю»... Далее следует очередной перечень предложений и рекомендаций правительственным органам. Во всех разделах резолюции появился пункт «поручить Совету АФУН РФ», которого не было в резолюции предыдущего съезда. Но в содержательном плане поручения не выглядят конкретно, ибо определяются они через понятия «обратиться» («обратиться в Министерство культуры»), «рассмотреть», «оказать содействие», «инициировать», «расширить практику». Единственное конкретное поручение заключалось в создании «сайта в глобальной сети Интернет «Демография, экология и здоровье в финно-угорском мире России». Иными словами до уровня практической созидательной деятельности АФУН так и не поднялся, ограничившись политическими и культурными дискуссиями на съездах и редких формальных мероприятиях между ними. Все конкретные дела реализуются местными или федеральными властями: например, создание федеральных финно-угорских центров в Сыктывкаре и Саранске, проведение фестивалей, подготовка

тележурналов и телепередач, издание газет и журналов, создание интернет-ресурсов.

Но одно важное изменение в позиции «актива» АФУН все же произошло: в декларации появились слова о российской нации и общероссийской идентичности. Это означало, что процессы гражданской консолидации в России стали настолько очевидны, что с ними вынуждены мириться даже принципиальные противники (о неприятии идеи гражданской нации было очевидно заявлено в резолюции предыдущего съезда). Но это вовсе не означало изменения в идейных позициях этнических антрепренеров, выступающих от имени финно-угорских народов РФ. Доказательством тому явились последовавшие за вышеназванным съездом события.

Месяц спустя после съезда в Ижевске по инициативе местных интеллектуалов и организации «Удмурт Кенеш» был проведен круглый стол, на котором было заявлено о необходимости проведения внеочередного V съезда АФУН в Ижевске. Съезд должен быть посвящен 20-летию финно-угорского движения в России и подведению итогов деятельности.

Участники круглого стола признали, что в «финно-угорских движениях» произошла бюрократизация и формирование своеобразной «этнической номенклатуры», комплектуемой «сверху», что в финансовом отношении они являются полностью зависимыми от местных и региональных властей, а деятельность движений имеет в целом «культурно-спортивную, демонстративную направленность». Было также заявлено: «Результаты двадцатилетнего развития показывают, что либеральные реформы отрицательно сказались на социальном самочувствии финно-угров России. Продолжается ассимиляция, раскрестьянивание, ухудшается демографическая ситуация, процветает коррупция и административный произвол. Декларированный руководством России курс на строительство гражданского общества не обозначил внятно роль национального движения в его строительстве, хотя этнический комфорт — одно из непереносимых условий формирования и существования гражданского общества.

В России отсутствует механизм постоянного взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти финно-угорских субъектов Федерации, нет регулярных встреч и консультаций их руководителей по исполнению решений съездов и конгрессов, согласованных действий федеральных органов в субъектах. Роль Минрегионразвития России в решении этих проблем весьма невелика. Решения съездов народов не имеют юридической силы для

правительства России и ее субъектов. Одной из важнейших причин «слабой» национальной политики является откровенное нежелание Российской Федерации признать народы России субъектом права и присоединиться к Декларации прав коренных народов мира»[Гонин, 2009].

Участники круглого стола выступили за полную этнизацию политического пространства страны и фактически вернулись к старым претензиям, когда этнонациональные движения пытались позиционировать себя как вторую или параллельную власть, но не как общественные движения. При этом они пытаются маркировать себя одновременно и как институты гражданского общества, которые вообще по сути своей должны быть независимы от власти. Вновь раздавались призывы о том, что надо комплектовать органы власти по этническому принципу, что власти не только должны финансировать деятельность этнических антрепренеров, но и это финансирование должно быть закреплено с бюджете субъекта «отдельной строкой». Заявлялось, что поскольку в Конституции РФ указано, что источником власти в стране является многонациональный народ, постольку это означает, что каждый этнический сегмент в отдельности вправе претендовать на политическую власть, т. е. народ как гражданскую целостность активисты финно-угорского движения воспринимать принципиально не намерены. В этом смысле *их позиция тождественна позиции европейских национал-радикалов*, которые громко заявили о себе во время последних выборов в Европарламент.

В рекомендациях круглого стола дан целый ряд «поручений» исполнительной и законодательной власти РФ и субъектов федерации, но сами активисты движения никаких обязательств на себя не возлагают. Президенту и Правительству РФ предложено «установить Регламент исполнения Резолюций всемирных конгрессов и Всероссийских съездов финно-угорских народов», профильному комитету Госдумы рекомендуется «ежегодно заслушивать информацию об исполнении Резолюций всемирных конгрессов и Всероссийских съездов», предлагается сформировать «внефракционную депутатскую группу» для лоббирования «интересов финно-угорских народов», аналогичным образом рекомендовано действовать и в субъектах с финно-угорским населением. При назначении руководителей регионов рекомендовано обращать внимание на его этническую принадлежность и также выражено желание, чтобы финно-угры были представлены в «высшем управленческом звене Российской Федерации». Предлагается осуществлять мониторинг состояния «межнациональных

отношений» в регионах и публиковать официальные документы на двух языках и, конечно, принять к исполнению рекомендации круглого стола. Очевидно, что *для этнических антрепренеров и культурное, и политическое пространство России и регионов проживания финно-угров продолжает восприниматься как этноцентричное*, что вполне естественно для приверженцев этнического национализма. Идеологи этнического национализма, апеллируя к конституционным нормам, фактически извращают один из базовых принципов социального государства, коим по конституции является Российская Федерация, — принцип *солидаризма общества*.

Названный круглый стол при всей радикальности его дискуссий и рекомендаций не имел какого-то громкого резонанса в «финно-угорских регионах». Заметим также, что и последний съезд АФУН в регионах не вызвал такого интереса как предыдущий и это вполне объяснимо. Сегодня политический эффект и последствия резолюций этнонациональных движений, в которых выдвигаются претензии к региональным властям или к федеральному центру, несравненно слабее, чем в начале 1990-х годов во время всплеска суверенизации и подъема этих движений, когда призывы этнополитических организаций во многом совпадали с устремлениями региональных элит. С 2000 г. само объявление суверенитета республик в составе РФ признано не соответствующим Конституции России, и с этим по существу согласились многие этнические лидеры. Но изменение политических принципов, которыми руководствуются региональные власти в своем взаимодействии с Москвой ставит в повестку дня поиск новых формул федеративных отношений, отражающих интересы как регионов, так и федерального центра. Такого поиска идеологи этнонациональных движений, как уже сказано выше, не осуществляют, что обесценивает саму политическую значимость их деятельности. И тут необходимо согласиться с В.Зориным, который справедливо заметил, что «важнейшую роль национальные аспекты имеют в развитии и совершенствовании федеративной сущности российского государства. Государственная национальная политика шире федеративной по субъектам, которые вовлечены в ее сферу – это не только федеральный центр и субъекты РФ, но и широкий круг национальных общественных объединений, представляющий этносы, этнические группы, диаспоры и меньшинства на всей территории страны» [Зорин, 2003: 223].

Между тем совершенствование федеративных отношений является актуальным и необходимым на современном этапе развития России, ибо только эффективно

функционирующая федеративная система может обеспечить решение региональных проблем, в том числе проблем экономического, социального и этнокультурного развития.

Особое значение в этом плане имеют четкие и взаимоприемлемые принципы экономического федерализма, стабильный характер межбюджетных отношений между федеральным центром и регионами.

Экономический федерализм проявляется в разделении полномочий в области политики цен, налогов, формирования и расходования бюджетных средств и внебюджетных фондов, инвестиций, программно-территориального управления. При этом объем полномочий различных субъектов федерации будет различен и будет определяться только через систему договоров между регионами и Москвой.

Республика Коми, Удмуртия и Ханты-Мансийский автономный округ – это регионы-доноры, Карелия, Марий Эл, Мордовия, Коми-Пермяцкий округ – это хронически дотационные регионы [*Федеральный*, 1999]. Причем в Марий Эл и Коми-Пермяцком округе до 80% бюджета формировалось на протяжении многих лет за счет дотаций из федерального центра. Естественно, в таких условиях объем полномочий и расходов, которые может взять на себя первая группа регионов должен быть больше. Но опять же подчеркнем решение этого вопроса возможно лишь на основе двусторонних договоров с центром. Однако, федеральный центр не намерен возобновлять практику заключения таких договоров, а старые договора, которые заключены с Москвой всеми вышеназванными регионами, пролонгированы не будут.

Что же касается бюджетного федерализма как более узкого и конкретного проявления федерализма экономического, то здесь как в прошлом, так и сегодня наблюдается отсутствие объективно обусловленной справедливости. Еще в 1996 г. директор Института экономических и социальных проблем севера Коми научного центра УрО РАН Виталий Лаженцев по этому поводу писал: «При доле Республики Коми в Российской Федерации по численности населения 1,15% она, несмотря на свою северность, получает всего лишь 0,2% от общей суммы трансфертов.

Перераспределение средств федерального бюджета пока не опирается на государственные и региональные стандарты социальных благ и на систему показателей сводного финансового плана того или иного региона. Оно весьма слабо учитывает различия в уровнях расходов, связанных с природно-экономическими условиями (на Севере они в 1,5-2 раза выше, чем в средней полосе России)... Модель экономического федерализма, приемлемая для России и ее регионов, пока находится в начальной стадии формирования» [*Лаженцев*, 1996: 32]. С тех пор ситуация не изменилась а только ухудшилась.

Федеральный центр весьма своеобразно понимает идеи экономического федерализма сегодня. После того, как В.Путин заявил о необходимости укрепления вертикали власти, улучшении управляемости страной и создал семь федеральных округов (что, вероятно, имело смысл для ограничения всевластия региональных лидеров), он предпринял новые шаги, которые серьезно сказались на положении ряда регионов. Центральной власти было очевидно, что для установления реального контроля над регионами и серьезного ослабления региональных авторитарных режимов, которые к тому времени стали реальностью в большинстве субъектов РФ, необходимо не только политически, но и экономически подчинить центру региональные элиты. Поэтому была осуществлена так называемая налоговая реформа, которая больше всего ударила по регионам-донорам, имевшим наибольшие возможности претендовать на значительную степень автономии от центра. В результате налоговой реформы бюджет РК в 2001 г. недополучил около 2 млрд. рублей, что составляло его пятую часть. Однако этими потерями дело не ограничилось, поскольку в 2002 г. был отменен еще ряд платежей в региональные бюджеты. В 2000 г. в республике оставалось 57,7% доходов, в 2001 г. – 48,3% [Шабает, 2002: 21], в 2002 г., эта доля составила только 46,3%, в 2003 г. – 44,4% % [Социально-экономическое, 2004: 70]. Между тем, в ч. 10 ст. 48 Бюджетного кодекса РФ была установлена норма, согласно которой доходы субъектов РФ должны составлять не менее 50% от суммы доходов консолидированного бюджета РФ. Правда, ныне действие этой нормы приостановлено.

Многие регионы стали в последние годы испытывать острый дефицит средств, направляемых на экономическое и социальное развитие. Этот дефицит сказался на замедлении темпов роста тех регионов, которые по своему потенциалу должны быть локомотивами экономического развития всей страны.

Между тем федеральный центр продолжает наступление на экономические права регионов. Сегодня правительство РФ пересматривает порядок выдачи лицензий на пользование недрами, в частности, нефтяными месторождениями, в недавно разработанном Лесном кодексе ограничиваются права территорий распоряжаться лесным фондом. В своем интервью журналу «Итоги» Глава Коми В.Торлопов по этому поводу указал, например, на следующее: «До 1 января 2002 года практически 100 процентов платежей за пользование недрами оставалось на территории. С 1 января 2002 года уже только 60 процентов оставалось в регионе – 30 процентов у муниципалов и 30 процентов шло в республиканский бюджет... Наступил 2003 год. И теперь уже налог на добычу полезных ископаемых распределяется так: 80 процентов шло в центр, 20 – в регион. Еще меньше налогов стали нам оставлять в 2004-м –14,4 процента. А в 2005 году из этого

налога региону достанется только 5 процентов» [Михайлов, 2004: 23]. В последнее время финансовые потоки из центра в регионы возрастают, но целесообразно, на наш взгляд, не усиливать распределительный функции федерального центра, а создавать условия для того, чтобы регионы более эффективно использовали свою ресурсную базу, укрепляли свой экономический потенциал и соответственно расширяли возможности налоговых поступлений от местных производителей.

Таким образом, федеративные отношения в современной России в основном строятся исходя из политических интересов федерального центра, а интересы регионов, в том числе и «финно-угорских», являются вторичными. Вторичными по существу оказываются и экономические интересы страны, ибо ресурсы развития у регионов становятся все более ограниченными. Политическая мотивированность таких отношений очевидна, но федеративные отношения должны иметь и жесткую экономическую логику, которой пока не наблюдается.

В этой связи следует согласиться с тем, что «баланс между территориальными государствами в их теперешнем виде и законным выражением и утверждением национальной и культурной принадлежности, на которых настаивают и будут настаивать меньшинства и отдельные группы населения, не может быть обеспечен только лишь возвратом к упрощенным формулам федерализма или децентрализации, хотя в ряде случаев в них могут быть заложены определенные возможности политических решений. Такого баланса не добиться и бесконечными заклинаниями о суверенитете и самоопределении, ибо сами по себе эти понятия не отличаются особой ясностью и определенностью» [Ханнум, 1997: 77]. Нужна глубокая реформа всей системы федеративных отношений в стране, а общественные движения, в том числе и этнонациональные, должны сыграть здесь определенную роль, во всяком случае, их идеология не может игнорировать этой важнейшей политической проблемы, поскольку она напрямую затрагивает интересы населения, в том числе и интересы титульных этнических групп в республиках и автономиях с финно-угорским населением. И самое главное, что лозунги совершенствования федеративных отношений и конкретные программы трансформации российского федерализма не только могут найти политических сторонников, которые усилят позиции этнонациональных движений, но и помогут преодолеть движениям узкоэтнический эгоизм, отталкивающий от них значительную часть населения, в том числе и значительную часть титульного населения в республиках.

Анализ идеологии этнонациональных движений финно-угров показывает, что она не покоится на прочных демократических основах, идеях гражданского общества и прав

личности. В значительной мере идеология и политическая практика этнонациональных движений отвергает принципы демократии, в результате чего сами эти движения не пользуются массовой поддержкой населения. Происходит это потому, что идеологи этнонациональных движений мыслят категориями тоталитарного прошлого России, а многие из них прямо связаны с политической элитой советской эпохи. Но в условиях переходного общества идеология этнонациональных движений, скорее всего, и не могла быть последовательно демократической.

Что касается использования этничности в борьбе за власть, то здесь с начала 1990-х годов произошли существенные изменения. Если на этапе подъема этнонациональных движений речь фактически шла о полном политическом доминировании финно-угров, в регионах их традиционного проживания, о выдавливании из политических институтов с помощью этнических аргументов иноэтничных представителей (хотя прямо об этом говорили только национал-радикалы), то в настоящий момент, когда представительство финно-угров во власти существенно снизилось (хотя Главы Мордовии и Коми принадлежат к титульным этническим сообществам), лидеры карельского, коми, удмуртского этнонациональных движений ведут речь о делегировании представителей титульных этнических групп во власть.

Для выживания самих движений необходима глубокая демократизация их политических структур, повышение привлекательности и актуальности лозунгов, формирование новой идеологии, но голоса реформаторов не воспринимались многие годы ни этнической элитой в целом, ни сколько-нибудь значительными группами активистов, а потому этнонациональные движения оказались в идеологическом вакууме и политической изоляции. Между тем сегодня жизнь сама подсказывает возможные пути дальнейшего развития этнонациональных движений и некоторые лидеры этноориентированных организаций уже прямо говорят о том, что главное предназначение подобных структур – социальный сервис, т.е. помощь в решении непосредственных жизненных потребностей представителей этнических сообществ и локальных культурных групп.

Действительно, за 20 лет существования этнонациональные организации и движения во всех «финно-угорских регионах» занимались только одним – проведением съездов, конференций, круглых столов, обсуждений, в ходе которых рассматривались проблемы социального и этнокультурного развития народов, принадлежащих к уральской языковой семье. Конкретных практических дел в активе движений нет: группы активистов не рыли колодцы для селян, не создавали специальные фонды с целью сбора средств для сельских школ, приобретения на собранные деньги компьютеров и передачи их в слабо

оснащенные школы, не ехали в эти школы для чтения лекций педагогам и обучения компьютерной грамотности детей, не создавали сбытовых организаций и кооперативов, облегчавших сельским производителям продажу продукцию подсобных хозяйств и собираемых ими дикоросов, не пытались создавать структуры, помогающие самоорганизации местных общин и т.д. и т.п. Между тем, опыт общественных инициатив, который был накоплен за эти годы российскими общественными организациями, не эксплуатировавшими политический ресурс этничности, огромен. И то, что этот опыт до сих пор не взят на вооружение финно-угорским движением, весьма ясно характеризует общую направленность его деятельности.

Глава 5. Об идеях «Финно-угорского мира».

Важной стороной деятельности этнонациональных движений финно-угров и важной составляющей их идеологии являются попытки формирования некоей новой

идентичности — «Финно-угорского мира». Идеологи этнонациональных движений заявляли неоднократно о необходимости «воссоздания» такого мира, а сегодня утверждают, что финно-угорский мир стал реальностью.

Конечно, сама идея не является культурной новацией, а имеет основания в идейных поисках представителей нарождавшихся культурных элит Финляндии и Эстонии, которые имели место в XIX в. и продолжались после обретения этими странами государственной независимости в 1920—1930-е годы. В начавшейся в XIX в. борьбе Суоми за статус субъекта истории доминировала западническая трактовка историчности, но поиск своего места в Европе и формирование финской идентичности опиралось на «восточную» мифологию. Карелианизм, т.е. использование карельских фольклорных текстов для создания национальной художественной традиции и культурного позиционирования финнов стал основой финского романтизма и финского национализма (День «Калевалы» и поныне является государственным праздником Финляндии). Но одновременно, воспринимая себя как оплот «западной цивилизации», фенноманы не могли в процессе историко-мифологических разысканий не выдвинуть идею просвещения оторванных от цивилизации восточных родственников. Эта идея нашла выражение в культурном, а затем и политическом понятии «Великая Финляндия». Идея «Великой Финляндии» или «Великой красной Финляндии», хотя и приобрела в период между двумя мировыми войнами откровенно экспансионистский характер, на самом деле представляла собой в большей мере идейный конструкт, который означал рождение финского паннационализма. В паннационалистических концептах, как правило, выделяется культурный центр и культурная периферия, которая стремится к объединению вокруг этого центра (в пангерманизме это Германия, в панславизме – Россия, в пантюркизме – Турция). Конечно, идея «Великой Финляндии» была скомпрометирована в ходе двух войн между Финляндией и Россией и последовавшими переменами в сознании финнов и россиян (советских людей), которые Петр Штомпка определяет метафорой «культурная травма» [Штомпка, 2001]. Однако дело не только в самой идее, но и в глубоко укоренившихся интеллектуальных и политических традициях, а порой даже в стереотипах национального и политического сознания.

«Финское *valtakunta* 'государство, держава, царство, рейх' точно отражает суть метагеографической, геополитической, религиозной и сословной проблематики финляндской культуры: возможность реализации *valta* 'власть, господство, право, силы (природные, небесные и т.п.)' подразумевает существование *kunta* 'коммуна, община', беспрецедентной аудитории «подданных» для «нации королей», воспетой Э. Лейно в его обращении к «молодым кузнецам Суоми» [Сурво, 2009 б: 115]. По мнению финского

исследователя А.Сурво, поскольку финские интеллектуалы воспитаны на морализаторских текстах, программировавших на «многоуровневую экспансию по отношению к семиотической периферии», постольку воспроизводство соответствующих идей было неизбежно.

Эстонцы также воспринимали Эстонию как часть «цивилизованного западного мира», а свою миссию видели примерно также, как и финны, и не случайно именно в Эстонской Республике впервые стали праздновать Дни родственных народов.

Со своей стороны постсоветские этнические элиты «восточнофинских народов» в сознании которых идея культурной периферии укоренилась еще в досоветскую эпоху (и в советские годы по существу она была «законсервирована» патерналистской политикой государства), готовы были признать культуртрегерскую роль своих западных партнеров либо в силу прагматических личных соображений, либо в силу романтических представлений о «финно-угорском братстве», либо в надежде, что контакты с Финляндией, Эстонией и отчасти Венгрией станут стимулом для догоняющей модернизации, в которую будут вовлечены «финно-угорские регионы».

Таким образом, концепт «Финно-угорского мира» как нового культурного сообщества был неким продуктом идейных исканий интеллектуальных элит и вместе с тем имел основания в культурных стереотипах и исторической традиции. Этот концепт строился на восприятии «Финно-угорского мира» как особой идентичности.

Но такая широкая идентичность не может формироваться на зыбкой лингвистической основе, тем более что в языках финно-угорских народов сохранилось очень немного элементов прафинноугорского языка-основы. Территориально эти народы разобщены. В культурном плане народы финно-угорской группы очень существенно отличаются друг от друга, тесных экономических связей между регионами их проживания нет, а интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, не могут привести к осознанию финно-угорского единства широкими слоями населения. Это осознание есть только у узкого слоя этнической элиты, которая, правда, и формирует идеологию. В этой связи известный финский языковед Сиркка Сааринен замечает: «Понятно, что финно-угорские меньшинства России сегодня стараются строить свою национальную идентичность с помощью финно-угорского родства и рассматривают Финляндию и Венгрию как удачные модели для подражания в этом отношении. В Финляндии, Венгрии и Эстонии миф о финно-угорском сообществе, которое проявляет себя в культурных, лингвистических и других особенностях, был создан и принят, прежде всего, в образованных кругах как объединяющая сила. Через систему образования он стал общеизвестным и признанным. Таким образом, по существу сконструированный он стал

фактом. В России образованная страта у финно-угорских народов все еще очень тонкая и этническая интеллигенция не имеет возможностей и средств, для того, чтобы использовать эту идею как силу, формирующую идентичность, таким образом, как это было использовано на Западе. Для восточных финно-угров, живущих в совершенно другой реальности, нежели та, что имела место, когда только зарождался миф об общности, вопрос о том может ли такая абстракция, как общий праязык все еще воздействовать на судьбы наций в XXI веке, остается без ответа» [Saarinen, 2001: 50].

Тем не менее, на рубеже 1980-1990-х гг. существовала объективная необходимость объединения этнополитических организаций и политического статуирования новой широкой идентичности, которая объяснялась дефицитом политического ресурса отдельных этнонациональных движений, представлявших, как правило, интересы миноритарных сообществ, не обладающих достаточным политическим весом и значительным политическим представительством во властных структурах регионов их проживания.

Этот дефицит был очевиден повсеместно и в одних случаях сразу заставлял объединяться в широкие политические объединения (как это произошло в 1990 г. с народами Севера, создавшими Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока), в других требовался определенный этап для осознания своих политических интересов и своих политических возможностей (как это имело место с финно-угорскими народами, татарами, башкирами). Общая политизированность жизни в России в начале 1990-х гг. способствовала ускоренному политическому позиционированию национальных движений, поэтому уже в феврале 1992 г. в Сыктывкаре состоялась «учредительная конференция полномочных представителей национальных форумов (съездов), общественно-политических и национально-культурных движений», учредивших Ассоциацию финно-угорских народов (АФУН) и заявивших в принятой ими декларации о начале «формирования единого финно-угорского социально-экономического, культурного и информационного пространства» [Штрихи, 1994: 227]. В мае 1992 г. в Ижевске состоялся первый всероссийский съезд финно-угорских народов, на котором было заявлено, что «Съезд является высшим национально-этническим органом финно-угорских народов Российской Федерации...» [Пробуждение, 1996: 247]. В августе того же года в Сыктывкаре состоялся первый Всемирный конгресс финно-угорских народов, на котором был создан международный Консультативный комитет финно-угорских народов со штаб-квартирой в Хельсинки. В «Обращении к Парламентам и Правительствам Российской Федерации и финно-угорских республик, входящих в ее состав», принятом на конгрессе говорилось о «возрождении финно-угорского мира», о

«многовековой борьбе финно-угорских народов за свое самоопределение» и выдвигался ряд предложений в области политики и права, которые вели к огосударствлению этничности [*Штрихи*, 1994: 258-260].

Первый конгресс лишь продемонстрировал возможности использования новой структуры, которая поставила задачу добиться статуса неправительственной организации ООН, как лоббиста политических интересов этнических и, прежде всего, региональных элит (ибо все пять конгрессов проводились при их непосредственном участии и прямой поддержке, включая финансовую). Второй конгресс, который состоялся в Будапеште в 1996 г., предложил выработать конкретные механизмы этого лоббирования. «В частности, предлагалось формирование прямых международных связей между родственными народами и государствами, а также подключение российских финно-угров к деятельности Евросоюза и других международных европейских организаций помимо Российской Федерации, вне федеральных структур, прежде всего, через государственные и общественные организации Финляндии» [*Щербакова*, 2003: 115].

Третий Всемирный конгресс финно-угорских народов, состоявшийся в 2000 г. в Хельсинки, на заседаниях в секции политики сосредоточил внимание на государственном законодательстве, касающемся прав национальных (этнических) меньшинств и коренных народов на государственном и региональном уровнях. При этом обсуждение названных проблем началось еще задолго до начала конгресса, когда были опубликованы тезисы ключевых докладов основных секций [*Ханникайнен*, 2000: 37-40].

Оценивая деятельность и сущность подобных конгрессов, директор Института Этнологии и антропологии РАН В.Тишков, заявил следующее: «Всемирные» этнические съезды, а также «казачьи круги» и прочее есть порождение ослабевшей государственной власти и кризиса гражданской идентичности. Это своего рода квазигосударственность, когда не хватает собственно государственности в строго гражданском понимании» [*Тишков*, 2002]. Впрочем, сказано это было по поводу оценки итогов III Всемирного конгресса татар, а между татарским конгрессом и финно-угорским есть разница. В татарском варианте всемирный конгресс становится, прежде всего, инструментом закрепления особого статуса Татарстана в рамках Российской Федерации, инструментом идеологического обоснования того, что «геополитические приоритеты Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии», что политические притязания его политической элиты требуют сохранения «особого акцента на общетюркские и мусульманские начала своей культуры и идентичности» [*Исхаков*, 1998: 90]. В случае с финно-угорскими народами России декларирование языкового, исторического и культурного родства этих народов и конструирование на этой основе

новой идентичности – «Финно-угорского мира», по сути своей, есть попытка расширения группы солидарности и поиск внешних ресурсов для сохранения слабеющих политических позиций этнических антрепренеров в национальных республиках и автономиях России. Причем это направление политической интеграции с середины 1990-х годов стало основным в деятельности этнонациональных движений финно-угров. После того, как в 1995 г. в Кудымкаре (столице Коми-Пермяцкого автономного округа) состоялся II Всероссийский съезд финно-угорских народов, съезды эти десять лет не проводились, хотя по Уставу они должны проходить через каждые три года. Зато заседания Консультативного комитета финно-угорских народов проходят регулярно в столицах российских «финно-угорских республик», в Финляндии, Эстонии и Венгрии. Всемирные конгрессы финно-угорских народов становятся все более представительными, а культурные связи между названными регионами не утрачивают интенсивности. Именно это позволило заместителю министра культуры и по делам национальностей Республики Марий Эл уже в конце 1990-х гг. заявить следующее: «Единый финно-угорский мир зарождается на наших глазах, тяготение это ощущается особенно в финноязычной среде. Международное финно-угорское движение стало общественным явлением в Европе и, безусловно, будет направлено на сохранение и развитие народов, входящих в эту языковую семью» [Яналов, 1998: 7]. Другие аналогичные заявления принадлежат ученым из региональных исследовательских центров. Культуролог, профессор Марийского университета Галина Шкалина, например, настаивает на том, что «Финно-угорский мир – это не миф, не утопия. На языках народов уральской семьи сегодня на планете разговаривает 25 млн. человек, а в России – более 4 млн. Существуют разные формы взаимоотношений между ними: кроме научных конгрессов финно-угроведов, можно назвать конгрессы финно-угорских народов..., форумы Молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН), фестивали финно-угорских театров, телевизионных фильмов, съезды финно-угорских писателей, общества дружбы и т.д.» [Бочин, 2005]. Доктор исторических наук А. Попов из Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в свою очередь подчеркивает: «Понятие «финно-угорский мир» становится более содержательным в качественно новом контексте формирования информационно-культурного пространства. Можно сказать, что в этот период информационно-культурное пространство становится чрезвычайно «плотным» по сравнению с предыдущим временем. «Мир» становится действительно миром, то есть единым сообществом» [Попов, 2004: 554-555]. Сходных по смыслу декларативных заявлений в последние годы было сделано множество и официальными лицами, и лидерами этнонациональных движений. Что же касается местной научной общественности, то у некоторых ее представителей имеет

место надежда на то, что расширение связей с родственными народами на Западе, позволит российским финно-уграм осуществить ускоренную модернизацию, преодолеть культурное отставание от более развитых этнических сообществ [Калинин, 2000], т.е. усилит их позиции в культурной и языковой конкуренции.

Идея «Финно-угорского мира» созвучна другим паннационалистическим идеям и по своей сути является одной из форм идеологии политизированной идентичности. «Объектом лояльности в этом случае выступает не нация, а некая «сверхнация», точнее – паннациональное сообщество» [Малахов, 2005: 262]. В ряду паннационалистических концептов находятся идеи панславизма, панарабизма, пангерманизма, пантюркизма, сионизма и т.д. Как отмечает В.Малахов, большинство паннационалистических движений остались не только политически неоформленными, но и идеологическими расплывчатыми.

В содержательном плане названная идея является попыткой наполнить неким политическим и культурным смыслом историческую архаику, т. е. праязык, прародину и прафинноугорскую общность, которые предположительно существовали до конца III тысячелетия до н.э. [Хайду, 1985]. В этом отношении идеология этнонационализма финно-угров ничем не отличается от идеологии русского национализма, для которого важное значение имел славянофильский миф [Янов, 1999].

В организационном плане идея единого финно-угорского пространства («Финно-угорского мира») ушла дальше других паннационалистических концептов, ибо при поддержке официальных властей Финляндии, Венгрии, Эстонии, России и региональных властей в российских республиках и автономиях отдельные этнонациональные организации и движения смогли консолидироваться и регулярно согласуют свои позиции в рамках Всемирных конгрессов финно-угорских народов, а оперативное руководство осуществляется Консультативным комитетом финно-угорских народов, который является исполнительным органом конгрессов. В политическом плане, как указывалось выше, международное финно-угорское движение претендует на то, чтобы стать неправительственной организацией, интегрированной в структуры ООН. Сегодня эти претензии отчасти реализованы, поскольку при Организации Объединенных Наций создан Форум коренных народов, в котором финно-угорское движение имеет своих представителей.

Что касается идеологии, то здесь сохраняется неопределенность, ибо она до сих пор не оформилась в некие ясную и общепризнанную систему идеологических построений, которые доказывали бы что делает «Финно-угорский мир» реальным «сообществом», выстраивали систему приоритетов финно-угорского движения,

объясняли как соотносятся понятия «нация» (в том числе «российская нация») и «финно-угорский мир», объясняли бы саму необходимость «мира».

Ясную идеологию финно-угорского паннационализма сформулировать сложно, но не менее сложно добиться ее признания всеми участниками движения (хотя «мир» якобы уже сложился). Однако, поскольку идея особого сообщества заявлена и миф об особости финно-угров, об их несхожести с россиянами в целом и с другими этническими сегментами российского общества стал политическим инструментом, постольку необходимо развивать и укреплять культурные маркированность этого мира, конструировать культурные границы, которые отделяют его от других этнических групп в России.

С этой целью во всех «финно-угорских регионах» РФ стали праздноваться Дни родственных народов, которые впервые как некое официальное мероприятие были учреждены в Эстонии в 1931 году. «Родственными народами» становятся не те, контакты с которыми являются наиболее интенсивными (у карелов, коми и мордвы половина браков заключается с русскими) и не народы, с которыми российских финно-угров связывает историческая судьба и реальная культурная близость, а те народы, которые только лингвистически близки друг другу. Но лингвистическая классификация есть объединение народов в некие сообщества по формальным признакам, а не по существенным характеристикам культуры. В результате родственными становятся народы, территориально не граничащие друг с другом, исповедующие разные религии, имеющие разную социальную структуру, политические и культурные традиции. Венгерский винодел, исповедующий католицизм и оленевод-хант, оставшийся язычником непонятно почему становятся людьми, принадлежащими к единому культурному сообществу.

Конечно, единичные символические акции типа Дней родственных народов не могут сформировать некой культурной солидарности, указать на культурные границы, которые отделяют российских финно-угров от других россиян. Поэтому появляется целая система культурных маркеров, которые призваны подчеркнуть культурные границы.

16 февраля 2007 г. в Петрозаводске прошел финал первого межрегионального конкурса красоты «Звезда севера», на котором были представлены 14 представительниц из пяти регионов. Участвовать в конкурсе могли только девушки, представляющие финно-угорские народы РФ. Примечательно, что конкурс красоты и его результаты послужили еще одним поводом для маркирования культурного пространства, но важно заметить, что «Звезда севера» не является изолированным явлением, а характеризует общее явление, которое можно условно назвать конструированием ОБРАЗА ДРУГОГО.

Конкурсы красоты становятся одним из инструментов конструирования новых этнических маркеров, новых культурных границ. Организуя подобные конкурсы, власти и этнические антрепренеры пытаются создать идеал женской красоты, который был бы отличен от космополитических стандартов и подчеркивал культурную дистанцию между финно-уграми и доминантными группами населения. Показательно, как интерпретировалась содержательная часть конкурса «Северная звезда» этнически ориентированными журналистами. Одна из публикаций на эту тему носила название «Карельские девушки в купальниках по сцене не ходят», а ее автор отмечал: «Автору этих строк, посетившему самые разные конкурсы красоты, карельские девушки понравились, хотя не все они были модельной внешности и цифрами 90–60–90 здесь и близко не пахло. Но зато девушки хорошо танцевали народные танцы и пели...» [Абрамов, 2007]. В других подобных комментариях тоже ключевой идеей являлся особый канон женской красоты и привлекательности, который, якобы, характерен для современных финно-угров.

Логика идеологической мобилизации гендера состоит в том, что российские финно-угры, как и доминантное этническое большинство страны, принадлежат к типу восточно-православной культуры и отсутствие культурной дистанции между ними и этническим большинством способствует усилению ассимиляционных процессов среди меньшинств, ибо большинство воспринимается последними и как культурно близкая, и как референтная группа.

Этнические антрепренеры поэтому пытаются изменить восприятие большинства и идеологически обосновать образ финно-угра, как образ «Другого». Этот обобщенный «Другой» в их трактовке имеет совершенно иные культурные ценности. Не случайно, к примеру, активисты марийских этнонациональных организаций заявляют, что у марийцев есть своя «этническая религия» - марийское язычество и даже организуют конференции представителей «этнических» религий. Подобная религия, якобы, и сегодня является основой мировоззрения большинства марийцев [Чемышев, 2003]. Обращение к язычеству в несколько меньших масштабах происходит и в Удмуртии, и в Мордовии.

Но если прежде в идеологических конструкциях идеологов финно-угорского движения обобщенный «Другой» имел очевидно маскулинные черты, то ныне эти идеологи пытаются сконструировать концепт специфической женской привлекательности, которая, якобы присуща только финно-уграм и тем самым завершить гендерную модель этнической идеологии.

В рамках политики конструирования культурных границ даже такие интернациональные сферы деятельности как мода и спорт старательно «упаковывают» в узкие этнические границы. Так в начале ноября 2006 г в столице Коми состоялся первый

финно-угорский фестиваль моды. А в самом конце того же месяца в Карелии, в которой еще не остыли страсти вокруг кондопожских событий, проводился первый боксерский турнир, организованный по национальному признаку (боксеры только представители финно-угорских народов) и специальные призы для победителей учредил губернатор Катанандов!

Летом 2008 г. власти республики Коми выступили с инициативой проводить у себя в регионе зимние финно-угорские игры, а зимой 2009 г. вышло соответствующее постановление Главы РК (по причине кризиса идею не удалось реализовать). Но самое удивительное, что эту идею поддержали спортивные чиновники в Москве. Последние должны помнить основной принцип современного олимпизма, сформулированный еще Пьером де Кубертенем и состоящий в том, что спорт должен объединять народы. Когда же спортсменов разделяют по принципу крови это не только противоречит принципам олимпизма, но и близко по смыслу культурному расизму.

Спорт интересен не сам по себе для этнических антрепренеров, а опять же как инструмент конструирования «новой этничности». Об этом в частности свидетельствует второй Межрегиональный фестиваль народных игр и традиционных состязаний финно-угорских народов «Тюштянь налхксемат», прошедший в июне 2009 г. в Саранске. В первый день этого мероприятия был проведен круглый стол «Национальный аспект в физическом воспитании финно-угорских народов» [В Саранске, 2009]. Во время дискуссий на круглом столе обсуждалась проблема внедрения в современную практику состязаний, которые якобы были широко распространены раньше у финно-угров. В числе таких состязаний апологеты этнического спорта, к примеру, называют борьбу с медведем.

На конференции «Реализация решений IV Всемирного конгресса финно-угорских народов», состоявшейся в столице Мордовии, профессором Мордовского университета Мишанин была обоснована необходимость издания общероссийской финно-угорской газеты. Эту идею стоит понимать так, что у российских финно-угров настолько специфичные проблемы и интересы, что никаким другим общенациональным изданиям доверить их изложение просто нельзя. Следуя логике сторонников данной идеи, финно-угорская газета должна, видимо, издаваться не на русском языке. Поскольку в финно-угорском движении долгое время говорилось о «воссоздании» некоего «финно-угорского мира», постольку речь, очевидно, должна идти о возвращении к культурным корням. А эти корни усматриваются в прафинно-угорской языковой общности, которая вероятно существовала несколько тысяч лет назад. Следовательно, языком общефинно-угорской газеты может быть только прафинно-угорский язык, который еще надо реконструировать лингвистам и который сами современные финно-угры не поймут. Газета все же стала

издаваться на русском языке и ее основными темами стали история и фольклор финно-угров, т.е. обращение к прошлому. Таким образом история и фольклор были восприняты как отличительные культурные маркеры финно-угров, поскольку актуальная проблематика не может восприниматься как этнически специфичная.

В 2009 г. конструирование новых культурных символов и границ, как уже отмечено выше, шло довольно активно: Сыктывкарский ЛВЗ стал производить водку «Финноугрия» (что, правда, болезненно восприняли национал-радикалы в Коми и в Мордовии), состоялся и первый международный фестиваль «финно-угорского юмора», была создана международная ассоциация финно-угорских журналистов (хотя сами журналисты на учредительной конференции в Сыктывкаре говорили, что особой «финно-угорской журналистики» быть не может)..

Все вышеназванные идеи видимо должны доказывать, что финно-угры России и по культуре, и по своим гражданским ценностям принципиально отличаются от других народов страны.

Историческое и культурное мифотворчество является важной составной частью идеологии этнонациональных движений, ибо, как пишет В. Шнирельман, «миф играет инструментальную роль – он обслуживает совершенно конкретную современную задачу, будь то территориальные претензии, требования политической автономии или стремление противодействовать культурной нивелировке и сохранить свое культурное наследие» [Шнирельман, 2000: 14].

Одним из примеров исторического мифотворчества является эксплуатация идеи легендарной «Биармии». Этим именем называются различные общественные объединения, ее пытаются использовать как исторический капитал при формировании идеологии.

Сведения о легендарной стране на севере Восточной Европы – Биармии (Vjarmaland, Viarmia) не раз привлекали внимание исследователей и, прежде всего финно-угроведов. Биармия с населяющими ее бьярмийцами не встречается ни в одном древнерусском памятнике. Известия о ней встречаются в скандинавских средневековых источниках. Это – рассказ халогаландца Отгара, записанный в конце IX в. королем Альфредом в его дополнении к переводу сочинения Орозия, содержащего подробное описание маршрута из Халогаланда до земли бьярмийцев, лежащей в устье большой реки, отождествляемой историками с целым рядом рек Кольского полуострова, с Северной Двиной или Мезенью; строфа из поэмы исландского скальда Гейри, сочиненной в 975 г. на смерть норвежского конунга Харальда Серая Шкура и повествующей о битве этого конунга на берегу реки Вины (по мнению многих исследователей, – Северной Двины) и об одержанной им победе

над племенами бьярмов; анонимная латиноязычная «История Норвегии» (около 1170 г.), помещавшая Бьярмию далее самой северной норвежской области Халогаланда; «Деяния датчан» Саксона Грамматика (1208 г.), где, на основании информации в основном полученной из устных рассказов, дается описание Бьярмии; королевские саги первой трети XIII в., в которых повествуется о плавании норвежцев на север в Бьярмаланд и об их битвах с бьярмами на берегу реки Вины; исландские географические сочинения XIII-XIV вв., помещавшие Бьярмаланд на севере, к востоку от Финнмарка, и говорящие о его даннической зависимости от Руси; саги о древних временах (более поздние, чем королевские), чаще других источников «рассказывавшие» о походах своих героев в Бьярмаланд. Страна эта, согласно сведениям из указанных источников, славилась мехами, серебром и моржовой костью. Саги, как правило, описывали естественный для норвежцев северный морской путь в Бьярмаланд.

Некоторые историки считают, что Биармия – это скандинавское название побережья Белого моря, Двинской земли, а другие полагают, что это название связано с летописной Пермью из русских источников и считают, что располагалась данная страна в бассейнах рек Вычегды и Камы. В пользу первой точки зрения свидетельствует само содержание саг. По преданиям, древние скандинавы проникали в Биармию морским путем, огибая Кольский полуостров и затем поднимаясь по Северной Двине. В Европе узнали о Биармии в начале XIV в., когда в Париже был издан труд Саксона Грамматика «Деяния Датчан». На «Морской карте», составленной шведом Оласом Магнусом в 1539 г., и последующих картах, выполненных в той же традиции, Биармия (Biarmia) также расположена к северу от Карелии по берегам Белого моря. И Грамматик, и Магнус делили Биармию на ближнюю и дальнюю. Ближняя Биармия покрыта высокими горами и вечными снегами, которые не тают даже летом. Дальнюю Биармию населяли племена, занимавшиеся охотой, рыболовством и оленеводством [Джаксон, 1988]. Население обеих Биармий поклоняется идолам. Попытки исследователей соотнести биармов (бьярмов), жителей Биармии, с каким-либо определенным народом Севера Европы (с карелами, вепсами, чудью заволочской, предками коми) успеха не имели, ибо доказательная база таких попыток крайне слаба, поскольку сами сведения о Биармии весьма расплывчаты. Наиболее приемлемой считается гипотеза Д.В.Бубриха, согласно которой древнерусский этноним Пермь (Перемь) и древнескандинавский «Veormas» сложились на основе финско-карельского «Perä maа» (дальняя земля, земля лежащая за рубежом). Таким образом, прибалтийско-финские народы называли земли, лежащие к востоку от Двинской земли, а впоследствии русские стали использовать этот термин для обозначения земель, где проживали предки коми. Скандинавский термин «Vjarmaland», скорее всего, обозначал не

какую-то локальную территорию, а обширный регион европейского северо-востока, населенный финноязычными племенами.

Для финно-угроведения XIX в. был характерен процесс мистификации исторического прошлого финно-угорских народов. Национальная интеллигенция сама «творила» общее прошлое. Примером подобной мистификации была теория золотого века финно-угорских народов, одним из наиболее ярких приверженцев которой являлся финский историк и фольклорист Д.П.Европеус. В своей работе «Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних жителей» (СПб., 1874) он утверждал, что на севере России от Ледовитого океана до реки Оки жил могущественный и очень многочисленный народ, который им отождествлялся с Великой Пермью русских летописей и Биармией скандинавских саг и англо-саксонского мореплавателя Оттера. Биармы, по мнению сторонников теории золотого века, принимали участие в походах гуннов, что привело к переселению части биармов к берегам Черного моря и в Паннонию. История мифической Биармии получила настолько широкое распространение, что попала в обобщающие издания по истории России. Типичным примером тому служит книга французского историка А.Рамбо «Живописная история древней и новой России» (М., 1894), в которой автор утверждал, что финно-угорское население Биармии было «цивилизованным народом, торговавшим с Индией и Персией», а храм главного божества Юмалы был настолько щедро украшен драгоценными камнями, что якобы их блеск был виден издали.

Мифологическая основа исторических свидетельств о Биармии и наиболее полная историография сочинений на тему биармийцев была дана финским исследователем М.Хавио в работе «Расцвет и падение власти/господства бьярмийцев» [*Haavio*, 1965]. Легенды о Биармии, не нашедшие точного научного толкования, порой используются как древний символ современных финно-угров, как основание для создания современных художественных образов, уходящих корнями в мифологическое прошлое. Но одновременно происходит и «рекультивация» исторического мифа о Биармии и легенды о ней вновь используются и для мифологизации самого прошлого финно-угорских народов. В Коми некоторые представители национальной интеллигенции, в основном гуманитарной, пытались доказать что Биармия – это первое государственное объединение древних коми, что в прошлом коми народ имел развитую культуру, вел обширную торговлю с ближними и дальними соседями, что на территории древней Биармии были процветающие города и все это было уничтожено в результате русской колонизации. В свое время один из первых коми ученых Каллистрат Жаков, который был видным этнографом, философом и писателем, написал поэтическую поэму «Биармия». В этом

литературном произведении он попытался воплотить свои представления о «золотом веке» истории коми. Таковым он считал далекое прошлое, ту эпоху, когда коми этнос представлял собой относительно единый социальный организм, не затронутый еще процессами социального расслоения. Его поэтический вымысел пытаются реконструировать в качестве исторических и политических мифов.

Специалисты также отмечают, что и в мордовской литературе вершиной мифотворчества являются работы о Биармии, которая трактуется в них как древнее государство финно-угорских народов. Так М.И. Брыжинский утверждает, что это государство существовало задолго до возникновения Киевской Руси, а биармийцы держали в своих руках торговлю между Востоком, Западом и Югом. В Пермь Великую, которую он отождествляет с Биармией, якобы стекались товары из Персии и Бактрии, Китая и Скандинавии. Профессор В.К. Абрамов считает, что именно Биармия послужила основой для последующего развития земель будущего Российского государства. Выдвигается даже идея о том, что цивилизационные начала древним финно-уграм дали выходцы с погибшего древнего материка Гиперборея, которые основали после переселения страну Пармию (т.е. Биармию). Однако еще в начале XX в. К.Тиандер в своей статье «О происхождении имени «Пермь», опубликованной в Журнале Министерства просвещения (1901), обоснованно доказал, что для отождествления Перми и Биармии нет никаких оснований, и такая гипотеза является историческим мифом [Арсеньев, 2000]. Рекультивация этого мифа связана с процессами «национального пробуждения» финно-угорских народов и активизировавшимися в связи с этим поисками старых и новых идентичностей. Логическим продолжением мифа о Биармии является идея о сформировавшемся в последние годы «Финно-угорском мире», которая символически и иерархически завершает «биармийские» мифопостроения.

Стоит заметить, что если прежде в мифотворчестве существенную роль играли этноисторические мифы, связанные с «конструированием великого прошлого» группы и обоснование ее культурных претензий, то ныне мифотворчество осваивает все новые сферы с тем, чтобы сделать культурные границы между финно-уграми и другими этническими группами более осязаемыми.

При этом стоит отметить, что и этнические мифы, и идеология этнополитических движений строятся по одной принципиальной схеме – схеме оппозиции. В генетических и культурных мифах это оппозиция «свой» - «чужой». В этнополитических конструкциях четко прослеживается другая оппозиция: этничность - гражданство, хотя и здесь присутствует культурологическая модель, которая чаще всего сводится к формуле «коренной - некоренной».

Схема этнополитического и этнокультурного мифотворчества основывается на логике этноцентризма, но маркирование социального пространства полиэтнических территориальных сообществ, согласно названным моделям, так или иначе, приводит к культурному расизму. А такое идеологическое содержание этнонациональных движений в свою очередь лишь усиливает их кризис.

Более того, стремление разделять территориальные сообщества по этническому признаку и старательно подчеркивать различия в ценностях, идеалах и культурном облике этнических общин, составляющих исторически сложившуюся социальную целостность, лишь усиливает ксенофобские и расистские настроения в обществе, следствием чего становятся «конкурсы этнических амбиций», приводящих к межэтническим столкновениям, подобным тем, что имели место в Кондопоге. Ведь конструируя образ «ДРУГОГО», на деле власти и этнические антрепренеры помогают национал-радикалам творить и актуализировать образ «ЧУЖИХ», т.е. делить сообщества не только на противостоящие друг другу общины, но и противоборствующие сообщества. Через определение «своих» и «чужих» и противопоставление их друг другу и формируется основа для конфликтов даже там, где культурные различия между этническими группами малы. Об этом применительно к опыту югославского конфликта писал немецкий антрополог Гюнтер Шлее [Шлее, 2004], об этом же свидетельствуют и материалы, приводимые отечественными исследователями [Амелин, 2005; Хоперская, 2006]. Более того, «формы того, как группы хранят и воспроизводят память о своем прошлом, имеют решающее значение для мобилизации конфликта, а значит и для примирения и работы с культурными традициями» [Майалл, 2007: 85]. Разделение социального пространства российских регионов на «этнические сектора», артикуляция и конструирование культурных границ одними членами территориального сообщества вызывает соответствующую ответную реакцию других членов сообщества, которая не менее опасна. Во многих «финно-угорских регионах» можно встретить на улицах самодельные объявления типа «хорошая *русская* семья снимает квартиру», которых еще пятнадцать лет назад невозможно было увидеть, начинают проводиться конкурсы красоты «Славянская красавица», в городах нередко можно видеть лозунги местных скинхедов антисемитского и антикавказского содержания, а идея «Россия для русских» противопоставляется идея «Пермь для коми. Русские — вон из Пармы (тайги — авт.)» [Пермь, 2008] и сходные с ней.

Для того, чтобы оценить соответствие понятия «Финно-угорский мир» тому, какое содержание в него вкладывается, надо ориентироваться не на заявленные политические лозунги, а во-первых, определить смысл категорий «мир», «культура»,

«сообщество/общность», во-вторых, рассмотреть политическую практику общественно-политических структур, ассоциируемых с «Финно-угорским миром».

Фасмер указывает, что этимологически слово «мир» равно понятиям «народ» и «сельская община» [Фасмер, 1996: 626], т.е. «мир» есть социальное сообщество, а к таковым относятся группы, объединенные некими общими социальными характеристиками. Под термином «культура» в социологии «понимаются все достижения и нравы народа, включая язык, обычаи, особенности одежды, созданные людьми символы и объекты материальной культуры» [Лоусон, 2000: 194].

Что касается понятия «общность» (community), то при всей спорности данного понятия, под ним понимается «совокупность социальных связей, действующих внутри конкретных границ, местоположений или территорий. Термин имеет описательные и предписывающие оттенки, как в популярном, так и академическом смысле. Он может относиться к социальным связям в географически определенных областях или окрестностях либо существующим не на локальном, а на более абстрактном, идеологическом уровне... Все общности – как реальные, так и символические – существуют внутри границ или территорий, состоят из неких людей и социальных групп, исключая других» [Джерри, 1999: 511-512].

Очевидно, что как «сообщество» «финно-угорский мир» должен осознаваться людьми, которые к нему относятся, т.е. люди должны идентифицировать себя с этим сообществом. Но как нет общефинноугорской культуры, так нет и общефинноугорской идентичности. Более того, опрос студентов, т.е. самой «продвинутой» социальной группы в Республике Коми, показали, что такое «финно-угорский мир» практически никто не знает, а идентифицировать себя с неведомым сообществом никто не может. Конструкция «Финно-угорского мира» известна и понятна ограниченному кругу интеллектуалов, но для того, чтобы эта конструкция была воспринята и признана достаточно широкими слоями населения необходимо время и активные усилия этнических элит, точнее гуманитарной интеллигенции. Пока не только не удалось внедрить идею «финно-угорского мира» в массовое сознание, но даже донести эту идею до населения не получается. И совсем не случайно прежний руководитель МАФУН мариец Василий Петров заявил, что «нет предмета, который бы объединил, например, эстонскую и российскую молодежь» [Артеев, 2007]. Таким образом «финно-угорский мир» не только по объективным критериям не может рассматриваться как некое сообщество (пусть символическое), но он не очень успешен и как миф.

Непонятно к чему можно «приложить» маркер «Финно-угорский мир», кроме некой виртуальной реальности. Более того, на наш взгляд, время паннационалистических

конструкций ушло. Идеи паславизма, пангерманизма родились и умерли еще до начала современной эпохи глобализации. Панарабизм также доказал свою несостоятельность, а попытки «реанимировать» пантюркизм показывают, что подобные идеи не находят широкой поддержки, ибо не отражают реалий современного мира. Глобализация есть не только формирование глобальных рынков, но и формирование «глобальной культуры» [Многоликая, 2004], которая ломает старые культурные границы и такие конструкции как «Финно-угорский мир» становятся просто нежизнеспособными. Наиболее очевидно культурная глобализация проявляется в позициях современной молодежи и очень показательны в этом смысле ориентации эстонской, финской, венгерской молодежи, смещенные в сторону англо-саксонских и вестернизированных культурных образцов.

Кроме того, создается впечатление, что «Финно-угорский мир» - это политический проект, который предназначен лишь для российского «потребления». В современной Европе, а точнее в рамках ЕЭС панационализм имеет другую форму – форму общеевропейского культурного пространства в рамках ЕЭС и общей европейской идентичности. *И главная геополитическая цель для политических элит Эстонии, Венгрии и Финляндии сегодня - это не формирование общепанноугорской идентичности, а поиски приемлемых моделей сочетания национальной идентичности и общеевропейской идентичности.* Россия находится за рамками ЕЭС и поэтому ее культурное пространство не вписывается в общее культурное пространство Европы, хотя некоторые активисты финно-угорского движения в частных разговорах и своих выступлениях на конференциях и говорят о некой возможности подключения к европейскому пространству финно-угорских народов России, но отдельно от остальной страны, для чего, видимо, и нужно культурно вычленять эти народы из общего российского политического и культурного пространства.

Есть и более основательные доводы в пользу того, что «финно-угорский мир» - это политический проект, предназначенный либо для использования только на внутрироссийской арене, либо как инструмент, с помощью которого можно осуществлять иные политические проекты. Эти доводы касаются самого восприятия «восточных финнов» за пределами России.

Сегодня западные «родственники» не рассматривают культурные контакты с коми, марийцами, удмуртами и другими «восточнофинскими народами» ровно таким же образом, как это делают чиновники и этнические антрепренеры в российских регионах. Идея «Финно-угорского мира» в Венгрии, Финляндии или Эстонии не популярна и предназначена только для внутрироссийского употребления, поскольку, к примеру, в Финляндии постоянно подчеркивается, что российские финно-угры – это *kielisukulaiset*,

т.е. *только* родственники по языку и не более. Во время проведения в Сыктывкаре в октябре 2009 г. X Российско-Финляндского культурного форума венгерский ученый Петер Домокош в интервью местной прессе вынужден был признаться: «И хотя в дальнейшем общие корни между венграми и другими уральскими народами оказались научно доказанными, тем не менее, многие венгры продолжают это игнорировать. Полагая, что куда приятнее вести свой род от аристократии древних эллинов или римлян, чем иметь общие корни с аборигенами северной тундры и тайги. Сейчас, с приходом к власти в Венгрии новых консервативных сил, эти настроения заметно усилились. Доводы ученых в пользу общих уральских корней воспринимаются обществом все труднее. Эта борьба исследователям может стоить жизни»[Сивкова, 2009].

Не случайно в последнее время западные партнеры старательно подчеркивают исключительно языковую культурную близость с российскими финно-уграми и на последнем четвертом съезде АФУН гость из Финляндии начал свою речь со слов: «Дорогие родственники по языку!» [Дурдаева, 2009] Для внутреннего пользования предназначена другая идея – культурного единства с Западом (мы на 75% европейцы и только на 25% культурно близки с некоторыми восточными родственниками). Если прежде финно-угорские коллекции в исторических музеях Финляндии были в центре внимания, являлись жемчужинами экспозиции, то теперь они на периферии – в музеях культур вместе с коллекциями из Африки, Океании. О восточных родственниках приходилось все же говорить, ибо весь «финский фольклор» записан в Карелии, а карелианизм, как уже сказано, был основой финского романтизма, в значительной мере сформировавшего финское национальное самосознание. Но в России финно-угорское единство все еще абсолютизируется и финно-угорские народы как бы вычленяются из единого культурного пространства страны.

В таком контексте идея становится потенциально опасной, ибо очевидно противопоставляет одни этнические группы другим. Во всяком случае, нельзя говорить о сугубо созидательной роли концепта «Финно-угорского мира».

Важно, однако, выяснить, в чем состоит причина усиливающегося внимания этнонациональных лидеров к идеологической конструкции «Финно-угорского мира». Причина проста. Она связана с очевидным кризисом этнонациональных движений, который признается и многими их активистами [Шаббаев, 2004: 40-45]. Кризис этот был неизбежен и спровоцирован самими лидерами. Он связан с двумя принципиальными ошибками в политической деятельности и идеологии движений.

Первая из них состояла в том, что и идеология, и политическая практика этнонациональных движений вольно или невольно противопоставляла интересы

титульного населения республик и округов интересам доминантного большинства. Это было ошибочно не только по причине отторжения такой политической линии иноэтничным большинством населения, но и потому, что весьма значительные маргинальные группы также не воспринимали идею особых или специфических прав титульного населения. Это было ошибочно исходя из фундаментальных интересов самих финно-угорских народов и исходя из интересов развития гражданского общества.

Второй неверный ход этнических лидеров заключался в том, что выработка решений и политической линии были монополизированы ограниченными группами активистов, которые не стремились к демократизации норм «партийной» жизни и к вовлечению в орбиту этнонациональных движений широких слоев населения, хотя сами они, как правило, выступали от имени собственных народов. В результате эти движения не получили поддержки и среди собственных народов. Апелляция же к «Финно-угорскому миру», стремление представить его как некую социальную реальность была единственной возможностью повысить значимость этих движений и представить их как эффективных политических акторов. Помощь со стороны западных партнеров в этой ситуации не только не способствовала оздоровлению движений, но наоборот консервировала их кризисное состояние.

Кризис же самих движений породил и кризис финно-угорских идентичностей в России. Недолгий период роста общественного интереса к этнической культуре, усилившегося стремления молодежи к идентификации себя как представителей тех этнических общностей, к которым принадлежали их предки, вновь сменился стремлением к интеграции в доминантное большинство. Свидетельством тому стали и результаты переписи населения 2002 г., показавшие значительное снижение численности практически всех финно-угорских народов [Основные, 2003:13-15]. Несомненно, что формирующая идеологию этнонациональных движений этническая элита должна отстаивать экономические, политические и культурные интересы своих народов, должна стремиться к тому, чтобы для их развития были созданы оптимальные условия. В этом отношении, конечно, существенно значимо то, как строятся федеративные отношения в государстве, какой объем полномочий есть у субъектов федерации, а какой у федерального центра. По поводу федерализма в российских политических кругах достаточно долгое время продолжают острейшие дискуссии. Но, что характерно, в идеологии этнонациональных движений, о которых мы говорим, нет сколько-нибудь основательно разработанных идей реформирования российского федерализма и не определены даже политические интересы в этой сфере.

В каждой из республик или автономий, где проживают финно-угорские народы, исторически сложились полиэтничные территориальные общности. Для сохранения социальной стабильности внутри этих сообществ необходимо, чтобы уровень их консолидации был довольно значителен, необходимо формирование традиций местной солидарности и взаимного доверия, ибо «именно доверие позволяет гражданскому сообществу преодолевать то, что экономисты называют «оппортунизмом» - то есть те ситуации, в которых общий интерес не осознается, так как каждый индивид, действуя изолированно, имеет соблазн уклониться от коллективного действия» [Патнэм, 1996: 113]. При этом консолидация может происходить, как показывают многочисленные исследования, не на этнической, а на гражданской основе. В то же время в идейных конструкциях этнонациональных движений идея территориальной гражданской солидарности отсутствует. Между тем, исследователи этнического измерения политической культуры современной России верно отмечают, что «общенациональное единство и общая национальная идентичность – это изначальная и обязательная предпосылка успешного демократического транзита...» [Ачкасов, 2000: 5]. Строиться общенациональное единство и общая идентичность должны снизу, через формирование прочных территориальных сообществ, осознающих себя частью единого государственного организма. Такое единство очень важно для самих этнонациональных организаций, для удовлетворения политических и экономических интересов этнических меньшинств, ибо оно не позволит им оставаться один на один с властью, обеспечивает политическими союзниками в кризисных ситуациях. Думается, острую необходимость такой солидарности почувствовали лидеры марийского движения, которые после переизбрания в декабре 2004 г. Президента Марий Эл Маркелова на новый срок решили провести чрезвычайный съезд марийского народа и были вынуждены проводить его на улице в окружении милиции. Имевшие место попытки давления на избирателя, многочисленные нарушения в ходе избирательной кампании, невозможность вести открытый диалог с соперниками были дополнены бестактными заявлениями и действиями в отношении представителей титульного этноса со стороны действующего президента и его окружения. Этому требовалось дать политическую оценку, для чего и был организован съезд. Но протесты этнонационального движения оказались изолированной акцией, ибо не получили поддержки со стороны других политических и общественных сил республики и таким образом не очень обеспокоили власть. Более того, даже нападение на лидера марийского движения В.Козлова и его избивание не привели к серьезным акциям политической солидарности с этим движением ни в самой республике,

ни за ее пределами, хотя в эстонской и финской прессе была инициирована кампания в защиту марийского народа от притеснений со стороны российских властей.

Таким образом, политическая изоляция этнонациональных организаций заставляет их искать союзников за пределами России и невольно превращает их в некую оппозиционную силу. Очевидно, что отказываться от контактов и диалога с этнонациональными движениями нельзя, несмотря на то, что их политический вес сегодня крайне незначителен. В политическом плане эти организации необходимы властям хотя бы исходя из понимания социальных функций конфликта и роли институтов конфликто разрешения [Коузер, 1999; Милецкий, 2002], к которым с определенной долей условности можно отнести и данные общественные структуры. Любой конфликт легче урегулировать и им можно успешно управлять, если обе конфликтующие стороны представлены некими организациями. Поэтому вытеснять этнонациональные организации из сферы этнополитики, как это вольно или невольно пытались одно время делать в Марий Эл, просто неразумно с позиций политического менеджмента.

Существенно значимым в политическом плане является то обстоятельство, что наличие этнических меньшинств, а особенно наличие «корпоративных этнических меньшинств», т.е. таких, которые представляют целые языковые семьи, культурные ареалы или культурно-хозяйственные типы, по идее, должно осознаваться и властями, и этнонациональными лидерами одинаково, а именно: как социальная реальность, которая должна способствовать укреплению государственных устоев. Меньшинства нуждаются в защите своих интересов со стороны государства и, следовательно, объективно заинтересованы в сильном государстве, действенных государственных институтах, к которым они могут апеллировать и под защитой которых могут успешно развиваться. Но помимо этого, наличие на территории данного государства схожих по языку и культуре народов создает условия для развития многочисленных связей и контактов между этими народами, которые дополняют экономические, политические и территориальные связи неизбежно присутствующие в любом государственном организме. Таким образом, такие меньшинства, каковыми являются финно-угорские народы России, объективно способствуют укреплению вертикальных и горизонтальных связей внутри государства. Но поскольку «государственнический» аспект в идеологии этнонациональных движений российских финно-угров никак не нашел своего отражения, постольку со стороны некоторых российских политиков и политологов возникли подозрения, что усиленно декларируемая в последние годы идея «Финно-угорского мира» несет в себе *реальную* опасность усиления сепаратистских тенденций на европейском севере России и в Поволжье.

В качестве подтверждения этого тезиса сошлемся на две публикации. Одна была помещена в газете «Век» и имела громкое название «Великая Суоми стремиться к Енисею». В статье, в частности, говорилось: «Мусульманский юг России не единственное слабое звено федеративной системы страны. Окончательно ослабевший центр побуждает автономии других регионов Российской Федерации к самоопределению и поиску политических ориентиров за ее пределами... Наиболее характерны в этом смысле автономные образования народов финской группы в восточной части европейской зоны России: Мордовия, Марий Эл, Удмуртия и Республика Коми. Выбор их симпатий объективно пал на страны, находящиеся в числе геополитических недоброжелателей России. Это Венгрия (член НАТО), Эстония (кандидат в члены НАТО) и становящаяся все более претенциозной Финляндия, где отчетливо звучат призывы к созданию «Великой страны Суоми от Ботнического залива до Енисея» [Аверин, 1999].

Другая публикация принадлежала перу бывшего председателя Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ В.И.Никитину. В ней он оценивал состояние межэтнических отношений в стране в целом и в отдельных ее регионах. По поводу Северо-Западного региона он пишет: «Наблюдается активизация националистических, сепаратистских элементов среди финно-угорских этносов, населяющих территорию, что учитывая приграничное положение и важное геополитическое значение данного региона, а также соседство благополучной в социально-экономическом плане «исторической родины» (Финляндия), приобретает особо опасные тенденции» [Никитин, 2001: 6]. Урало-Поволжский регион, где также проживают финно-угорские народы, данный автор назвал «зоной национального и регионального сепаратизма». Очень показательны, что вариации на тему политического культуртрегерства, панфеннизма и «финно-угорского заговора» прочно укоренились в сознании как российских, так и западных интеллектуалов и политиков. Названные публикации и высказывания были не единственными, и примеры подобных высказываний являются лишним свидетельством живучести политических мифов.

Реальная опасность, по мнению некоторых исследователей, состоит, прежде всего, в том, что «гипертрофированная этничность меньшинств может политизироваться и мобилизовываться в собственных интересах политиками и идеологами. Тем самым у этничности возникает политическая функция, этнос выходит в политическую плоскость и становится субъектом политики, что, в общем-то не вытекает из самой природы этнического, развертывающегося в сфере культуры...» [Рыбаков, 2001: 7].

Такое восприятие деятельности этнонациональных движений российских финно-угров не случайно и вытекает из того, что в последние годы в стране так и «не появилось новых,

консолидирующих ее народы символов, идей, принципов общероссийского масштаба. Пока пространство нашей огромной страны «разорвано» в массовом сознании россиян. И эта «разорванность» едва ли не самое важное обстоятельство нашей колоссальной, приобретшей черты общенационального бедствия «неконсолидованности» [Рязанцев, 2001: 63]. Общенациональные же идеи и символы могут возникнуть лишь на пути широких межрегиональных связей и в немалой степени именно культурных.

Нам представляется также, что оценивать культурное сотрудничество между «финно-угорскими регионами», странами и народами надо в контексте современных воззрений на природу национализма. Мы согласны с тем, что в каждом национализме в разной степени и в разной форме содержатся как гражданские, так и этнические элементы [Смит, 2003], а сам национализм в «финно-угорских регионах России» по Дж. Брейли более всего подходит по типу к реформаторскому [Breuily, 1981: 11].

Но его реформаторство весьма ограничено тем, что подразумевает лишь перемены на уровне положения отдельных этнических сегментов территориальных сообществ, а не концепции развития таких сообществ в целом. Но самое главное, что финно-угорские идеологи не предлагают реальных и взаимоприемлемых для всех заинтересованных сторон путей реформирования федеративных отношений, принципов укрепления гражданской солидарности в мультикультурных сообществах и т.д.

Очевидно, что «Финно-угорский мир» не есть некое реальное сообщество, каковым его пытаются представить этнические антрепренеры и некоторые ассоциированные с ними исследователи, этот конструкт есть типичный образец политического мифа. Данный миф может играть созидательную роль, и некоторые интеллектуалы возлагают именно такую надежду на него. Но пока он воспринимается в большей мере как политический инструмент и в этом отношении между всеми задействованными в процесс его конструирования сторонами достигнут негласный консенсус. Основные и наиболее знаковые события, демонстрирующие «реальность» мира организуются при политической поддержке местных и национальных властей и нередко обретают характер межгосударственных акций. На повседневной жизни людей сотрудничество в рамках «Финно-угорского мира» никак не отражается, а потому конструкт не может быть принят и усвоен массовым сознанием.

Между тем довольно много политиков и интеллектуалов вовлечено в процесс конструирования «Мира» и заинтересовано в наличии данного конструкта, а потому конструкт будет поддерживаться и воспроизводится заинтересованными акторами. Однако процессы глобализации и общеевропейской интеграции делают концепцию

«Финно-угорского мира» ограниченно востребованной и потому она все более ориентируется на российских «потребителей».

Глава 6. Роль этнонациональных движений на современном этапе.

Хорошо известно, что культуры как ценностные системы (и, прежде всего, этнические культуры) и символические программы деятельности формируются относительно самостоятельно в локальных сообществах. Социальное значение местных сообществ также весьма велико, ибо, как отмечал один из отцов-основателей американской социологии (уроженец Коми земли, у которого отец был русским, а мать - коми) Питирим Сорокин, «группировка по месту жительства в течение всей истории была одной из главных. Она лежит в основании государственной группировки, в делении государственной территории на округа: губернии, уезды, волости, деревни и т. д. Местная группировка лежит в основе деления населения на избирательные округа, в явлениях подсудности, обладания или лишения прав самоуправления (места, лишённые земств, etc) и т. д. . . .

Словом, в ряду многих солидарностей существует особая солидарность по месту жительства, дающая основания для особой группировки, не совпадающей с основными и являющейся одной из самых важных социальных координат, определяющей поведение и переживания совместно живущих индивидов» [Сорокин, 1992: 120-121]. Местная солидарность, совмещенная с историческими и культурными особенностями создает идеальную основу для политического структурирования и политической мобилизации. «Современный «этнонационализм» - это явление, характерное главным образом для малых этнических групп или наций, которые не обладают значительным весом на международной арене» [Хрох, 2002: 142], - пишет Мирослав Хрох по поводу так называемого «нового национализма» в странах Центральной и Восточной Европы.

Поэтому в «финно-угорском мире» начинают усиливаться процессы фрагментации этнических сообществ и «регионализации» их политических интересов.

Названные процессы впервые дали о себе знать еще в начале 1990-х годов, но тогда их воспринимали как некое отклонение от нормы, «политическое недоразумение». Начало процессу фрагментации этнонациональных движений и процессу возрождения и

конструирования этнических идентичностей положили требования активистов бесермянского движения, объединившихся в «Общество бесермянского народа» предоставить особый статус бесермянам, которых после 1926 г. учитывали в переписях только в составе удмуртов и которых называли исключительно удмуртами. В 1992 г. был принят указ Президиума Верховного Совета Удмуртии «О восстановлении исторического имени бесермянского народа», согласно которому бесермянам, проживающим на территории Удмуртии, был предоставлен статус особой народности. Данное решение соответствовало тем настроениям, которые были зафиксированы удмуртскими исследователями в среде лиц бесермянского происхождения в ходе соответствующих исследований [Шкляев, 1997: 110-120]. Перепись населения 2002 г. зафиксировала не только возрождение этнонима «бесермяне», но и подтвердила, что данное этническое сообщество существует как статистическая реальность, ибо к бесермянам причислили себя 3 тысячи человек.

Но наибольшее значение в названных процессах имел, пожалуй, раскол в мордовском этнонациональном движении, которое фактически распалось на эрзянское и мокшанское. Национал-радикалы вообще стали заявлять, что мордвы как единого этнического сообщества не существует и необходимо создание эрзяно-мокшанской республики с выделением в ней самостоятельных эрзянского и мокшанского округов. Особую активность в этом отношении проявляют эрзянские радикалы, последовательно отстаивающие точку зрения, что «мордва – это миф», хотя в исторических хрониках упоминания о мордве появились чуть ли не ранее упоминаний о всех других финно-угорских народах. По мнению радикалов, эрзя и мокша – это «бездомные» и «безымянные» народы, а «мордвинизация» ведет к их гибели [Мокшин, 2000: 14]. Тем не менее, заметно, что общезтническое самосознание, действительно, становится менее актуализированным, а значение субэтнических этнонимов и локального самосознания наоборот актуализируется. Уже во время проведения микропереписи населения 1994 г. в

Мордовии большинство мордвы стало определять свою этническую принадлежность посредством субэтнических этнонимов. Специалисты отметили, что тогда неверна была сама методика определения этнической принадлежности. И это очевидно так, поскольку субэтническое самосознание не отвергает наличия и общенационального самосознания. Перепись населения 2002 г. доказала обоснованность критических замечаний по поводу качества сбора информации во время проведения микропереписи, ибо подавляющее большинство мордвы использовали для определения своей этнической принадлежности этноним «мордвин», но все же 84 тысячи назвали себя эрзей, а 50 тысяч мокшей [Основные, 2003: 14], при этом в самой республике только 55,5% от общего числа лиц, избравших мордовскую идентичность, указали этноним «мордвин». И, несмотря на то, что «раскольников» в этнонациональном движении мордвы регулярно осуждают [Бокин, 2000: 74-77], они продолжают настаивать на том, что «мордвин – это страшное слово» [Мусалев, 2004]. Очевидно, что общемордовские идеалы и ценности не являются привлекательными и важными для значительной части мордвы, а отсюда вытекает и стремление к локализации целей этнонационального движения на субэтническом уровне. Не случайно в последнее время в Мордовии всерьез стала обсуждаться проблема создания единого литературного мордовского языка и эта проблема, как и проблема мордовского единства стала наиболее дискутируемой на прошедшем в сентябре 2009 г. V Всероссийском съезде мордовского народа [Бранчикова, 2009].

Вслед за мордовским движением процессы дифференциации начались и в марийском движении. И здесь тоже субэтнический фактор оказался весьма значимым в политическом размежевании движения. Это проявилось, прежде всего, в определении отношения к официальным властям республики Марий Эл: горные марийцы в лице своей этнонациональной организации «Туан вел» оказались настроены в отношении них лояльно, а остальная часть движения по существу ушла в оппозицию [Шаров, 2002: 27]. Перепись населения 2002 года показала, что и для многих марийцев их субэтническая

принадлежность является более значимой, нежели общемарийская идентичность: 56 тысяч назвали себя луговыми марийцами, а 19 тысяч – горными [*Основные*, 2003:14].

Коми этнонациональное движение, которое можно считать самым успешным и влиятельным среди движений финно-угорских народов, не только долгое время оставалось идеологически и организационно единым, но и вовлекло в сферу своего политического влияния коми-пермяков. Между тем, локальные этнонациональные объединения, которые формировались на базе прежних этнографических групп коми этноса в Республике Коми тоже были созданы, но все они действовали как политические подразделения общекоми движения. Ослабление коми движения привело к тому, что активисты на местах стали искать новые формы деятельности и новые основания для своих идейных конструкций. Еще на 4 съезде ассоциации «Изьватас» («Ижемцы»), которая объединяет северных коми, стали определяться контуры новой политической линии этой организации. Один из лидеров организации Алексей Канев так сформулировал ключевую проблему коми-ижемцев и пути ее возможного решения: «Во время глубочайшего кризиса ижемского этноса, вымирания и деградации населения главным делом совета «Изьватас» должен стать поиск путей спасения и возрождения своего этноса. А отнюдь не фестивали, концерты, да разные увеселительные мероприятия, кажущиеся плясками на собственных похоронах...

У нас разработана концепция – план выхода из кризиса, спасения и возрождения этноса.

Ведущими пунктами в этом сложном процессе являются:

- пробуждение национального самосознания,
- создание гражданского общества...

Капитал для спасения и возрождения народа лежит под их ногами – это нефть» [*Канев*, 2000]. Однако далеко не сразу политическая активность организации приобрела необходимый динамизм, который гарантировал успех на политическом поприще.

Но в 2002 году ситуация начала меняться. Поводом к переменам послужила всеобщая перепись населения. 11 августа 2002 отделение ассоциации «Изьватас» в селе Ловозеро Мурманской области приняло обращение к своим сородичам в РК с призывом обозначить свою этническую принадлежность в ходе переписи не как «коми», а как «коми-ижемец».

По мнению ловозерцев, это было необходимо для того, чтобы поставить перед федеральными властями вопрос о включении коми-ижемцев в список коренных малочисленных народов Российской Федерации (как это сделано, к примеру, в отношении вепсов и особой этнографической группы удмуртов - бесермян). Накануне досрочной переписи населения, которая проводилась в Коми на месяц ранее основной (в том числе во многих селениях, где живут коми-ижемцы), обращение ловозерских активистов синхронно опубликовали обе газеты, которые издаются в Ижемском районе РК: оппозиционная «Веськыд серни» и официозная «Новый север». 9 сентября собравшийся в Ижме Совет Коми республиканского общественного движения «Изьватас» фактически единодушно объявил о своей поддержке обращения ловозерских коми-ижемцев. Уже после официального завершения переписи Совет Ижемского района принял решение обратиться в правительство РФ с просьбой о подсчете количества коми-ижемцев, зарегистрированных в ходе переписи и рассмотрении вопроса о включении их в официальный перечень коренных малочисленных народов, который, как известно, был утвержден правительством в 2000 году. Результаты переписи показали, что более половины коми, проживающих в Ижемском районе (а доля коми там приближается к 90%) в графе «национальность» переписных листов сознательно указывали этнический определитель «коми-ижемец». Итоговые результаты переписи 2002 г. стали очень серьезным основанием для обоснования претензий ижемцев на особый статус, ибо перепись зафиксировала 16 тысяч человек, которые использовали этноним «ижемец» для обозначения своей этнической принадлежности. Здесь следует подчеркнуть, что переписи служат не только для простой фиксации численности этнических и социальных групп, но

они имеют и значение инструмента, с помощью которого происходит, по выражению Бенедикта Андерсона, «переопределение» категорий идентичности [Андерсон, 2001: 180-188].

Не менее интересные наблюдения по поводу переписей высказаны В.А.Тишковым при анализе опыта проведения последних американских переписей. Так, он полагает, что именно перепись 2000 г. позволила сделать единой группой испаноамериканцев единой группой («Hispanic»), ибо в реальности испаноязычные американцы существенно отличаются друг от друга и только перепись способствовала преодолению неконсолидированности сообщества и осознанию им своего культурного единства [Тишков, 2003: 14]. И в случае с ижемцами перепись стала стимулятором процесса осознания ими себя как особого этнического сообщества.

В июне 2003 г. пятый съезд ассоциации «Изьватас» подтвердил свое стремление добиваться включения коми-ижемцев в перечень коренных малочисленных народов России, утвержденный правительством РФ в 2000 году [Шаббаев, 2003: 23-26]. Стремление это лидеры ижемцев объясняют желанием получить те же льготы, что, согласно федеральному законодательству, имеют другие «коренные малочисленные народы»: возможность альтернативной военной службы, закрепление прав на родовые угодья, государственная поддержка. Тем самым ижемское движение дистанцировалось от общекоми движения, а местные интересы ижемцев стали определяющими в его политической деятельности. Любопытно отметить, что оленеводческие хозяйства ижемцев также начали «бегство» из Коми. В конце 2003 г. хозяйство «Ижемский оленевод» со стадом в 20 тыс. голов сменило место регистрации и зарегистрировалось в столице соседнего Ненецкого округа Нарьян-Маре. Объясняется это простым экономическим интересом – дотации на килограмм мяса оленей в округе в пять раз выше, чем в республике (а стада оленей ижемцы издавна пасут в Большеземельской тундре).

Общекومی движение «Коми войтыр» и власти республики в лице Министерства культуры и по делам национальностей не восприняли новых политических идей коми-ижемцев и отказали им в поддержке. Министр культуры и по делам национальностей Мария Кузьбожева в интервью газете «Зырянская жизнь» в этой связи заявила следующее: «Коми-ижемцы утверждают, что они не коми. Тем самым они отделяются, обособляются от других коми, которые, имея какие-то этнические, языковые особенности, все-таки являются частями одного немногочисленного, но коренного народа Севера – коми, коми-зырян. Намерение получить особый статус для того, чтобы попасть под государственный протекционизм, унижительно для коми народа. И юридически ижемцы тоже не могут претендовать на этот статус. Упомянутый государственный протекционизм осуществляется в отношении народов, коренных малочисленных народов. А не каких-то иных малых этнических групп. По моей оценке, нет юридических оснований считать, что коми-ижемцы особенный народ» [Мезак, 2004]. Действительно, наши исследования, которые проводились в конце 1980-х годов, показали, что локальное этническое самосознание, в том числе и у ижемцев, стало неактуальным и уступило место общеэтническому самосознанию [Котов, 1996]. Но формирование коми этнонационального движения, создание его локальных подразделений, общая политизация этничности привели, по сути, и к возрождению субэтнического самосознания, а общий кризис коми движения актуализировал значение субэтнического фактора в политической жизни и отстаивании интересов локальных сообществ. Культурная основа для этих процессов была довольно основательной: ижемцы сохранили свои диалектные особенности и еще относительно недавно учителя коми языка в школах ставили детям ижемцев двойки за использование диалектизмов, а само население убедили в том, что оно говорит на «неправильном» коми языке. В хозяйственном комплексе ижемцев, как и прежде, заметное место занимает оленеводство (чего нет у других групп

коми), их отличают от других групп коми многие фольклорно-этнографические особенности.

Что же касается вышеупомянутого заявления министра Кузьбожевой, то оно продиктовано не глубоким профессиональным подходом к проблеме, а эмоциональным ее восприятием бывшим активистом коми движения, человеком привыкшим к логике администрирования и не признающим права свободного самоопределения за личностью и группой.

При этом ижемцы отнюдь не одиноки в своем стремлении прагматично использовать особый этнический статус. Схожих ситуаций в России достаточно, равно как и достаточно попыток возрождения этничности (о чем будет сказано ниже). Российский опыт здесь отнюдь не является уникальным и во многом похожие процессы имели место на Аляске после 1971 года. В 1971 г. Конгресс США принял Акт по разрешению земельных требований коренных жителей Аляски (ANCSA) и многие из тех, кто прежде не хотел признавать себя коренным аляскинцем, пожелали стать таковыми, поскольку этот статус давал возможность получать значительные дополнительные доходы через региональные ассоциации коренных народов, созданных для удовлетворения земельных требований. Такая ситуация вызвала трения и споры между различными «старыми» и «новыми» аляскинцами [Пуллар, 2003: 75-90, Соколовский, 2007].

Процессы этнической дифференциации имеют свою очевидную логику и определяются как экономическими, так и политическими интересами локальных сообществ, а потому ни административное давление, ни мнения политических арбитров или экспертов не могут оказать на них заметного воздействия, хотя в России не только деятели этнонациональных движений, но и некоторые ученые склонны оказывать воздействие на этнополитические ориентации населения.

Более того, на последнем Всемирном финно-угорском конгрессе в Таллине западные коллеги тоже стали настаивать на том, что этнические сообщества не должны дробиться,

что подчеркивал в своих комментариях после форума председатель Консультативного комитета финно-угорских народов Валерий Марков. Однако, политическая организация этнических сообществ происходит чаще всего не по сценарию сторонних культуртрегеров, а по сценарию самих лидеров этнонациональных организаций (хотя положения идеологии могут заимствоваться на стороне). И процесс политического дистанцирования ижемского движения от общекоми продолжился. В конце 2004 г. на совещании координационного совета в Красноярске ассоциация «Изьватас» была включена в состав Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, что свидетельствовало о неизменности политического курса, избранного данной организацией.

Представители другой этнографической группы – коми-язьвинцев, на IV Всемирном конгрессе, состоявшемся в августе 2004 г. в Таллине, презентовали себя как коренной малочисленный народ, а еще ранее власти Пермской области обратились с официальным ходатайством в правительство РФ с просьбой включить язьвинцев в список коренных малочисленных народов Российской Федерации. Между тем, прежде язьвинцев называли этнографической группой коми-пермяков [*Белицер*, 1958], хотя известный коми языковед В.И.Лыткин и считал язьвинский диалект переходным между коми-зырянским и коми-пермяцким языками [*Лыткин*, 1961]. Конечно, прежде язьвинцы могли претендовать на культурную специфичность, ибо они составляли своеобразный анклав на севере Пермской области, который отличался от остального населения и языком, и конфессиональными особенностями (язьвинцы – старoverы), но ныне языком практически никто не владеет, конфессиональные особенности в основном утрачены, а локальное самосознание также не удалось сохранить, ибо по результатам переписи населения 2002 г. только два-три десятка человек назвали себя «язьвинцами». Поскольку фактически не существует этнонима в массовом сознании, а само локальное самосознание четко не выражено, постольку трудно утверждать, что группа существует реально. Тем не менее, у этой идеи

есть сторонники, в том числе и в научной среде. В частности, известный пермский этнограф Г. Чагин склонен называть язьвинцев самостоятельным народом [Чагин, 2002: 12-29].

Нельзя сказать, что названные явления проявляет себя только в среде российских финно-угров. Нечто подобное имеет место и в Эстонии. В советские годы своеобразная этнографическая группа эстонцев сету, которая отличалась от остальных эстонцев по конфессиональному признаку (сету – православные) и языковым особенностям, активно растворялась в основном этническом массиве эстонцев и наиболее очевидной перспективой для группы была полная ассимиляция. Этому способствовало и то, что сету не существовали в публичном дискурсе, отсутствовал официальный этноним, не было образования на языке сету и т.д. Более того, быть сету в Эстонии считалось непрестижным. Слово «сету» воспринималось в эстонском массовом сознании как синоним понятий «провинциальный», «отсталый» и т.п. [Никифорова, 1999: 46], а в научных публикациях обсуждалась в основном проблема этнической консолидации сету с доминантным большинством эстонского населения [Рихтер, 1979]. Такое отношение к группе во многом сохраняется и ныне и, к примеру, в эстонской переписи 2000 г. этноним «сету» не был предусмотрен, хотя со стороны самих сету было высказано пожелание, чтобы в переписных документах их учитывали отдельно. Тем не менее, ныне приходится оперировать данными довоенной переписи, которые не вполне адекватно отражают современную ситуацию.

На рубеже 1980-1990-х гг. среди прочих этнонациональных движений возникло и движение сету. Стали регулярно проводиться Конгрессы сету, появились свои печатные издания, музеи, стали проводиться фольклорные фестивали и т.д. Следствием этого стала не только актуализация этнического самосознания сету, но и их политическое позиционирование внутри эстонского общества. Очередной конгресс сету, состоявшийся в 2002 году обратился к правительствам России и Эстонии с просьбой ввести для сету

исключительное право двойного гражданства (российско-эстонского), поскольку группа исторически проживает по обе стороны границы и не желает, чтобы политическая граница стала препятствием в процессе «этнической реабилитации» сету. Стал подниматься и вопрос о том, что в перспективе сету должны получить полноценную автономию в рамках Эстонской республики. С целью защиты своих интересов лидеры движения обратились осенью 2004 г. с представителями офиса ЮНЕСКО в Эстонии, поскольку, по их мнению, у эстонских политиков нет понимания проблем сету. Во время этой встречи активисты движения доказывали, что «сету – особый народ» [*Архив Информационного*], т.е. идеологи движения сету стали конструировать новый статус этнической группы.

Необходимо отметить, что процессы этнической дифференциации в последнее время стали характерны не только для финно-угров, но и для других этнических групп России. Так среди татар вновь заявили о себе кряшены, что было воспринято некоторыми татарскими этнонациональными лидерами как попытка федерального центра расколоть «единый татарский этнос» (для этих идеологов не существует сибирских татар, астраханских татар, крымских татар, кряшен, а есть только татары как таковые). В русском народе уже длительное время идет процесс «рекультивации» казаков (причем не как сословия, а как этнической группы), а перепись 2002 г. зафиксировала и возрождение поморов, о принадлежности к которым заявили 6,5 тыс. человек. Впрочем, идеологи поморов, а в 2003 г. в Архангельске зарегистрирована Национально-культурная автономия поморов г. Архангельска, заявляют, что они не принадлежат к русскому народу. Поморы, согласно идеологическим разработкам лидеров автономии, не есть этнографическая группа или даже субэтнос. Поморы – это самостоятельное этническое сообщество, со своим языком, традициями, самосознанием. И это не славянский народ, а финно-угорский, ибо финно-угры сыграли главную роль в его формировании [*Шабаетов*, 2003: 31]. На наш взгляд, конструирование поморской этнической группы как особого финно-угорского сообщества преследует как политические, так и экономические цели.

Во-первых, наличие поморов позволяет сделать более обоснованной идею создания Поморско-Ненецкой республики, выдвинутой архангелогородскими интеллектуалами (она должна объединить Мурманскую, Архангельскую области и Ненецкий автономный округ) и активно пропагандируемую [Лукин, 2003: 56-69]. При этом важно отметить, что территориальный аспект является значимой составляющей идеологических конструкций поморского движения. Как заявляет председатель НКА поморов г. Архангельска П.Есипов, поморская идеология сегодня направлена на укрепление традиционных добрососедских отношений между регионами российского Севера, усиление объединительных тенденций в межрегиональной политике.

Во-вторых, разворачивающиеся нефтеразработки в Архангельской области, Ненецком округе и на шельфе арктических морей дают основание общинам коренных народов требовать от нефтяных компаний солидных денежных компенсаций и такая практика все шире узаконивается, а в будущем станет повсеместной и обязательной, поскольку потребители российской нефти на Западе требуют от своих поставщиков урегулирования отношений недропользователей и землепользователей.

Любопытно отметить, что на рубеже 1980-1990-х гг., когда в России начались процессы так называемого «этнического возрождения» и у большинства народов и этнографических групп возникли свои этнонациональные организации никто о поморах не вспомнил и их «возрождение» началось лишь тогда, когда появились реальные перспективы политической и экономической «торговли этнонимом». Вместе с тем, в низовьях Печоры проживает своеобразная этнографическая группа старожильческого русского населения Республики Коми – усть-цилемы. Эта группа не утратила своей самобытности и своих культурных особенностей. Несмотря на жестокие гонения советской эпохи, в среде усть-цилемов прочно сохраняются их конфессиональное сознание (староверов-беспоповцев), группа не утратила своеобразного усть-цилемского говора, отличается своеобразными местными традициями, среди которых широкую известность приобрело празднование в

начале июля усть-цилемской «горки», когда сотни людей в старинных сарафанах водят хороводы и поют песни. Уже более десяти лет действует организация усть-цилемов «Русь Печорская», отделения которой есть во многих городах Республики Коми. При этом самосознание группы не только не слабеет, но даже укрепляется, свидетельством чему стало то, что недавно сочинен своеобразный «гимн» усть-цилемов, который исполняют как на различных официальных мероприятиях, так и во время семейных застолий. Припевом этого «гимна» являются следующие слова:

«Мы россияне,
Мы – усть-цилема,
Мы на своей земле,
Мы – дома!»

Уже из этих слов следует, что группа имеет сложную идентичность и в ней превалирует русская и общероссийская гражданская идентичность (не случайно в эпоху «пика» суверенизации вместо флага Коми над местной администрацией развевался российский штандарт. Сохраняя четкие конфессиональные и культурные особенности, усть-цилемы, тем не менее, однозначно ассоциируют себя только с русским этническим сообществом. Свидетельством этому стали результаты переписи населения 2002 года, которые показали, что ни один усть-цилем не использовал местный этноним для обозначения своей этнической принадлежности. Такой выбор, между тем, тоже продиктован в немалой степени сугубо прагматическими соображениями. В течение пяти веков находясь между массивами коми и ненецкого населения усть-цилемы конкурировали с теми и другими и в экономическом, и в культурном плане. В связи с этим отождествление с большим сообществом носило в какой-то мере защитный характер. Такой же характер оно имеет во многом и ныне. Поэтому на первом плане оказывается не локальная, а общеэтническая и даже гражданская идентичность. Однако, вполне можно предположить, что при определенном стечении и обстоятельств локальная идентичность может резко

актуализироваться, ибо, как пишет петербургская исследовательница З.Сикевич, «этничность никогда полностью не исчезает и при определенных обстоятельствах может быть востребована на любой стадии развития общества» [Сикевич, 1999: 71]. Конечно, подобная точка зрения есть явное эссенциалистское преувеличение, но прежние идентичности, утраченные было этнонимы всегда более удобны и убедительны, нежели этнонимы типа «покемон», которыми нередко пользовалась молодежь во время переписи-2002 для обозначения своей этнической принадлежности. И дело не только в операбельности старых этнонимов, но более в том, что их возрождение дает основания говорить об «исторической обоснованности» притязаний на ресурсы и власть.

Сугубо прагматический характер поморского движения, к примеру, понятен уже исходя из культурных параллелей между нынешними «поморами» и усть-целями. У первых нет ничего из того, что смогли сохранить вторые, но у них есть очевидные политические и экономические стимулы для формирования новой поморской идентичности. И не случайно Архангельск ныне называют «столицей Поморья», местная информационная программа именуется «Вести Поморья», среди архангельских газет фигурирует «Поморье», «Поморский курьер» и т.д., и т.п.

Сама этничность как социальная реальность не есть некий монолит, а потому конструирование этничности стало заметным явлением в современной России и на постсоветском пространстве. По меткому замечанию Энтони Смита, «этничность следует рассматривать как гибкую и податливую социальную конструкцию, значение которой придается конкретным положением тех, кто имеет с ней дело, и властными отношениями между индивидами и группами» [Смит, 2004: 370]. Однако, эта гибкая конструкция становится прочной, имея под собой лишь мощный фундамент экономических и политических интересов, осознаваемых большинством вовлекаемых в процесс конструирования идентичностей людей.

В этом отношении показателен пример с попытками сконструировать некую новую румынскую идентичность, а точнее – реинтегрировать в состав румынского народа молдавский этнический компонент. В понимании идеологов румынизации молдаван как таковых не существует и они составляют с румынами единый народ. Такой подход логически предполагает, что разделенные некогда две части единого народа должны воссоединиться. У идеи было и остается поныне много сторонников и с молдавской стороны, и с румынской, которые к тому же имели значительное влияние в правящих кругах и среди интеллектуальных элит двух стран. С целью конструирования «нового румынского этноса» они осуществили целый ряд мер административного, культурного и политического плана, призванных создать прочный фундамент для реального подтверждения идеологического конструкта. Был введен безвизовый режим на румынско-молдавской границе, молдавский алфавит переведен с кириллицы на латиницу (сами румыны сделали это в середине XIX века), практически отвергнут лингвоним «молдавский язык», введено преподавание истории румын в молдавских школах, в Яссах румынские политики предприняли меры по ослаблению влияния, действующей здесь Молдавской партии (Яссы три века являлись столицей Молдавского княжества).

Но молдавская идентичность оказалась отнюдь не мифом и попытка отказа от нее привела к серьезным политическим и экономическим последствиям. Во-первых, в Молдавии, которая в советские годы приобрела статус союзной республики и заметно изменилась территориально, сформировался совершенно новый состав населения, который качественно отличался и в этническом, и в социальном отношении от исторической Молдовы. Во-вторых, население республики стало представлять собой некую социальную целостность, которая не могла безболезненно принять идеи румынизации и которую для внедрения в жизнь нового этнического конструкта необходимо было разрушить. В-третьих, культурная близость молдаван и румын

оказалась не настолько существенной, чтобы сформировалось единое этническое самосознание.

Иноэтничное население Молдавии, а особенно население Приднестровья и Гагаузии, приняли румынизацию в штыки, и дело дошло до гражданской войны и фактического раскола страны. Молдавское население в свою очередь оказалось также не готово принять идею единого румынского этноса, что привело уже к расколу внутри титульного населения и его элиты. Подавляющая часть простых молдаван продолжает считать себя молдаванами и молдавская идентичность прочно укоренилась в их сознании. Элита расколота примерно пополам и одна часть продолжает считать, что есть лишь румыны и нет молдаван, а вторая апеллируя к многовековой истории Молдавского княжества и его нередко непростых отношениях с Валахией указывает на глубокие исторические корни молдовенизма. Василе Стати в своей на шумевшей «Истории Молдовы» по этому поводу указал: «...Этническое сознание молдаван, их молдовенизм сохранялись много веков подряд, до наших дней. Определенное сходство с другими восточнороманцами: с влахами (в Болгарии), валахами (мунтянами, сегодня румынами) – не помешало им (молдаванам между Прутом и Карпатами) веками называть себя молдаванами, а не румынами» [Стати, 2003: 415]. Конструирование новой этничности привело в итоге к тому, что Молдавия и молдаване сегодня четко не определили ни свое культурное, ни свое политическое положение в Европе и вновь будут вынуждены культурно и политически позиционировать себя, чтобы преодолеть внутренний раскол в молдавском обществе.

По иному, но тоже не просто, происходило становление австрийской идентичности. Здесь были попытки использовать культурную близость и общенемецкие корни для отрицания возможности существования самостоятельной австрийской нации. Но те же исторические основания (длительное существование Австро-Венгерской империи) и сложный характер взаимоотношений с Германией в конце-концов стали стимулом для

прочного укоренения в общественном сознании граждан Австрии своей австрийской идентичности [Величко, 2004].

Но вместе с тем, и на Западе Европы усиливается значение региональных идентичностей, усиливается интерес к ним, в том числе и политический интерес. Это касается Бретани и Эльзаса во Франции, Ломбардии в Италии, Каталонии в Испании, Шотландии в Великобритании и т.д.

Очевидно, что усиленное внимание к локальным идентичностям, усиленное их воспроизводство не случайно. Исследователи процессов формирования современных идентичностей отмечают: «В современных обществах, в которых индивиды должны справляться с большим количеством социальных ролевых ожиданий, это предполагает формирование множественной идентичности. В зависимости от контекста определенные частичные идентичности становятся значимыми или уходят на задний план, что следует понимать не только как пассивную реакцию на окружающую среду или на требования группы, но и как осознанное индивидуальное распределение приоритетов» [Воронков, 1998: 13].

Логику переосмысления социально-групповой идентификации можно понять, принимая во внимание еще одно немаловажное явление, которое связано с радикальным реформированием общества и его базисных структур, с последствиями так называемой культурной травмы, которую в результате коренной ломки старой системы ценностей, до сих пор ощущает российское общество. Более того, процесс переосмысления старых идентичностей тесно связан и со становлением новых, поскольку в динамично трансформирующемся социуме, старые идентичности отмирают или ослабевают и неизбежно появляются новые. Как отмечают Е.Н.Данилова и В.А.Ядов, в таком социуме «принципиально невозможна стабильная социальная идентичность. И тогда то, что мы называем «кризисом идентичности», выступает как нормальное состояние индивидов, принуждаемых объективными условиями перманентных социальных изменений

отслеживать (рефлектировать) свои ориентации в пространстве «Мы-Они» - в своем социальном самоопределении и общественном статусе» [Данилова, 2004: 30]. Новые идентичности формируются благодаря тому, что «в построении новых идентичностей очень важную и часто скрытую роль играют психологические механизмы сближения-отдаления культурных дистанций. С их помощью, как с помощью рычагов точной настройки, индивидуальное и групповое сознание как бы ищет и определяет свое место в изменившемся мире» [Лебедева, 1997: 81].

Актуализация локальных идентичностей и концентрация политических интересов на уровне локальных этнических сообществ неизбежно, поскольку на этом уровне политические интересы и цели ясны и понятны большинству вовлеченных в деятельность этнонациональных организаций активистов. Более того, цели эти, как правило, весьма актуальны и их реализация может иметь непосредственное влияние на реальное положение всех членов сообщества.

Заметим, что именно в локальных сообществах и на уровне этнических меньшинств этничность может в большей мере быть задействована как политический ресурс, нежели это возможно и приемлемо на общенациональном уровне. Именно здесь чаще всего проявляют себя так называемые «этнические предприниматели» или политические антрепренеры, вокруг которых как заметил Фредерик Барт, «возникает корпоративная группа» и которые используют политику как своеобразный бизнес. Деятельность этих антрепренеров может быть весьма успешной и ведет к серьезным социальным изменениям, что было проиллюстрировано норвежскими исследователями во главе с упомянутым Ф. Бартом еще в начале 1960-х годов на примере локальных сообществ в Северной Норвегии [Barth, 1963: 5].

Что же касается таких широких идентичностей как «Финно-угорский мир», то они ясны очень узкому слою этнической элиты и именно эта элита получает некие реальные дивиденды от эксплуатации подобных идей. Отсюда очевидно, что массовой поддержки

данные идеи получить не могут, а значит активность этнонациональных организаций будет все больше сосредотачиваться на локальном уровне. Общая же динамика политизации этничности, как полагают некоторые отечественные исследователи, характеризуется смещением ее в сторону «постнационализма». При котором «фокус национального развития в классическом понимании этого слова смещается к взаимодействиям более крупного или более мелкого масштаба, чем нация, организованная посредством государственных институтов; относительным сокращением сферы действия государственных институтов; относительным сокращением сферы действия государства...» [Боршшполец, 2001:10-11]

На наш взгляд, концептуальные идеи финно-угорского национализма сформированы не окончательно и в них много неопределенности, свидетельством чему стали процессы, о которых мы говорили выше. Поэтому в данный момент не просматривается в программных документах этнонациональных движений и в политических дискуссиях сколько-нибудь четкого идеологического осмысления новых политических реалий, что показали и прошедшие в 2008 г. девятый съезд коми народа, V съезд мордовского народа (2009 г.), очередной Всеудмуртский съезд и съезд карел, первый съезд саамов России, состоявшийся в 2009 году и V Всемирный конгресс финно-угорских народов, прошедший в августе 2008 г. в Ханты-Мансийске.

Но очевидно, что «новый национализм» будет смещаться в сторону гражданского национализма, ибо в конкуренции между этничностью и гражданством перевес оказывается на стороне последнего. То, что гражданский интерес сегодня доминирует, доказывает кризис этнонациональных движений, в том числе и некогда весьма мощных (к примеру, татарского) и тот политический выбор, который делает население в национальных регионах России. В этом плане особенно показательны итоги референдума, прошедшего 7 декабря 2003 г. в Коми-Пермяцком автономном округе. В округе, где 59% населения оставляют коми-пермяки, 90% избирателей пришедших к урнам для

голосования фактически высказались за упразднение национальной автономии и за создание единого с Пермской областью субъекта Федерации. Конечно, в таком исходе волеизъявления жителей округа сказалась социальная специфика его населения и особенности социально-экономической и этнокультурной эволюции региона в предшествующие десятилетия [Полуянов, 2000], но вместе с тем, данный факт доказал неактуальность идеи национальной государственности в современных условиях и в ее современном состоянии. Однако, опыт этнополитических исследований и анализ политических реалий показывает, что нельзя недооценивать политический ресурс мобилизованной этничности [Тощенко, 2003]. И даже последние выборы в Государственную Думу РФ показали, что для значительной части населения в «финно-угорских регионах» России проблема политического выбора сопряжена с этнической принадлежностью кандидатов в не меньшей мере, чем с их гражданской позицией.

В самой же идеологии, согласно Беллу [Bell, 1988: 402], существуют своеобразные «приливы» и «отливы», которые связаны с фазами, во время которых сглаживаются противоречия между различными политическими силами, что порождает иллюзию конца идеологии. Однако, конец этнонациональной идеологии наступит лишь тогда, когда она не будет востребована политическими акторами. К примеру, коми и марийское этнонациональные движения смогли добиться наибольших успехов тогда, когда установили клиентские отношения с региональными властями и когда они были необходимы властям в качестве политического прикрытия собственных политических притязаний. Именно на этом этапе развития были институционализированы важные положения политических доктрин этнонациональных движений: в Коми это принятие закона о языках, утверждение государственной программы развития коми языка с введением его обязательного преподавания во всех школах республики, принятие закона о статусе съезда коми народа, внесение важных положений в Конституцию республики, в Марий Эл – это закон о выборах Президента, который позволял занимать данный пост

только лицу, владеющему марийским языком, закон о государственных языках. Американский политолог эстонского происхождения Рейн Таагапера, анализируя ситуацию в регионах проживания финно-угров, писал: «Лидеры республик не смогли бы играть свои игры, если бы они не имели коренного населения как фиговый лист. Само существование республик (вместо областей) зависело от него. Следовательно, лидеры были более мотивированы, чем ранее, укреплять проявления коренной культуры и языка в своих республиках. Им также нужны были голоса коренного населения во время выборов, даже если все основные партии вели русские»[*Taagapera*, 1999: 17].

Ослабление или прекращение клиентских отношений влекло за собой и ослабление самих движений. Особенность же нынешней ситуации состоит в том, что этнонациональным идеологам надо конструировать такие идеологемы, которые будут «встраивать» этнонациональные организации в политико-правовое пространство современной России. Это означает, что уровень политических притязаний этих движений должен быть понижен. Так произошло с коми этнонациональным движением, когда прокуратура республики признала закон «О статусе съезда коми народа» не соответствующим федеральному законодательству, ибо закон гласил, что «съезд является высшим представительным собранием коми этноса», а общественное движение не имеет монопольного права представлять чьи-либо интересы. Закон был отменен, а коми движение в 2002 г. собрало внеочередной съезд коми народа, на котором оно было преобразовано в межрегиональное общественное движение «Коми войтыр» и приняло устав, который серьезно ограничивал политические притязания движения. По существу движение было переквалифицировано из общественно-политической организации в общественную. Полное политическое подчинение движения региональной власти произошло на девятом съезде коми народа в феврале 2008 года, когда его возглавил помощник Главы РК Сергей Габов.

Удмуртское этнонациональное движение, давно оттесненное на периферию политической жизни республики, в канун выборов Главы Удмуртии в марте 2004 г. сочло за благо попытаться добиваться соглашений о сотрудничестве с теми кандидатами на пост главы республики, которые обязуются поддерживать развитие удмуртской культуры.

Окончательное завершение процесса «встраивания» финно-угорского движения РФ в официальные политические структуры произошло на IV съезде АФУН, который, как уже отмечено выше, состоялся в конце сентября 2009 г. в Саранске. Один тот факт, что председателем Ассоциации был единогласно избран министр культуры Республики Мордовия П.Н.Тураев, говорит о многом. Очевидно, что как самостоятельная политическая сила финно-угорское движение не состоялось и без государственной поддержки его существование невозможно. Последнее, однако, не означает, что мимикрировавшие активисты движения отказались от своих прежних идей и гражданские идеалы для них приобрели реальную ценность. Видимо предстоит еще очень долгий период идейных исканий и чем более очевидны будут для членов движения происходящие в обществе культурные трансформации, тем более конструктивной и реалистичной будет политическая практика движения. Если же названных изменений не произойдет, то движение умрет, несмотря на массивную поддержку со стороны властей.

Фрагментация этнических сообществ, возрождение старых идентичностей и наделение их новым смыслом и содержанием, локализация политических интересов этнонациональных движений и резкое снижение уровня их политических притязаний (поначалу национальные съезды пытались представить себя параллельной властью как законодательной, так и исполнительной, и требовали обязательной реализации их решений государственными структурами) есть звенья единого политического процесса, итогом которого, на наш взгляд, может стать некая новая архитектура этнонациональных движений финно-угров России и новое содержание их идеологии. Вторым возможным

вариантом развития, как уже сказано, может быть полная девальвация движения и исчезновение его как политического актора.

Глава 7. Политизация этничности: отечественные и международные акторы в российском этнополитическом процессе.

Среди определенной части российских приверженцев идеи «Финно-угорского мира», многих западных ее сторонников есть понимание того, что эту идею нельзя рассматривать как некую реальность и ее нередко называют политическим мифом. Не вдаваясь в рассуждения по поводу политической и этнополитической мифологии, которая довольно основательно рассмотрена во многих трудах отечественных и зарубежных исследователей [Хобсбаум, 1998; Кольев, 2003; Флад, 2004; Филиппов, 1999; Шнирельман, 2000; Шнирельман, 2003], согласимся с тем, что «задача идеологии – реконструкция мифологии» [Апнян, 2004: 75] и в этом смысле миф о финно-угорском единстве логично

вписывается в идеологические конструкции финно-угорского движения. Миф очень инструментален. Поэтому идеологическая конструкция «финно-угорского мира» сегодня, прежде всего, является инструментом, который позволяет создавать дополнительные гарантии того, что этнические меньшинства будут не только сохранены, но и будут являться объектами целенаправленной государственной политики, получают поддержку от международных институтов.

Еще до вступления Эстонии и Венгрии в Европейское сообщество некоторые западные коллеги заявляли, что после того, как западные родственники российских финно-угров в полном составе станут членами единой европейской семьи народов, надо задуматься над тем, как строить отношения в рамках «финно-угорского мира» в новой политической реальности. Высказывалась даже мысль о том, чтобы российские финно-угры и регионы их проживания стали ассоциированными членами Европейского Союза, поскольку де перспектива вступления в Союз России представляется очень отдаленной.

Конечно, идея ассоциированного членства российских «финно-угорских регионов» в ЕЭС пока выглядит как довольно утопический проект, но ряд российских аналитиков признают, что Россия не может стоять в стороне от интеграционных процессов, набирающих силу в Европе и ей пора подать заявку в Евросоюз [*Иноземцев, 2004*]. Заявку подавать, возможно, и не стоит, но необходимо создавать условия для сближения России с ЕЭС. Российский интерес, конечно, прежде всего, касается роста экономики, формирования и укрепления демократических институтов в стране, но не только. За те 10 с лишним лет, что между Россией и ЕЭС существует Соглашение о партнерстве каких-то зримых интеграционных проектов реализовано не было. Инициированная Финляндией программа Евросоюза «Северное измерение», рассчитанная, прежде всего, на продвижение совместных с Россией проектов Евросоюза в Карелии и Коми по существу провалилась. Виной тому и евробюрократия, и российские власти как федеральные, так и региональные не сумевшие наполнить программу реальным содержанием.

Но негативный опыт не может быть основанием для того, чтобы отвергнуть идею интеграционных проектов между ЕЭС и Россией. Так вполне конструктивная идея формирования «еврорегионов» [Яровой, 2007] на территории России может и должна, вероятно, базироваться на историческом и этническом фундаменте, т.е. учитывать исторически сложившиеся культурные и экономические связи. В этом отношении финно-угры, и в частности их субэтнические формирования оказываются весьма политически востребованы. Пока, правда, политики разыгрывали «финно-угорскую» карту только ориентируясь на соображения текущего политического момента, не думая об исторической перспективе.

Радикалы в Эстонии использовали идею разделенного народа (сету) для того, чтобы требовать от России возвращения Печорского района Псковской области, который по Тартускому мирному договору 1920 г. Советская Россия уступила Эстонской Республике, а в 1944 г. переподчинила административно псковским властям. В результате этнографическая группа сету (православных эстонцев) оказалась сначала просто административно разделенной, а затем и расколота государственной границей, которую сету признавать не хотели. Большая их часть (13 тысяч человек) оказалась в Эстонии, а меньшая (несколько сотен человек) осталась в России.

Межгосударственной проблемой по существу стала и проблема Ингерманландии - культурно-исторической области на южном берегу Финского залива, заселявшейся выходцами из Финляндии (разными группами финнов). Несмотря на то, что финны как репрессированный народ (в данном случае речь идет о старожильческом финском населении России) были реабилитированы, власти на местах не очень торопились восстановить справедливость. И, конечно, никто не думал о восстановлении прежней процветающей Ингерманландии, где к 1926 г., несмотря на огромные потери в ходе мировой и гражданской войн, насчитывалось 125 тысяч финнов [Суни, 1995: 239-260]. Президент Мауно Койвисто, полагая, видимо, что надо как можно скорее постараться

дать ингерманландцам кусок хлеба с маслом, объявил в 1990 г. ингерманландцев репатриантами и этим своим решением по существу перечеркнул только начавшийся болезненный процесс повторной консолидации ингерманландцев в единое сообщество в пределах его исторически сложившихся границ [*Кирьянен, 1994:51-54*].

В результате за одно десятилетие ингерманландская проблема по существу была снята с повестки дня, поскольку из десятков тысяч ингерманландцев, зафиксированных переписью 1989 г. на территории России и Ленинградской области, почти никого на родине не осталось. Теперь не только в России, но и в Финляндии многие сомневаются в правильности решения финского руководства.

Российские аналитики и политические деятели не отстают от своих западных коллег по уровню глубины анализа этнополитических проблем, поскольку нередко видят в финно-угорском движении не его потенциальные возможности, а мифические угрозы российской государственности.

Думается, сегодня можно попытаться по-иному взглянуть на финно-угров и попытки сформировать единое финно-угорское культурное пространство громко именуемое «финно-угорским миром». «Финно-угорские регионы», действительно, могут стать своеобразными «мостами», зонами усиленной интеграции между ЕЭС и Россией.

В Карелии очень вяло, но реализуется проект создания «Еврорегиона Карелия», в который с российской стороны вошла вся Республика Карелия, а с финской – Северная Карелия, Северная Похьянмаа и Кайнуу [*Александров, 2002*]. Создание такого региона означает переход к иному уровню и качеству приграничного сотрудничества, создание общей инфраструктуры, решение ряда правовых и административных проблем. Итогом проекта должна стать интернационализация экономики и преодоление экономического разрыва между регионами по обе стороны государственной границы, новое качество жизни населения.

Культурно-исторические основания, заложенные в идею карельского еврорегиона могут с успехом быть положены и в основу создания еврорегиона Сетомаа. Это тем более очевидно, что старшее поколение эстонских сету до сих пор воспринимает город Печоры как своеобразную столицу Сетомаа, а расположенный там Псково-Печорский монастырь как свой духовный центр. Еще одним дополнительным свидетельством в пользу создания такого региона является то, что Конгресс сету, прошедший в 2002 г., потребовал ввести для них исключительное право двойного русско-эстонского гражданства, которого эстонское законодательство не допускает. Этот же шестой Конгресс обратился к властям Эстонии и Российской Федерации с просьбой разрешить пограничные проблемы так, чтобы сохранить историческую и культурную целостность сету. Создание еврорегиона снимет многие проблемы, встающие сегодня и перед властями Эстонии, и перед властями России.

Третьим еврорегионом, который может быть создан по культурно-историческим основаниям, логично сделать еврорегион Инкери (или Ингерманладния). Он может быть сформирован на тех землях в Ленинградской области, где традиционно проживали ингерманландцы, водь, ижора. Вероятно, в его состав может войти и небольшая часть территории северной Эстонии (в Сетомаа – часть территории южной Эстонии). Близость к Санкт-Петербургу, портам, южной Финляндии и индустриальной северной Эстонии способна сделать из этого региона своеобразную «силиконовую долину» Финского залива. Конечно, эстонцы могут воспринять такую идею, как возрождение старого лозунга Интерфронта об автономизации заселенной преимущественно русскими северо-восточной Эстонии, но отказ от проекта со стороны эстонских властей даст политический козырь России.

Безусловно, идея названных выше еврорегионов имеет сегодня очень зыбкое культурное основание, ибо, по данным переписи 2002 г., в России осталось 200 сету, 300 ингерманландцев, 400 ижорцев и около сотни человек, относящих себя к води [*Основные,*

2003], в Эстонии численность ингерманландцев в советские годы составляла около 15 тысяч, но все последние годы они активно «эстонизировались» [Кокко, 1994: 55]. В результате перепись 2000 года показала, что на территории Эстонской Республики назвали себя ингерманландцами только 358 человек (ижорцев зафиксировано 62, води – 9 человек) [Statistikaamet, 2001]. Но если формирование этих регионов пойдет успешно, не исключено, что численность ингерманландцев (многие тысячи которых стремительно покинули родину) на этих землях вновь возрастет. Тем самым будут исправлены преступления советской эпохи и ошибки и упущения в этнонациональной политике властей современной России и Финляндии. Нам представляется, что использование этнокультурного фактора для развития европейского сотрудничества вполне вписывается в идею Большой Европы и согласуется с теми конкретными рекомендациями по развитию процесса «европеизации», которые высказываются экспертами. В частности, один из таких экспертов Майкл Эмерсон подчеркивает, что для углубления названного процесса необходима «выработка свежего взгляда на существующие и возможные типы институционального объединения государств и образований в Большой Европе и ЕС, чтобы обеспечить максимум стимулов для европеизации без или до полного присоединения» [Эмерсон, 2004:107].

Конечно, идея «этнических» еврорегионов – это только один из возможных вариантов развития отношений между единой Европой и трансформирующейся Россией, в основе которой положен культурно-исторический фактор. Возможны и другие идеи.

Сегодня сельским школам в регионах проживания российских финно-угров остро необходимы новые здания, учебники и, конечно, компьютеры (с выходом в интернет), а сельским учителям - прибавка в жаловании. Только получая качественное образование сельские школьники могут стать конкурентоспособными на рынке труда, могут чувствовать себя полноценными партнерами в межкультурном диалоге, а любая иная ситуация будет снижать значимость их этнической принадлежности, провоцировать

усиление ассимиляции. Поэтому глобальное совершенствование сельского образования есть насущная необходимость. Вот сюда и следует тратить деньги, а первая программа национального развития для любой «финно-угорской» республики (и для всей России в целом) должна называться «Сельская школа». Как и по остальным вопросам социальной жизни финно-угорских народов, в отношении школьного образования у идеологов финно-угорского движения полностью доминирует культурологический подход. Лидеры этнонациональных движений придают особое значение проблеме школьного образования, но акцентируют внимание только на одну сторону этой проблемы: они настаивают на необходимости скорейшего создания национальной школы, т.е. школы, в которой бы весь образовательный процесс осуществлялся на языках финно-угров. Об этом, в частности, сказано и в итоговой резолюции IV Всемирного конгресса финно-угорских народов.

Национальная школа, конечно, мощный инструмент для сохранения языковой компетенции молодежи финно-угорских народов и к созданию полноценных национальных (этнических) школ в регионах компактного проживания финно-угров следует стремиться, но, во-первых, как показали наши последние исследования, сама молодежь в большинстве отнюдь не является сторонницей даже обязательного введения обучения национальному языку в школах (один этот факт ставит под сомнение многие выкладки лингвистов, активистов этнонациональных движений и разного рода экспертов), а, во-вторых, есть ряд чисто практических соображений, которые позволяют усомниться в необходимости ускоренной «этнизации» школы.

В первую очередь на селе нет ни достаточного количества кадров учителей, ни достаточного количества учебников и учебных материалов для полномасштабного перевода школ на национальные языки. Подготовка учителей и учебников займет не один год и потребует значительных затрат и при этом нет уверенности в том, что состав такого учительского корпуса удастся полностью укомплектовать и он будет достаточно квалифицирован. Не менее значимо то, что во многих языках просто нет научно-

технической, общественно-политической лексики и преподавать химию, физику, геометрию и ряд других дисциплин на этих языках не представляется возможным. Кроме того, конкуренция языков и культур (особенно в полиэтнических регионах) неизбежна и успех в этой конкуренции обеспечивает не наличие национальных школ, а усиление символической значимости языка и культуры меньшинств, чего не достичь одними техническими мерами.

Родителям сельских учеников наиболее значимым представляется получение именно качественного школьного образования в сельских школах, ибо сельские школьники все более отстают от своих городских сверстников по уровню подготовленности, а в связи с этим сокращается и доля студентов из числа финно-угорских народов в вузах национальных республик [Куликов, 1999: 240]. Это значит, что усиливается социальное отставание представителей титульных этнических групп от доминантного большинства населения Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, ибо на рынке труда наиболее престижные и оплачиваемые места достаются представителям других этнических общин.

Сегодня нужно резко повышать качество преподавания в сельских школах, а для этого надо привлекать в них хорошо подготовленных учителей и значительно повышать им заработную плату (заодно и решать вопрос обеспечения их жильем), обеспечивать школы современным оборудованием и учебными материалами, скорейшим образом завершить полную компьютеризацию сельских школ, начинать масштабное строительство новых современных школ, которые бы по своим архитектурным и техническим решениям превосходили городские, ибо школы сегодня становятся главными культурными и общественными центрами в сельской местности. Если качество преподавания в сельских школах, пусть даже и национальных, будет оставаться низким, то это станет последовательно снижать значимость и символическую ценность этнической культуры, этнической принадлежности и стимулировать процессы ассимиляции. Очевидно, что только за счет кадров национальных учителей поставленной задачи повышения качества

преподавания в сельских школах не решить, а значит сегодня необходимо выбирать между качеством образования и национальной школой.

Вторая программа жизненно важная для российских финно-угров – это создание эффективного рыночноориентированного аграрного производства (включая собственно производство, сбыт, кредитование, производственный сервис). Практически все финно-угорские народы и по сей день остаются преимущественно аграрными сообществами и именно село является той социальной средой, которая поддерживает культурную стабильность финно-угорских сообществ, обеспечивает их демографическое и этнокультурное воспроизводство. Более того, перепись населения 2002 г. показала, что доля сельского населения в социальной структуре некоторых финно-угорских народов возрастает и поэтому роль аграрного населения как своеобразного «консерванта» этничности только усиливается. В городе представители финно-угорских групп быстро растворяются в доминирующем иноэтничном населении и ассимилируются, город – это «ловушка» для преимущественно аграрных финно-угорских этнических сообществ.

Развивая марийское, коми, удмуртское, мордовское село, региональные власти будут осуществлять и программы поддержки титульных этнических групп. Именно эта задача должна стать важнейшей составной частью региональных программ социально-экономического развития и важнейшей составляющей региональной национальной политики. Пока же село находится повсеместно в глубоком кризисе.

То, что средств для развития села не хватает это очевидно, но ведь в регионах нигде нет сколько-нибудь серьезных программ развития аграрного комплекса, а фермерство везде сознательно практически задушили. Янош Пустаи в своем докладе говорил о высоком уровне смертности в коми деревне, о низкой рождаемости, о пьянстве и росте суицида (о том же говорил и Глава Коми Торлопов, не предлагая при этом конструктивных идей), но ведь все это есть следствие глубокого аграрного кризиса, который переживает российское

село в целом и коми село в частности, а также карельское, марийское, удмуртское, мордовское и т.д.

Проиллюстрируем наш тезис некоторыми данными текущей статистики. В 1990-е годы в Коми сельскохозяйственные кооперативы засеивали картофелем 7000 гектаров (это была основная сельскохозяйственная культура), в 2009 г. засеяно 300, а на 2010 г. не планировалось выращивать картофель вообще. Рынок северных городов коми аграрии потеряли, ибо их вытеснили более эффективные производители из других регионов страны. То же самое происходит и с рынком молочной продукции. Примерно такая же ситуация и в Удмуртии, которая мало отличается от Коми по природно-климатическим условиям, аграрный кризис очевиден и в Марий Эл, и в Мордовии, и в Коми-Пермяцком округе.

В рамках сотрудничества финно-угорских стран и народов было бы целесообразно разработать программу поддержки сельских производителей в районах проживания российских финно-угорских народов. Для этого можно и нужно использовать потенциал Всемирного конгресса финно-угорских народов и Консультативного комитета. Они могли бы стать инициаторами принятия программы Евросоюза по поддержке агропроизводителей в финно-угорских регионах России. В указанных целях можно было бы задействовать «финно-угорское лобби» в Европейском Парламенте, тем более, что как отметила в своем обращении к конгрессу эстонская делегация, у Финляндии, Венгрии и Эстонии вместе взятых там 44 представителя и «это большая сила». Для осуществления пилотного проекта целесообразно выбрать пару самых проблемных региона, к которым по совокупности показателей социально-экономического развития относятся, безусловно, Марий Эл и Коми-Пермяцкий округ [*Финно-угорские* 1999, *Финно-угорский* 2004]. В этих регионах с учетом европейского опыта и европейских стандартов можно начать создавать интегрированные в Евросоюз аграрные производственные системы. При этом речь не идет о масштабной финансовой помощи и масштабных проектах полного переустройства

села на деньги Европейского сообщества. Концептуальные основы рыночного реформирования аграрного производства и аграрной политики России уже предложены специалистами [*Перспективы*, 004]. Однако, имеющиеся предложения совершенно не учитывают этнического фактора, слишком общи и, естественно, не ориентированы на использование потенциала родственных культурных связей, на этнокультурный аспект проблемы.

В данном же случае речь идет о внедрении модельных систем: модельных ферм по западноевропейскому образцу, модельных сервисных служб, модельных сбытовых организаций. И эти модели будут восприниматься не только как производственные модели, но и как культурное заимствование, в частности заимствование производственной культуры, а потому оно может быть более эффективно, чем обычные программы содействия. Очевидно, что программа помощи не должна ограничиваться финансированием мероприятий и проектов – она должна иметь конечной целью создание работоспособной и саморазвивающейся сети агробизнеса. Более того, через данный проект и аналогичные ему можно начать производственную интеграцию России, а на начальном этапе ее финно-угорских регионов, в единое общеевропейское пространство, в Евросоюз. Этот проект вкупе с проектом создания сети финно-угорских еврорегионов («Карелия», «Ингерманландия», «Сетомая») может сделать финно-угорское движение мостом между Россией и Евросоюзом и придать ему не только осязаемое практическое, но и важное символическое значение, превратить движение в лидера российской народной дипломатии.

К сожалению, прагматизм демонстрируют только немногие в современном финно-угорском движении, хотя призывы к европейской интеграции и использовании потенциала Евросоюза все же имели место на IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов. Так министр окружающей среды Финляндии просто призывала активистов движения обращаться за помощью в Евросоюз и даже сама вписывала в блокноты

участников необходимые координаты [Сивкова, 2004]. Но, видимо, это был лишь широкий жест, ибо далее конкретной работы в указанном направлении не велось.

На последнем конгрессе поддержать систему жизнеобеспечения финно-угорских народов конкретными проектами и акциями никто не предлагал: на многочисленных официальных встречах и совещаниях активистов финно-угорского движения все разговоры шли о фестивалях, семинарах, съездах. Очевидную культурологическую направленность носила и итоговая резолюция V Всемирного конгресса финно-угорских народов [Резолюция, 2008: 18-21].

Осознание того, что причины современных проблем финно-угорских народов кроются не в бюрократических процедурах, а где-то глубже, похоже еще не стало реальностью в кругах активистов финно-угорского движения и они ищут причины этих проблем не внутри самих этнических сообществ и самого движения, а на стороне, что и подтвердили итоговые резолюции IV, и V конгрессов.

Резолюция IV конгресса вообще стала свидетельством того, что определенные силы стремятся политизировать движение и использовать его как инструмент в большой политической игре. Очевидно, что ряд положений итоговой резолюции нельзя расценить иначе, как попытку противопоставить международный форум властям России, как его стремление вмешиваться во внутренние дела, причем попытку достаточно сомнительную. К примеру, в резолюции заявляется (см. Приложение), что в России необходимо возродить Министерство по делам национальностей, осуждается практика укрупнения регионов и указывается, что Консультативный комитет будет осуществлять мониторинг ситуации в Коми-Пермяцком автономном округе после его вхождения в состав Пермского края, выражается сомнение относительно обеспечения культурных прав финно-угорских народов.

Наши доводы о политизации финно-угорского движения можно было бы считать сугубо субъективной точкой зрения, если бы не последующие события. Не имея данных

мониторинговых исследований и объективного целостного анализа ситуации в регионах проживания финно-угорских народов России, эстонская делегация в ПАСЕ инициировала процесс составления специального рапорта по вопросу о положении финно-угорских народов в России. Глава эстонской делегации Марко Микельсон заявил по этому поводу: «Во время конгресса представители финно-угорских этносов констатировали, что их этносы из-за действий российских властей находятся в России на грани вымирания или потери национального идентитета. В связи с этим задача ПАСЕ – выявить конкретные факты нарушения прав финно-угорских народов в России и через составление специального рапорта оказать влияние на власти РФ с целью улучшения положения в этой сфере» [*Архив Информационного*].

Говорить о нарушении прав на основании некоторых эмоциональных выступлений, на наш взгляд, весьма рискованно и это имеет смысл лишь тогда, когда перед организаторами вышеназванных заявлений ставится политическая цель, которая может заключаться в стремлении противопоставить финно-угорское движение государственным институтам России. При этом стоит заметить, что подобные попытки противоречат не только интересам финно-угорских народов, но и решениям, принятым на самих Всемирных финно-угорских конгрессах, подчеркивающим необходимость не конфронтации, а диалога. Так, в итоговой резолюции второго конгресса было сказано: «Мы считаем, что для дальнейшего действенного развития нашего финно-угорского сообщества необходимо:

продолжить движение по избранному конструктивному пути диалога и совместных действий всех заинтересованных структур, как государственных, так и неправительственных...» [*Сий*, 2000: 470]

Четвертый Всемирный конгресс показал, что не только отдельные этнонациональные движения финно-угорских народов России переживают ныне серьезный кризис, но и международное финно-угорское движение далеко не на подъеме, ибо серьезной и

обоснованной программы действий по углублению сотрудничества финно-угорских стран и регионов, программы реальной интеграции, качественных изменений в положении финно-угорских народов международный форум выработать так и не смог.

Но практика привлечения внешних «арбитров» для «решения» проблем российских финно-угров усилилась.

Политические круги ряда европейских стран и такой организации как ПАСЕ стали проявлять стремление оказать прямое воздействие на политическое руководство РФ и ряда российских регионов под предлогом защиты прав финно-угорских народов. Первая попытка такого воздействия была предпринята еще в 1998 году, когда по инициативе депутата Европарламента от Финляндии Тьюти Исохоокана-Асунмаа в комитете по культуре Евросовета был заслушан доклад о мерах, гарантирующих сохранение своеобразия финно-угорских меньшинств, а Ассамблея разработала резолюцию 1171, касающуюся уральских (т.е. финно-угорских и самодийских) культурных меньшинств «подверженных вымиранию». России было рекомендовано предпринять меры для сохранения и развития языка и культуры финно-угорских меньшинств, усилить внимание государственных институтов к нуждам этих народов.

Конечно, государственное участие в защите прав меньшинств, формировании благоприятных условий для реализации культурных, политических, экономических интересов различных этнических и конфессиональных общин, необходимо. Но суть государственного участия должна состоять не в прямом патронаже над отдельными этническими группами, а в создании правовой базы для защиты их культурных и иных интересов, для их самоорганизации, в проведении последовательной линии на поддержку культурного плюрализма и культурной свободы как важных принципов внутренней политики, в эффективном контроле за поддержанием баланса интересов между конфессиональными и этническими сообществами.

Этнонациональная политика РФ, как на федеральном, так и на региональном уровне в последние годы, как уже отмечено выше, оставалась предметом пристального внимания политиков, активистов этнонациональных движений, экспертов. Это позволило, во-первых, определить ее базовые принципы, во-вторых, создать правовые основы этой политики, в-третьих обратить внимание на разработку приемлемых механизмов участия меньшинств в деятельности политических институтов, в-четвертых, разработать конкретные программы сохранения и развития языков и культур миноритарных сообществ. Эффективность всех этих мер и практика их реализации, конечно, нуждаются в дальнейшем совершенствовании, ибо здесь остается много нерешенных проблем.

Если же говорить об уральских народах России (финно-уграх и самодийцах), то в регионах их проживания в последние годы принят целый ряд специальных законодательных актов, государственных программ, которые призваны способствовать сохранению языков и культур указанных народов, обеспечению политического представительства во властных институтах тех из них, кто объективно ограничен в возможностях политического самовыражения. Региональными властями осуществляется широкий комплекс мер по пропаганде культурного наследия, развитию многообразных гуманитарных связей с лингвистически родственными сообществами. Об этом было подробно сказано в специальном докладе, который был подготовлен группой профессиональных этнологов и этносоциологов из российских регионов [*Финно-угорские народы*, 2005].

Тем не менее, ситуация с положением уральских меньшинств в России систематически подвергается критике со стороны некоторых западных специалистов. В частности на IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов, прошедшем в августе 2005 г. в Таллине, ряд претензий к России высказал в своем пленарном докладе венгерский языковед Янош Пустаи. Его претензии не новы и повторяются регулярно как некоторыми исследователями, так и многими активистами этнополитических организаций, а потому

полезно обратить внимание на аргументацию ученого. Пустаи подверг резкой критике политику России, направленную на сокращение субъектов федерации, в частности ликвидацию ряда автономных округов. По его мнению, такие меры приведут к языковой и этнической гомогенизации государства и исчезновению этнических меньшинств. Во-вторых, он обратил внимание на значительное сокращение численности многих уральских народов и сделал прогноз, согласно которому в 2093 году общая численность этих народов сократится вдвое. В-третьих, он обратил внимание на положение языков, отметив, что язык является основным носителем идентичности, а языковая идентичность есть существенный фактор в становлении этнических сообществ. Он предрек, что в текущем столетии многие уральские языки исчезнут, ибо «если язык не будет использоваться в средствах массовой информации, а также дома и в школе, то не будет шанса на сохранение и развитие языка и культуры на родном языке ни для одного народа». При этом, по его мнению, язык «коренных жителей не может сохраниться вне своей исторической родины». Пустаи верно указал на то, что коми, удмуртский, марийский, мордовский языки стали языками в основном сельского населения, что молодежь их не знает и не ориентирована на них, что стремление, к примеру, расширить преподавание марийского языка, вызывает сопротивление со стороны родителей учеников.

Абсолютизируя значение языка и лингвистический принцип классификации, ученый заметил, что «Самым важным вопросом развития языка является решение вопроса, сколько же языков должно быть у одного финно-угорского народа. Различение коми и коми-пермяцкого, лугового и горного марийских, эрзянского и мокшанского языков является, на мой взгляд, искусственным, потому что оно не оправдывает себя и с языковедческой точки зрения. Конечно, основой для их выделения могут послужить как исторические, этнические и частично также языковые отличия, но в целях сохранения нации, национального языка и национальной культуры, а также для отражения принципа

devide et impera необходимо стремиться к созданию состояния: один народ – один язык» [Архив Информационного].

Выход из сложившейся ситуации Пустаи видит в том, чтобы финно-угорские народы, «следуя международным примерам», создали систему образования на родном языке, которая начиналась бы с начальной школы и заканчивалась университетами, чтобы в регионах их проживания функционировала администрация на «родном языке», осуществлялась научная жизнь на родном языке. И при этом важнейшую роль в реализации подобного сценария он отводит именно молодежи, особенно молодой интеллигенции.

Пустаи обратил внимание на очевидные факты и явления, попробовал дать им простые объяснения и предложил простой, но утопический способ изменить общественные настроения и радикально реконструировать культурную среду, в которой развиваются уральские народы последние несколько столетий, т.е. на протяжении значительной части своей истории (хотя Пустаи заявил, что финно-угорские и самодийские народы обладают историческим прошлым, а значит, языком и культурой протяженностью в 10-20 тысяч лет, что выдает примордиалистскую природу его взглядов). Практически он предложил тотальную этнизацию культурного пространства уральских народов, что можно осуществить лишь путем массовой дискриминации большинства населения, в том числе и принадлежащего к данным народам, ибо их культурные ориентации не укладываются в предложенную ученым схему оздоровления ситуации.

Но важно иметь в виду то, что доклад Пустаи стал по существу идеологической основой для эскалации кампании по ущемлению прав уральских меньшинств в России; для позиционирования ряда этнополитических организаций и их лидеров, для выработки тактики политических действий финно-угорского движения.

Поскольку предложенный сценарий был малореализуем, постольку необходимо было создать благоприятные условия для политического прессинга на российские власти,

который бы с одной стороны дискредитировал федеральную и региональную этнонациональную политику, с другой – вынуждал российские власти делать уступки этническим антрепренерам, дабы доказать политическим кругам Запада и российскому общественному мнению, что упреки в их адрес необоснованны.

Не случайно, что именно после конгресса в Таллине началась разворачиваться кампания по защите прав уральских меньшинств и инициатором этой кампании выступили эстонские политики. Однако, изначально аргументация эстонских критиков России выглядела слабой и не находила широкой политической поддержки у европейских коллег. Необходим был информационный повод в самой России, который бы можно было использовать для разворачивания широкомасштабной и эффективной кампании по дискредитации современной этнонациональной политики российских властей, нужны были заметные фигуры среди активистов этнонациональных организаций, готовые поддержать такую кампанию и пойти на намеренное обострение как отношений с властями, так и отношений с другими этническими группами населения.

Повод нашелся. Давно противопоставивший себя властям региона лидер Всемарийского Совета Владимир Козлов (кавалер ордена за заслуги перед Эстонией) оказался объектом нападения неизвестных лиц и был избит. Это случилось в начале февраля 2005 года.

Казалось бы, названный криминальный эпизод можно было трактовать только в одном смысле – как криминальный эпизод. Но ему постарались придать большой политический смысл, против которого не возражал и сам пострадавший. Уже 21 февраля в Эстонии было подготовлено и размещено в интернете «Обращение в поддержку марийского народа» [Тишков, 2005б], в котором частный случай вырастал до масштабов целенаправленной государственной кампании по ущемлению прав всего марийского населения Республики Марий Эл. Более того, определенные политические круги в Эстонии, Финляндии и Венгрии с готовностью использовали как данный конкретный случай, так и другие претензии к властям региона с тем, чтобы не только марийский народ был представлен

жертвой ущемления прав, но государственная политика в отношении всех финно-угорских и уральских народов России была признана не просто неудовлетворительной, но «разоблачена» ее скрытая идеологическая сущность.

Эта сущность заключается в стремлении к «фольклоризации» культур этнических меньшинств, в «размывании» этнических групп путем изменения административных границ регионов и изменении в результате этнических пропорций в составе населения, в последовательной «русификации» миноритарных сообществ и групп.

Доказать, что правящие круги России преследуют именно такие цели, необходимо было совместными усилиями ряда политиков и российских этнических антрепренеров, которые имели активные контакты с западными коллегами и пытались позиционировать себя как реальных защитников интересов уральских народов.

В резолюции конгресса, состоявшегося в Таллине, фактически содержался механизм, с помощью которого необходимо было добиваться объединения интересов этнических антрепренеров в России и их политических покровителей на Западе. Таким механизмом должен стать мониторинг ситуации в российских регионах, проводимый за счет финансовых средств, выделяемых, прежде всего, Финляндией. Для более эффективного взаимодействия групп интересов было предложено организовать переподготовку активистов этнонациональных движений за счет целевых средств, выделяемых названными спонсорами и по их программам.

Реализация вышеназванных идей вступила в практическую фазу после инцидента с В. Козловым. Эстонский институт прав человека в Таллине (небольшая НПО, которая получает средства от государства и за последние годы подготовила только два доклада о соблюдении прав человека в Эстонии – в 1999 и 2005 годах) призвал поддержать народ мари и выступил за прекращение преследований политической оппозиции, национальных меньшинств в России, а в своем пресс-релизе указал, что «малые народы в России испытывают террор и их культуры и языки уничтожаются» [*Архив Информационного*].

Интергруппа Европарламента, занимающаяся вопросами национальных меньшинств, 10 марта 2005 г. обсудила вопрос о положении марийского народа в России и приняла решение поднять этот вопрос на переговорах с делегацией российских парламентариев. Еще ранее Европарламент поручил подготовку специального доклада по положению уральских народов в России депутату от Эстонии Катрин Сакс, которая в свое время занимала пост министра по делам народонаселения своей страны, но не являлась специалистом по проблемам меньшинств. В связи с развернувшейся кампанией в поддержку финно-угорских народов в России, работа над данным докладом была активизирована. Помощь в сборе материалов к докладу отчасти оказали представители региональных властей, но главную роль играли некоторые активисты этнонациональных организаций финно-угорских народов, которые исповедовали идеологию этнически разделенного общества и противопоставляли этничность гражданству [Шабает, 1998]. Именно такой состав «экспертов» и определил содержание доклада К. Сакс, который осенью 2006 г. был представлен в Комитет по культуре, науке и образованию ПАСЕ (Doc. 11087, Situation of Finno-Ugric and Samoyed Peoples). По существу он развивал идеи Я.Пустай и его основной смысл состоял в том, чтобы показать, что ситуация с положением финно-угорских народов России «значительно ухудшилась», доказать неэффективность федеральной и региональной этнонациональной политики в РФ, обосновать необходимость тотальной этнизации в регионах проживания финно-угров. Предварительный вариант доклада появился к началу лета 2006 года и эта версия была распространена среди ограниченного круга активистов финно-угорского движения, хотя предполагалось, что с ним можно будет ознакомиться в интернете широкому кругу российских специалистов.

Доклад получился весьма противоречивым, поскольку оказалось трудно совместить целый ряд принципиальных позиций автора. Прежде всего, «арифметический подход» к анализу этнокультурных явлений и процессов, который взяла на вооружение Сакс,

должен сопровождаться обоснованием четких пороговых значений тех или иных явлений, нарушение которых свидетельствует о кризисном состоянии анализируемого культурного явления. Но в предложенном докладе цифровые показатели существуют сами по себе, при полном отсутствии каких-либо критериев оценки этих показателей.

Далее вызывают сомнения ключевые положения логической структуры доклада. В частности тезис об «ухудшении положения финно-угорских народов» плохо согласуется одновременным признанием того, что в регионах их проживания предпринимаются активные меры, нацеленные на поддержку культурной специфики данных народов, что эти меры вполне конкретны. Во-вторых, плохо согласуются между собой констатация того факта, что представители финно-угорских народов делают *добровольный и сознательный* выбор в пользу русского языка и культуры, в пользу получения образования на русском языке с попытками обосновать необходимость навязывания культурных стандартов, навязывания этничности. В-третьих, в докладе просматривается очевидное противопоставление этничности гражданству и политизация этничности. В-четвертых, стремление автора продемонстрировать сознательную линию российских властей на усиление «централизации и однородности России» базируется на использовании некорректных доводов в пользу доказательства данного тезиса. В-пятых, обращает на себя внимание однобокая культурологическая направленность доклада, что не позволяет дать реальную и полную картину положения российских финно-угров. Кроме того, в докладе использованы недостоверные и сомнительные данные, проявлено желание не привлекать материалы серьезных исследований (в докладе нет ссылок на подобные работы).

Проявлено также очевидное нежелание переместить центр принятия решений по проблемам финно-угров из стран ЕС в Россию и завуалированное стремление к культурному доминированию более крупных народов над более малочисленными.

Постараемся далее более подробно остановиться на названных противоречиях и претензиях к содержанию доклада, ибо, на наш взгляд, только его критическая оценка может направить дискуссию о положении финно-угорских народов в верное русло и позволит принять те меры поддержки, которые действительно необходимы этим народам сегодня.

Доклад претендует на научность, но первая претензия как раз и касается научной корректности. Если автор взялся рассуждать о положении финно-угорских народов, то он должен вначале определиться с тем, что он вкладывает в понятия «народ» и «этническая группа», обосновать какие материалы необходимы для анализа, с каких позиций они будут оцениваться. Здесь у автора четкой позиции нет, ибо нет достаточного уровня квалификации. Недостаток квалификации не позволил К. Сакс увидеть очевидные ошибки и недочеты своего сочинения.

К примеру, в докладе упоминается, что «языки финно-угорских народов понесли сильные потери за последние столетия: языки мерья, мурома, камассиан, койбал, таиги, карагас исчезли, а народы, говоря в общем, ассимилировались». Очень сомнительное утверждение, ибо никто из серьезных специалистов не возьмется утверждать, что летописные меря и мурома были самостоятельными народами, а не являлись племенными группами, вошедшими в состав марийцев или других народов. Сам вопрос об этнической принадлежности мери и муромы остается крайне дискуссионным. В список «исчезнувших» финно-угров по той же логике К. Сакс могла бы включить летописную мещеру и мифологическую чудь, но это отнюдь не усилило бы ее тезис об исчезнувших финно-угорских народах.

В принципе весь список «финно-угорских потерь» является научной спекуляцией. Таиги или тавги есть одно из названий ненцев, но ни их язык, ни они сами, как известно, не исчезли, а численность ненцев между двумя последними переписями населения выросла на

20,8% (с 34 до 41 тысячи человек) [*Финно-угорские и самодийские*, 2006: 236]. Под этнонимом «камассиан» автор, видимо, имеет в виду камасинцев, а койбалы у нее названы «койбал» - оба этнонима относятся к хакасам (общая численность, по данным переписи 2002 г., - 75622 чел.), которые являются не финно-уграми, а принадлежат к тюркским народам. Упомянутые в том же ряду «карагасы» - это устаревшее название тофаларов, которые являются малочисленной этнической группой, но при этом не исчезли (по переписи 2002 г., - 837 человек). При этом тофалары опять же относятся к тюркам, хотя в их этногенезе сыграли важную роль самодийцы.

Некорректным является сравнение демографических процессов у финно-угров с русскими и татарами, ибо демографический потенциал этих народов принципиально различается, хотя демографические проблемы есть у всех из них.

Доклад Катрин Сакс содержит большое количество статистических данных и материалы целого ряда обследований. Но используются эти данные весьма своеобразно. Например, сравнивается количество новорожденных у коми в начале XX века и начале XXI столетия, т.е. сравниваются две разные модели демографического поведения. Человек, который возглавлял министерство по делам народонаселения, должен знать, что так называемый демографический переход от одной модели демографического поведения (ориентация на высокую рождаемость) к другой (низкая рождаемость) в Европе как раз и завершился во второй половине XX столетия. Правда, по замечанию видного специалиста в области этнодемографии Сеппо Лаллукки, демографический переход у российских финно-угров произошел с некоторым запозданием [*Лаллукка*, 2007: 104], но, тем не менее, демографическое развитие этих народов укладывается в общеевропейские тенденции.

Далее в своем докладе автор заявляет, что национально-региональный компонент включает в себя «не более 10-12% от общего количества времени преподавания», т.е. однозначно указывает на недостаток часов. При этом она не обосновывает, сколько часов необходимо и почему необходимо больше. Не указывает она и на то, что же делать с

общеобразовательными предметами, которые и составляют основу учебной программы средней школы и качество усвоения которых учащимися тоже является важной образовательной проблемой.

Какие часы и предметы нужно сократить в угоду расширения представительства «национально-регионального компонента» и как это скажется на общем уровне подготовки учащихся? Есть ли необходимость сокращать количество часов на математику, физику, химию, биологию, географию, отечественную историю или можно сокращать лишь часы, отводимые на преподавание русского языка? На эти принципиально значимые вопросы в докладе ответа нет.

Та же логика рассуждений прослеживается и в оценке уровня охвата школьников в национальных республиках преподаванием родного языка. Сакс, к примеру, указывает, что «в Саранске из 17000 детей, говорящих на родном языке, *только* 2,8 – 3,5% изучают его». Встает вопрос о том, как считали «говорящих» и о том, сколько детей «должны» изучать язык (поскольку «желание изучать» никак не рассматривается)? Видимо оптимальным является цифра в 100%. Примерно по сходной схеме оценивается и ситуация с обучением родному языку в других республиках.

Аналогичным образом автор доклада подходит и к оценке проблемы публикаций книг на финно-угорских языках. Она однозначно указывает на то, что «издается мало книг на родных языках» указанных народов и приводит данные о тиражах и количестве изданий по годам в разных республиках, заявляет, что «популярные научные книги печатаются очень редко». При этом опять же не дается ответа на вопрос, а сколько нужно издавать книг, какова востребованность изданий на национальных языках, какова в них потребность сегодня, т.е. нет критерия оценки ситуации в сфере книгоиздания. В советские годы, к примеру, во всех сельских книжных магазинах можно было свободно купить именно книги на национальных языках, но не популярную художественную литературу на русском языке.

Сегодня ситуация на книжном рынке изменилась: практически не осталось сельских книжных магазинов, стоимость книг существенно выросла и при этом любые издания стали доступны, а выпуск книг определяется только читательским спросом и доходностью того или иного издания. Между тем издания на национальных языках, как и прежде, не ориентированы только на читательский спрос и доходность, ибо они относятся к так называемой *социально значимой литературе*, а публикация таковой обеспечивается за счет финансовой поддержки государства. Можно сказать, что сегодня данные издания более востребованы, чем в советские годы, но большого спроса на национальную литературу нет (это можно определить по суммам продаж в книжных магазинах), хотя *потребности читательской аудитории серьезно не изучались* и трудно сказать, нужны ли «популярные научные книги» на финно-угорских языках или аудитории в той или иной республике более нужны детективы, справочная литература, религиозные издания и т.д.

По существу сегодня нет проблемы издания книг на национальных языках – любая хорошая книга будет издана. Есть другая проблема – *проблема качественного литературного материала на национальных языках*. Но автор доклада не видит этой проблемы, ибо ее анализ культурных потребностей носит механистический или статистический характер, а такой подход не позволяет оценить реальные проблемы.

Столь же однобоко и тенденциозно оценивается ситуация с развитием печатных СМИ на финно-угорских языках. Утверждается, что количество изданий сокращается, хотя в последние годы происходило только увеличение издаваемых на национальных языках газет и журналов. При этом тиражи подобных изданий, действительно, резко сократились, ибо спрос на них упал (с этой проблемой столкнулись и многие русскоязычные журналы и газеты). Отмечено отсутствие независимых медиа, но для того, чтобы они были, необходимо, чтобы учредителями печатных или электронных СМИ выступали независимые бизнес-структуры или отдельные предприниматели. Все СМИ на национальных языках существуют только за счет финансовой поддержки государства, ибо

они убыточны, а убыточные предприятия бизнес содержать не будет. Этническая принадлежность бизнесменов при этом не играет никакой роли.

Данный тезис можно доказать на примере экономических связей. По замыслу идеологов формирования «Финно–угорского мира», расширение связей и контактов между Финляндией, Венгрией, Эстонией с одной стороны и «финно–угорскими регионами РФ» - с другой, которое происходило как на официальном, так и на неофициальном уровне, должно было привести к расширению и углублению связей во всех сферах, включая экономику. Но этого не произошло. Даже с наиболее перспективным экономическим партнером – Финляндией (не говоря уже об Эстонии и Венгрии) – связи крайне ограничены. Инициированная Финляндией в рамках ЕС программа «Северное измерение», которая должна была способствовать притоку инвестиций и реализации совместных экономических проектов, прежде всего, на территории Карелии и Коми по существу провалилась и повинны в этом обе стороны. Идея создания на границе между Финляндией и Карелией еврорегиона «Карелия» с целью выравнивания уровня и качества жизни населения по обе стороны границы, о которой говорилось выше, также остается лишь красивым прожектом.

Более того, неэффективно используется основной ресурс северных регионов – лес. Финский бизнес заинтересован в использовании лесных запасов европейского севера РФ и крупные лесопромышленные компании Финляндии рассматривали различные варианты промышленной кооперации, предлагавшиеся властями и бизнесменами «финно-угорских регионов», но реальные проекты в области лесопереработки осуществляются в основном в Ленинградской области (которая по объему вывозки леса уже не уступает Карелии и Коми, хотя в последней сосредоточена четверть всех лесных ресурсов Северо-Запада РФ), а крупные целлюлозно-бумажные комбинаты финские компании строят в Латинской Америке, ибо Stora Enso, UPM и другие лесопромышленные компании Суоми ориентированы на получение максимальной экономической выгоды. И поэтому они

наиболее активны там, где эту выгоду получить можно. Более того, события последних лет показали, что для финской стороны оптимальным является получение из России «круглого леса».

Между тем благополучие большей части сельского населения, как Коми, так и Карелии целиком зависит от состояния дел в лесной промышленности. Сегодня в аграрном секторе экономики Коми, к примеру, занято только 8 тысяч человек (из 250 тысяч сельских жителей). Но состояние дел в лесной отрасли остается сложным и дело здесь не только в объективных экономических сложностях, но и в неумении руководителей регионов создать благоприятный инвестиционный климат, привлечь инвесторов, перейти от необременительного «расширения связей» с культурно близкими соседями к реальному экономическому взаимодействию.

Кроме того, как некоторые этнические антрепренеры из «финно-угорских регионов» готовы воспринимать свои регионы и свои народы культурной периферией, так и их руководители охотно соглашаются с тем, чтобы данные регионы выполняли роль сырьевой периферии для европейской промышленности, причем роль немодернизированной периферии. Отсюда и хищнические методы лесозаготовки в карельских лесах, о которых уже много раз сообщали как региональные, так и федеральные СМИ, которые и сегодня, по заявлениям карельских «зеленых», являются обычным явлением [Зеленые, 2006].

Логика экономическая понятна – получение максимальной прибыли при минимальных издержках. Если этот принцип деятельности бизнеса власти не ограничивают, то он действует разрушительно.

Но от логики экономической следует обратиться вновь к логике культурной. Она тоже должна строиться на идее целесообразности и эффективности. Однако здесь главный выигрыш не прибыль, а степень удовлетворения культурных запросов и создание комфортной культурной среды для членов территориальных сообществ. Это, конечно,

касается и языковой практики. В данной связи любопытно замечание К.Сакс относительно того, что «газеты не используют недавно разработанную терминологию и имеют тенденцию к заимствованию из русского языка». Действительно огромное количество языковых новаций (о которых говорилось выше) в рамках программ развития финно-угорских языков предложено в последние годы языковедами. Однако, на наш взгляд, для того, чтобы они прижились в языке нужно время и серьезные усилия.

Декларация об «ухудшении положения финно-угорских народов», к которой мы обещали вернуться для более основательного анализа данного тезиса, требует уточнения. Здесь есть два важных аспекта: 1) экономическое положение представителей финно-угорских народов в России, 2) социально-культурное положение.

Автор доклада, видимо, сознательно ушла от анализа экономического положения населения, ибо полагает, что люди живут исключительно заботами о положении родного языка, обсуждением проблем книгоиздания, СМИ и другими аспектами, связанными с духовной жизнью. Сугубо культурологическая направленность доклада делает его не только однобоким, но и уводит автора от обсуждения реальных проблем финно-угров, от анализа того, каким образом следует оказывать поддержку данным народам.

Между тем, для того, чтобы оценить экономическое положение населения в регионах проживания российских финно-угров, достаточно было взять статистический ежегодник РФ и оценить динамику роста реальных доходов, показатели развития социальной сферы. Изменение этих показателей в последние годы имеет положительную динамику и именно данный факт принципиально важен для оценки ситуации. Заметим, что население оценивает ситуацию в регионах своего проживания, ориентируясь на реальные социальные сдвиги, а критериями оценки здесь являются обеспеченность рабочими местами, доходы населения, степень доступности социальных благ. Именно здесь и следует искать болевые проблемы российских финно-угров.

Дело в том, что финно-угорские народы РФ и сегодня остаются преимущественно сельскими этническими сообществами, ибо большинство представителей этих народов проживает в сельской местности (в этом смысле деэтнизация данным сообществам не грозит, поскольку на селе финно-угры доминируют как численно, так и культурно). Но ситуация в аграрной сфере продолжает оставаться сложной во многих регионах РФ аграрный кризис не преодолен до сих пор. Правда, по регионам проживания финно-угров и самодийцев положение дел в аграрной отрасли хозяйства заметно различается.

В Ханты-Мансийском округе, Ямало-Ненецком и Ненецком местные власти оказывают массивную финансовую поддержку развитию оленеводства и других традиционных отраслей (охоты, рыболовства), реализуют различные программы, направленные как на поддержание уровня жизни аборигенного населения, так и на повышение конкурентоспособности традиционных отраслей хозяйства на рынке. В Коми, Удмуртии, Марий Эл, Карелии, Коми-Пермяцком округе аграрное производство практически пришло в упадок и уровень жизни сельского населения заметно ниже, чем уровень жизни горожан. Помимо этого, как уже отмечалось, огромное социальное значение для финно-угров России имеет положение дел в лесном хозяйстве, ибо в Карелии, Коми, Удмуртии, Коми-Пермяцком округе большая часть сельских жителей занята именно в этой сфере экономики. Но, во-первых, лесной комплекс все еще переживает кризис, связанный с резким падением объемов производства и утратой прежних рынков (к примеру, в Коми в 1990-е гг. объемы лесозаготовок сократились в пять раз). Во-вторых, необходима его качественная перестройка, для которой нет ни достаточных инвестиций, ни соответствующих условий. В результате многие лесные предприятия разорились, а другие находятся в достаточно сложном экономическом положении и население десятков лесных поселков сегодня осталось без работы.

Подобная ситуация имеет два печальных следствия, которые влияют на социальное «самочувствие» финно-угров и их место в социальной структуре местных сообществ. Во-

первых, низкий уровень доходов не позволяет многим детям из сельских семей продолжать образование в высшей школе и, следовательно, ограничивает возможности молодых финно-угров в конкуренции на рынке труда, в сфере политики, бизнеса, т.е. создает серьезные препятствия для их социальной мобильности. Слабая сельская экономика не позволяет также местным производителям оказывать поддержку сельским школам, в то время как многие городские школы сегодня могут улучшить свое положение за счет поддержки спонсоров. Это означает, что их уровень оснащения (компьютерами, учебным оборудованием, литературой и т.д.) существенно уступает городским, а привлекательность данных школ для молодых и перспективных учителей крайне низка. Поэтому разрыв между качеством образования в городских и сельских школах, который и ранее существовал, сегодня становится еще большим, а значит базовый уровень образования у сельских школьников снижается, что в первую очередь отражается на сельских этнических сообществах. Возникли условия, при которых возможно прогрессирующее культурное отставание финно-угров от доминантного большинства населения страны. Именно это отставание и может существенно понизить статус этнической культуры, языка финно-угров и наоборот – еще более повысить привлекательность культурных ценностей доминантного населения.

Поэтому краеугольным камнем программы поддержки финно-угорских народов России должны стать масштабная реорганизация аграрного производства и лесопромышленного комплекса, а также совершенствование системы сельского образования. Об этом достаточно подробно и обоснованно было сказано в упомянутом выше докладе, подготовленном этнологами из регионов проживания финно-угорских народов РФ, но данные ключевые проблемы совсем не проанализированы Катрин Сакс.

Далее считаем необходимым сказать несколько слов о культурной свободе. В ставшем объектом нашего анализа докладе центральное место отводится именно языку и языковому развитию финно-угров. Автор доклада отмечает, что «родной язык не стал

языком образования» для представителей финно-угорских народов, что финно-угорские языки почти не используются в системе государственного управления, «правительство не общается с населением на их родном языке»; «печати, почтовые марки, торговые марки, официальные документы и сертификаты» не выпускаются на родном языке; люди не имеют возможности использовать родной язык в своей религии, законодательные и судебные службы «не обеспечены родными языками» и т.д.

Сфера применения финно-угорских языков, действительно, ограничена, но такая ситуация сложилась исторически, как скажем исторически сложилась подобная же ситуация с бретонским языком во Франции (а бретонцев там больше, чем финно-угров в России). Значительную роль в том, что названные языки оказались в таком положении играют языковые ориентации среди самих носителей этих языков, что признается и в рассматриваемом нами докладе. Можно по-разному относиться к этим ориентациям, но отрицать право личности на выбор культурных стандартов, на характер культурного потребления невозможно. Культурная свобода является одним из основополагающих условий человеческого развития, равно как и культурное многообразие [Тихов, 2005].

Что же касается государственного управления, судебных слушаний и других сфер публичной деятельности, то, очевидно, что здесь языковая унификация необходима в интересах государства и общества, а претензии Сакс здесь выглядят неубедительно. Исчерпывающий ответ на ее претензии содержится Докладе ООН о человеческом развитии за 2004 год, где особо отмечается: «...Если в этнических и религиозных вопросах для государства возможно и даже желательно оставаться «нейтральным», подобная позиция в отношении языка является непрактичной. Понятие гражданства требует общего языка для укрепления взаимопонимания и эффективной коммуникации. Ни одно государство не может позволить себе обеспечивать услуги и выпускать официальные документы на каждом из языков, используемых на его территории» [Доклад, 2004: 71].

Если же говорить о религии, то эта сфера вообще слишком деликатна, чтобы ее касаться, а использование языков является делом пастыря и паствы. Кстати православные священники в деревнях пользуются для чтения проповедей и коми, и марийским, и мордовскими языками, а если говорить о языческих молениях, которые особенно распространены среди марийцев, то для их отправления, как правило, пользуются родным языком верующих.

Учитывая языковые ориентации и предпочтения, общую языковую ситуацию в регионах проживания финно-угров РФ можно сказать, что идея Пустай, которую явно поддерживает Катрин Сакс, и которого она назвала основным консультантом своего доклада, выглядит утопично. Перевод всей системы образования от начальной школы до университета полностью на финно-угорские языки осуществить невозможно, прежде всего, потому, что в этом нет потребности. Особо подчеркнем - *такой потребности нет у самих финно-угров РФ.*

В этом плане весьма показательны позиции вепсов, в беседах с которыми этнологи пытались обосновать необходимость освоения ими «родного» языка. В ответ на призывы исследователей «не забывать родной язык» интервьюируемые обоснованно говорили, что наиболее актуальной проблемой им видится подъем местной экономики, ибо от этого зависит их благополучие в большей мере, нежели от каких-то культурных символов. Пожалуй, наиболее показательно в этом плане интервью с бывшим директором совхоза «Озерский, вепсом по происхождению В.Л. Тикачевым, приведенное в работе Санкт-петербургских исследователей:

-...исчезает ваш вепский язык, на нем говорят все реже и все меньше людей.

-А зачем он нужен? Выехал из нашего района – и все. Где, кто говорит по-вепски? Или пишет? Или поет?.. Захочет человек в Ленинградский университет поступить – какой ему язык нужен, вепский что ли?

- Ну хорошо. Представим себе такую гипотетическую ситуацию. Сегодня вам говорят: с завтрашнего дня начинает работать местный центр телерадиовещания на вепском языке. Одновременно выходит ежедневная газета «Вепская правда». В школы поступают букварь и учебник вашего языка, художественная литература. Тогда вы согласны хранить его, учить детей вепской речи?..
- Нет, - без тени сомнения качнул головой Тикачев. – Вы поймите: чего за него держаться? Язык тяжелый, учить его трудно, практической ценности – никакой. Русского хватает на все случаи жизни. Зачем огород городить?
- Но вместе с языком исчезнут и вепсы как народ. Останутся людские единицы и будут жить есть, пить, спать, но не вспомнят никогда, что они – вепсы. Неужто не ваша национальная гордость при мысли, что будут русские, грузины, литовцы, туркмены, башкиры, но не будет вепсов?

Тикачев некоторое время смотрит на меня холодно как на сеятеля межнациональной розни. Потом произносит:

- Мы об этом не думали. После войны страну поднимали. И в последующие годы работы хватало. Работать старались хорошо. Одно могу сказать: раньше вепсы работающими людьми были. За счет их старания совхоз и держался. Теперь хуже работают, не хотят работать. Дела пошли вкось. За два года коров стало на триста голов меньше. Об этом думать надо...[Егоров, 2007: 124] .

Примерно аналогичное по содержанию высказывание записано летом 2009 г. коми этнографом В. Власовой. Ее собеседником был А.Н.Попов - глава администрации сельского поселения Усть-Ильч в Троицко-Печорском районе РК, который сам является коми, причем выходцем из соседнего практически моноэтнического коми района:

- Сейчас тут коми процентов двадцать...Село делится на поселок и деревню, где живут местные, в основном коми. В селе говорят по-русски, по коми не говорят.

Когда приходит ко мне бабушка в сельсовет, я говорю бабушкам, чтобы говорили по коми, что я понимаю.

- В семье на каком языке говорите?

-Только по-русски, по коми не говорим.

-Детей не учите языку?

-Нет, потом им же это не понадобится для поступления в вузы».

С теми или иными вариациями подобные диалоги с носителями финно-угорских языков записывались авторами в Коми-Пермяцком округе, в Мари Эл, Мордовии и везде в системе аргументации в пользу отказа от изучения «родного» языка выступали рациональные мотивы.

Очевидно, что рядовой обыватель мыслит другими категориями, нежели этнические антрепренеры или даже исследователи культуры и быта и эти категории диктуются повседневными реалиями, на которые люди ориентируются в первую очередь. Если человек не может обеспечить собственное благополучие и благополучие своей семьи, если он не уверен в будущем своих детей, то именно эти проблемы для него наиболее значимы, но не положение языка или этнической культуры. Только в условиях социального благополучия человек может думать об удовлетворении *собственных* культурных интересов и может быть озабочен проблемами, связанными с сохранением культурного наследия этнической группы. Но и тогда нужны ясные и весомые стимулы для поддержания культурной традиции.

Более того, сами культурные традиции имеют основания в системе хозяйства и когда эта система кардинально меняется, группа либо трансформируется, либо перестает существовать. К примеру, ведь как этническое сообщество стало исчезать тогда, когда исчезла основа их хозяйственного комплекса – лов балтийской кильки.

Возвращаясь к анализу предлагаемой Сакс программы, следует отметить, что ее реализация потребует столько усилий и средств, что неясно в какой отдаленной

перспективе ее можно будет реализовать. Можно последовательно рассмотреть возможности реализации названной идеи и на каждом этапе рассуждений мы будем сталкиваться с множеством неразрешимых проблем. Авторы и сами понимают ее нереализуемость и потому назначение идеи, видимо, состоит не в том, чтобы воплощать ее в жизнь. Очевидно, что это некая языковая провокация, затеянная ради отвлечения внимания и ресурсов от насущных потребностей российских финно-угров.

Более того, в современной ситуации любое навязывание языка и культурных стандартов обернется против культур миноритарных сообществ и очевидным свидетельством тому являются культурные ориентации молодежи, которые в результате этнического ренессанса первой половины 1990-х гг., казалось бы, должны были сместиться в сторону названных культур. Но этого не произошло, а наблюдается обратное явление.

Попытки объяснить нежелание молодежи использовать язык предков и принимать за культурный идеал некую «традиционную культуру» тем, что якобы усиливается русификация этнических меньшинств, выглядят не убедительно, поскольку эти объяснения не учитывают сложных перемен в массовом сознании населения в целом и молодежи – в частности. Современная «сетевая молодежь» становится все более космополитичной, а приверженность этническим традициям она нередко воспринимает как архаику, которая плохо согласуется с информационной цивилизацией. Кстати, первыми из финно-угров об этом стали говорить финны, которые уже в 1980-е гг. жаловались, что финская молодежь слишком американизирована. Сегодня эти жалобы приобрели характер навязчивой идеи и не случайно, видимо, с трибун финно-угорских форумов английский язык стали порой называть «языком-убийцей», хотя как можно обвинять в смене культурных предпочтений какой-либо язык, неясно.

Что касается упомянутого выше стремления автора доклада к противопоставлению этничности гражданству и политизации этничности, то здесь есть два принципиальных момента. Во-первых, Сакс никогда не употребляет понятия российский народ и

республиканское сообщество. Очевидно, что *для нее российские финно-угры существуют вне российского социума и вне территориальных сообществ, к которым они принадлежат уже много столетий.* При этом территориальные сообщества, которые сложились в округах, областях и республиках с финно-угорским населением, объединены не только территориально, но и составляют некую социальную целостность. Между тем Сакс вслед за Пустаи отрицает значение общегражданской интеграции, которую называет стремлением к гомогенизации.

Очевидно, что российская нация как новая политическая общность, как культурное сообщество нуждается в интеграции, в усилении гражданской солидарности между членами этого сообщества. Кстати, та же проблема актуальна и для Эстонии, где есть государственная программа интеграции. Аналогичные программы есть и в ряде других стран, в том числе и с довольно стабильной социальной средой и прочными культурными традициями. Но социальные и политические изменения последних десятилетий, массовые миграции сделали задачу интеграции актуальной для Европы в целом. Доказывать данный тезис нет необходимости, ибо об этом много говорят европейские политики, но К.Сакс вероятно должна ответить, почему усилия российских властей в этом направлении следует рассматривать не как стремление к укреплению социальных устоев российского общества, а как покушения на культурное своеобразие меньшинств.

Во-вторых, очевидным свидетельством попытки противопоставить этничность гражданству просматривается в терминологических изысканиях К.Сакс. Она предлагает упразднить термин «национальные меньшинства» и вместо него использовать термин «коренные народы». На первый взгляд невинная терминологическая рокировка на самом деле призвана разделить население национальных республик и автономий на качественные страты и в основу этого деления положить принцип крови, *т.е. по сути, предлагается узаконить расизм в российской внутренней политике.* Сакс указывает и причину, которая является, на ее взгляд, основанием для такой терминологической

новации - большинство из этих народов якобы «живут на землях своих предков в течение нескольких тысячелетий». Помимо того, что современные финно-угорские народы сформировались как этнические сообщества не несколько тысячелетий тому назад, а главным образом в эпоху средневековья и даже позднее, есть сомнения и в том, что занимаемые сегодня этими народами территории можно однозначно считать только их исконными территориями. Так этническая территория коми окончательно оформилась лишь к началу XIX в., а на средней Печоре, к примеру, русские усть-цилемы обосновались на четверть века раньше, чем северные коми. Европейские ненцы пришли в большеземельскую тундру около тысячи лет назад, когда начиналась и русская колонизация этих территорий. Не случайно поморы, как специфическая группа северных русских начинает формироваться уже в XII столетии, а сами ненецкие территории относят и к землям, которые были хозяйственно освоены поморами много столетий тому назад. Позднее рядом с ненцами и поморами обосновались и коми оленеводы.

Если говорить о Поволжье, то там вообще много столетий соседствуют разные народы и трудно определить, какая территория является исконной для той или иной этнической группы, хотя этнические антрепренеры, конечно, готовы «поделить» территории.

Подход Сакс не является оригинальным, а имеет много общего с упоминавшейся выше доктриной этнического национализма, которую в свое время взяли на вооружение большевики. Они полагали, что все этнические группы должны иметь свои национально-государственные образования, в пределах которых группа, давшая название данной административной единице объявлялась «коренной», а все остальное население – «некоренным» [Тишков, 1994: 15]. Большевики использовали этнический национализм с очевидной политической целью – с целью усилить свое влияние среди меньшинств. Вероятно, что политическая логика предложения Катрин Сакс близка логике большевизма.

Она заявляет, что согласно некоему правительственному плану автономные округа и республики далее не будут существовать. В качестве доказательства ссылается на пример Коми-Пермяцкого округа и Усть-Ордынского, которые административно объединились с Пермской и Иркутской областями соответственно. При этом без всяких обоснований составитель доклада заявляет, что «республики и округа стали...органической частью этнического самосознания финно-угорских народов». На чем зиждется уверенность автора в том, что административные границы закреплены в сознании людей понять трудно, но, видимо, это ей внушили этнические антрепренеры. Пример же Коми-Пермяцкого округа убедительно показывает, что политическая автономии для этнических меньшинств уже не воспринимается ими как существенно значимый фактор. Более того, именно девальвация значения этого фактора и привела к тому, что идея укрупнения регионов получила широкую поддержку среди меньшинств [Шабает, 2006]. Детальный анализ ситуации, складывавшейся, например, в Коми-Пермяцком автономном округе на протяжении последних десятилетий позволяет утверждать, что объединение с Пермской областью было логичным и неизбежным [Полуянов, 2000]. Стремление же Катрин Сакс, Яноша Пустаи и других критиков идеи укрупнения российских регионов показать, что эта мера направлена против меньшинств и не поддерживается ими показывает, что, во-первых, их знание российской действительности весьма поверхностно, а во-вторых, что они не хотят уважать результаты волеизъявления населения тех регионов, которые проголосовали за идею укрупнения субъектов федерации.

При всех издержках практики формирования новых укрупненных субъектов, сама идея пользуется поддержкой и среди представителей финно-угорских народов РФ. Так массовый опрос населения в рамках проекта «Я и мой народ», проведенный в Республике Коми в 2004 году, показал, что идею укрупнения регионов поддерживает 51% русских респондентов и 51% коми респондентов, хотя авторы исследования изначально полагали,

что поддержка данной идеи будет сильно коррелировать с этнической принадлежностью опрашиваемых [Шабает, 2006: 18].

Абсолютизация этничности и языка как критерия оценки политической мотивированности административных преобразований проявилась в заявлении Сакс о целесообразности объединения Коми-Пермяцкого округа с Республикой Коми, а не с Пермской областью (ибо коми и коми-пермяки говорят на одном языке и имеют общее происхождение). Если следовать этой логике, то западным странам нельзя было признавать независимость Хорватии и ее отделение от Югославии, а надо было требовать, чтобы народы этих стран оставались в составе единого государства, поскольку сербы и хорваты говорят на одном сербо-хорватском языке. Тем не менее, как мы знаем, Запад весьма охотно признал независимость Хорватии.

Стремление политизировать этничность и политизировать саму проблему «положения финно-угорских народов РФ» выразилось и в том, что автор доклада попыталась доказать, что уровень политического представительства этих народов недостаточен. В качестве обоснования этого тезиса были приведены данные о составе местных парламентов: сколько коми в парламенте Республики Коми, марийцев – в парламенте Марий Эл и т.д. Доля представителей этнических меньшинств сегодня, действительно меньше, чем их доля в общем составе населения. Но применим ли здесь сугубо арифметический принцип анализа? При этом автор не упоминает того факта, что Глава Республики Коми – коми, а Глава Мордовии – мордвин, хотя в обеих республиках коми и мордва в значительном меньшинстве. По логике автора так не должно быть.

А логика эта строится на том, что территориальные сообщества, сложившиеся в республиках с финно-угорским населением, Катрин Сакс не воспринимает как целостность, как гражданскую общность и искусственно разделяет эти сообщества на этнические сегменты. Между тем, население во время голосования чаще всего делает выбор не в пользу представителей той или иной этнической группы, а в пользу того, кому

оно готово доверить свои голоса, кого хочет видеть выразителем своих интересов в представительных органах власти.

Стоит заметить, что на Западе разговоры о том, сколько в парламенте Финляндии шведов, в парламенте Франции бретонцев или в Бундестаге ФРГ лужицких сербов (сорбов) сочли бы политически некорректными, ибо национальные парламенты, равно как и законодательные собрания провинций, есть институты гражданского представительства и выбор полномочных представителей осуществляют граждане, а не этнические группы.

В этом же логическом ряду находятся и сожаления по поводу невозможности создавать региональные и этнические партии в России, что вообще можно оставить без комментариев.

Между тем стремление этнизировать систему политических институтов России, а точнее институты представительной власти в республиках с финно-угорским населением, есть устойчивое стремление западных культуртрегеров. В свое время именно эстонские эксперты посоветовали активистам финно-угорских организаций в России внести в свои программные документы идею о создании двухпалатных парламентов в республиках и о комплектации одной из палат исключительно этническими депутатами, т.е. представителями титульных народов. Эта по сути расистская идея сделала бы республиканские парламенты похожими на ЮАР в эпоху заката режима апартеида, когда в национальном парламенте было предложено учредить отдельные палаты для белых, цветных и индийцев [Осинов, 2004]. Подобные идеи, по сути, и привели к падению доверия к этнонациональным движениям и к тому глубокому кризису, который сегодня они переживают. Преодолеть кризис лидеры этнополитических организаций и пытаются с помощью западных спонсоров.

Что же касается проблем с политическим представительством миноритарных сообществ, то такая проблема есть там, где объективно нет возможностей для равных условий политической конкуренции. К примеру, в Финляндии, где саамы составляют 0,02%

населения, и практически нет шансов, что хотя бы один саам будет избран в состав национального парламента, создан «саамский парламент», который представляет собой консультативный орган, избираемый самими саамами. Аналогичные «парламенты» созданы в Норвегии и Швеции.

В России нашли свою более эффективную модель. В Думе Ханты-Мансийского автономного округа создана ассамблея коренных малочисленных народов в составе 5 депутатов (всего в Думе 25 депутатов), а председатель ассамблеи является вице-спикером. Выборы в состав ассамблеи проходят по многомандатному избирательному округу, который включает всю территорию республики, а кандидатами в депутаты здесь могут быть представители малых народов, проживающих в округе. Однако, в таком деле, как решение вопроса о политическом представительстве меньшинств не может быть универсальных «рецептов». И попытка распространить опыт Ханты-Мансийского округа на реформирование регионального парламента в Ненецком округе провалилась. Если в ХМАО ханты и манси вместе взятые составляют 1,9% населения, то в НАО ненцы – это 19% жителей, т.е. очень значительная доля. Но помимо них здесь 11% составляют коми, а остальную часть в основном русские, которые тоже являются старожильческим населением. Поэтому жителям было непонятно, почему права особого представительства получают только ненцы и на выборах по одномандатному округу избиратели дружно проголосовали против всех выдвинутых депутатов. Этот пример показывает, что «рецепты» западных политических консультантов, направленные на политическую мобилизацию этничности в России совершенно очевидно не учитывают многоэтничный состав населения страны, специфику российской ситуации и всю деликатность сферы межэтнического взаимодействия, помимо того, что они просто далеки от идеи гражданской солидарности.

Выше мы уже указывали, что доклад Катрин Сакс, также, как и программное выступление Я.Пустаи на Всемирном финно-угорском конгрессе в Таллине, имеют

сугубо культурологическую направленность и не учитывают реальных потребностей российских финно-угров. Мы также указали на ключевые проблемы сегодняшнего дня, которые оказывают решающее влияние на положение указанных народов – это проблема поддержки и развития аграрного производства и проблема качественного преобразования системы сельского школьного образования. Эти проблемы сложны и глобальны, увидеть здесь целенаправленное ущемление интересов финно-угров трудно (ибо аналогичные проблемы актуальны и для российского села в целом), поэтому оба «эксперта» их дружно проигнорировали.

Есть еще одно объяснение того, что и доклад Пустаи, и доклад Сакс носят сугубо культурологический характер. Оба в завуалированной форме стремятся помочь не российским финно-уграм, а периферийной европейской науке и периферийным европейским университетам выжить в условиях нарастающей конкуренции и бюджетного дефицита. Не секрет, что гуманитарные науки и университеты в странах Восточной Европы после распада советского блока оказались в сложном положении. Получить дополнительные ресурсы можно только за счет грантов и специальных программ. Одной из таких специальных программ становится программа поддержки «родственных финно-угорских народов». Такие программы приняты в Финляндии (она выделяет больше всего средств), Эстонии и Венгрии. Средства этих программ используются на издание учебников и литературы на финно-угорских языках, на обучение студентов и аспирантов из «финно-угорских регионов РФ» в университетах Эстонии, Финляндии и Венгрии. Но возникает вопрос, почему студенты обязательно должны ехать в Эстонию, если качество образования в российских вузах, особенно столичных выше (даже гуманитарное, не говоря уже о точных науках)? Почему не выдавать студентам именные стипендии с тем, чтобы за счет этих стипендий они могли обучаться в лучших вузах России? Видимо потому, что тогда эстонские или венгерские вузы лишатся дополнительной поддержки. За счет средств ЕС Сакс предлагает создать европейский центр финно-угорских языков,

но не в России, где проживает большинство финно-угорских народов и где основное поле для языковедческих исследований. Центр предлагалось разместить в Венгрии, туда же пойдут и средства из фондов Европейского Союза. Когда Сакс без всяких обоснований говорит о необходимости увеличить фонды для издания книг на финно-угорских языках, для поддержки СМИ, тогда она не имеет в виду европейские фонды – она имеет в виду средства региональных бюджетов, забывая при этом, что большинство «финно-угорских регионов» - это глубоко дотационные регионы.

Очевидно, что поддержка аграрных проектов в марийских или мордовских селах, помощь сельским школам Коми, Марий Эл или Удмуртии не есть задача «поддержки финно-угорских народов» - это слишком обременительные программы, которые трудно конвертировать в политические дивиденды.

Такие дивиденды может, однако, принести поддержка потерявших свое влияние в регионах этнических антрепренеров. Уже давно замечено, что многие активисты этнонациональных организаций в России старательно подчеркивают, что готовы уважать интересы других этнических групп, что проблемы в сфере сохранения и развития языка и культуры финно-угров есть, но они решаются. Но как только их приглашают на Запад, их риторика меняется – они непременно заявляют об ущемлении прав финно-угорских народов, об этноциде и даже геноциде, не приводя, правда, никаких доказательств. В качестве примера можно сослаться на интервью, которое давал упомянутый выше В.Козлов радио «Свобода» во время своего визита в Эстонию [*Шабаетов*, 2005: 50].

Зная эту особенность националистических лидеров, западные политики стремятся использовать ее в своих интересах. Уже принято и реализуется решение о «повышении квалификации» активистов этнонациональных организаций финно-угров за счет средств, выделяемых Финляндией. За счет финансовой поддержки финского правительства (возможно не напрямую, а через фонд Матиаса Кастрена) осуществлен «мониторинг» ситуации с положением финно-угорских народов РФ, но осуществляли его не

квалифицированные эксперты (правоведы, социальные антропологи и этнологи), а в основном активисты этнонациональных организаций (кое-кто из них, правда, обладает даже учеными степенями, что нельзя приравнять, однако, к научной квалификации). Встает резонный вопрос о том, почему столь много внимания уделяется прямой финансовой поддержке этнонациональных движений, а фактически поддержке узкого круга активистов или же сомнительных экспертов? Чем это мотивировано. Данный вопрос еще более обоснован в свете того, что Министерства финансов Финляндии неоднократно предпринимало усилия для сокращения финансирования и даже закрытия Института России и Восточной Европы, который многие десятилетия служил площадкой для организации российско-финляндского сотрудничества, а в последние годы выполнял важную миссию поддержки русскоговорящего населения страны (в числе которого значительную часть составляют «русские финны»).

О качестве работы финансируемых финской стороной «экспертов» можно судить по использованным в докладе Сакс материалам изучения этнолингвистической ситуации в Республике Коми. Это исследование (уже упоминавшееся выше) было проведено в начале 2003 года под руководством одного из активных членов коми этнонационального движения А.Конюхова. По результатам исследования была подготовлена публикация, в числе авторов которой оказался и председатель Консультативного комитета финно-угорских народов В.Марков. Для того, чтобы оценить реалистичность заключений указанного исследования, необходимо сравнить их с объективными данными, которые были получены в ходе переписи населения 2002 года. Согласно данным переписи, среди коми жителей Республики Коми 2% владеют коми языком, а по итогам опроса Конюхова – почти 14% [Конюхов, 2003]. Другие данные указанного исследования тоже сомнительны и они не согласуются с материалами опроса в рамках проекта «Я и мой народ», о котором говорилось выше. Более того, группу Конюхова уже критиковали за представленные данные, указывая на очевидную сомнительность результатов

исследования. Тем не менее, результаты опроса были переданы К. Сакс и использованы последней в своем анализе положения финно-угорских народов. Видимо, названным «исследователям» надо было отчитываться перед спонсорами и они готовы в качестве отчета о проделанной работе представить любые сомнительные материалы. Есть сомнения и по поводу качества некоторых других материалов, использованных в докладе, о чем собственно отчасти уже сказано ранее и на что указывали первые слушатели доклада Сакс в Страсбурге (сентябрь 2006 г.), во время проведения фестиваля культур финно-угорских народов «Дорога птиц».

В этой связи возникает резонный вопрос: почему западные спонсоры хотят использовать в качестве экспертов ангажированных этнических антрепренеров? Можно предположить только одно – нужны совершенно определенные результаты мониторинга, которые способны обеспечить не квалифицированные специалисты, а заинтересованные в сохранении своего статуса активисты этнополитических организаций.

Анализ доклада Сакс и целого ряда заявлений активистов этнонациональных движений побуждает сделать вывод, что политической целью кампании «поддержки финно-угорских народов РФ» является *стремление к эрозии гражданской солидарности россиян, последовательная этническая сегментация российского социума*. Навязывание этничности, которое имело место в ряде национальных республик в последние 15-20 лет, сказалось на том, что в массовом сознании ослабло восприятие россиян как целостного гражданского сообщества, и усилились ксенофобские настроения, чему свидетельством стали события в карельском городе Кондопога. Дальнейшее сегментирование российского общества по этническому признаку представляет реальную угрозу для гражданского мира и согласия в стране.

Кроме того, активный патронаж над этническими антрепренерами со стороны западных политических спонсоров уже привел к тому, что лидеры этнонациональных движений финно-угров в российских регионах длительное время уходили от признания

общегражданских идеалов, от принятия интеграционных идей как значимых составляющих идеологии финно-угорского движения и рафинированный этнический национализм становится сущностью этого движения [Шабает, 2005]. В полиэтнической стране, где у многих людей двойная, тройная и другая сложная этническая идентичность и где многие вообще не склонны идентифицировать себя в этнических категориях, отрицание гражданственных начал будет неизбежно вести к навязыванию этничности.

Именно к навязыванию этничности, по сути, призывает все содержание доклада Катрин Сакс. Стоит заметить, что своими действиями покровители российских этнических антрепренеров создают условия и для «экспорта» этнического национализма в страны Евросоюза, ибо так называемый «Финно-угорский мир» включает в себя Венгрию, Эстонию, Финляндию, а также финно-угорские меньшинства в Румынии, Сербии, Словакии, Норвегии, Швеции и ряде других стран и эти меньшинства некоторые идеологи не хотят считать органической частью гражданских сообществ названных стран, а считают их естественной составляющей сообществ, которые находятся за пределами национальных границ этих стран. Так идея венгерской культурной нации предполагает, что эта «нация может представлять собой единство без объединения в одном государстве» [Киш, 2003: 277]. Между тем общеевропейская идентичность уже ослабевает под напором этнополитических мифов (миф о польском водопроводчике, который отнимет рабочие места у французов).

Сегодня конструируется новый миф – о вымирающих финно-угорских народах России. В основе мифа только один весомый аргумент – сокращение численности финно-угров в России (и исторические спекуляции по поводу вымерших языков и народов). Но этим же аргументом пользуются и русские националисты, когда говорят о вымирании русских, об ущемлении их «исконных» прав, о засилье «иностранцев» в стране. Действительно демографические проблемы, которые сегодня имеют место в РФ, касаются не только финно-угров – это общее явление. Более того, как расценить, следуя логике Сакс,

серьезные проблемы, связанные с демографическим воспроизводством венгров, эстонцев и ряда других народов Европы?

На наш взгляд, в докладе о положении финно-угорских народов упущен еще один важный аспект, который позволяет рассматривать проблему более широко и основательно – это положение финно-угорских меньшинств в странах ЕС (или кандидатах в члены союза). В частности речь идет о положении венгерского меньшинства в Румынии и Словакии, где тоже можно говорить о проблемах языка, школьного образования и административного статуса. Более того, в отношениях между словаками и венграми в 2006 году наблюдалась очевидная эскалация напряженности. Сколь чувствительна сфера межэтнических отношений полезно показать именно на современном словацко-венгерском кризисе. Корни его глубоки, но для эскалации нынешнего кризиса в отношениях между этими двумя народами, которые, кстати, являются членами «единого европейского дома», толчок был дан одним видеоклипом, появившемся в интернете. Видеоролик демонстрировал как несколько молодых словаков жгут венгерский флаг и выкрикивают антивенгерский лозунг: «Это наши враги, которые задержались на нашей земле. Такая же участь ждет каждого венгра», Затем 25 августа в городе Нитра хулиганы избили молодую студентку за то, что она говорила по мобильному телефону по-венгерски, а на ее майке намалевали лозунг националистов «Мадьяры - за Дунай». В ответ на словацком посольстве в Будапеште появилась надпись «Мы вам этого не забудем», а венгерские футбольные фанаты во время матчей стали разворачивать транспаранты с призывом сделать словаков «рабами мадьяр» [Шевченко, 2006].

Здесь важно заметить, что периодически возникающие проблемы в отношениях между Венгрией и Словакией (как и Венгрией и Румынией) имеют серьезное этнополитическое основание. Рудольф Хмел по этому поводу отметил следующее: «С венграми и Венгрией в словацкой среде связываются только негативные ассоциации, и постоянно как бы действовала аксиома, которую Владимир Минач сформулировал еще в пролетарские,

интернационалистические времена – в 1965 г. Согласно ей венгры являются злым роком для словацкой политики, и ненависть к ним вошла у словаков в кровь, приняв форму какой-то мифологической ненависти. Эта аксиома, которую Минач первым так резко сформулировал в удивительно неблагоприятный для словацкого национализма период, выражает сущность «венгерского комплекса» словацкой политики, не случайно ставшего после ноября 1989 г. и после января 1993 г. (распада Чехословакии – *авт.*) опорой словацкой внутренней и внешней политики» [Хмел, 2003: 287]. Ни процессы демократизации, ни вступление Венгрии и Словакии в ЕС принципиально не изменили ситуацию. Более того, ситуация в отношениях между двумя странами имеет тенденцию к обострению. Этому способствовало и принятие в Венгрии закона о венграх, живущих в соседних странах, согласно которому Венгрия должна осуществлять патронаж над венграми за пределами ее государственных границ. Идея «всего венгерста» и «венгерской культурной нации» не только не сгладила межэтнических противоречий с соседними народами, но и обострила проблемы внутри самой Венгрии. Венгерские журналисты на конференции в Сыктывкаре в 2009 г. заявляли о том, что интеллектуальные круги Венгрии надеялись, что вхождение Венгрии в общеевропейские структуры приведет к постепенному ослаблению этнического национализма, но на деле происходит заметный рост националистических настроений в Венгрии.

Проявления радикального национализма и расизма в современной Венгрии происходят все чаще и не только в связи со словацко-венгерскими трениями, но проявляются в антисемитизме, в убийствах цыган и поджогах их домов, в агрессивных акциях Венгерской гвардии. Очевидно, что рано или поздно проблема этнического национализма в Восточной Европе (прежде всего в Венгрии, Словакии и Румынии) встанет в повестку дня общеевропейских структур. Уже сегодня венгерские правые являются одними из наиболее активных в Евросоюзе. В 2009 г. в новом составе Европарламента ультраправые партии из Венгрии, Франции и Великобритании, которым удалось провести своих

депутатов в общеевропейский парламент, объявили о создании паневропейского националистического альянса. В «Европейский альянс национальных движений» вошли Британская национальная партия, Национальный Фронт Жан-Мари Ле Пена (Франция) и Партия за лучшую Венгрию «Йоббик» и не представленные в Европарламенте, но имеющие депутатов в национальных и региональных парламентах Национальный фронт (Бельгия), «Трехцветное пламя» (Италия) и шведские национал-демократы.

Даже в Финляндии, где официально приветствуется мультикультурная политика, все более активизируются национал-радикалы [Лайдинен, 1999:126-130] и при этом все громче звучат голоса тех, кто ратует за присоединение территорий северо-западной России к Финляндии. В числе сторонников подобных идей оказываются и вполне уважаемые политики, как например, посол Алло Руси, предложивший Финляндии последовать примеру Германии и присоединить Карелию [Бэкман, 2007: 119].

Заметим, что в упомянутой выше Нитре был не просто криминал, как в случае с марийским активистом Козловым, но почему-то этот случай не послужил поводом для развертывания массовой кампании, лозунгом которой стало бы ущемление финно-угров в Евросоюзе.

Уже много лет поднимается вопрос о положении венгерского меньшинства в Румынии. По разным подсчетам численность венгров в этой стране может достигать 2-3 млн. человек. Многочисленное венгерское население румынской Трансильвании, в течение многих десятилетий рассматривалось властями этой страны как потенциальный источник ирредентизма. Это было идеологическим основанием для попыток форсировать ассимиляцию венгров румынами и для ограничений культурных прав представителей венгерского меньшинства. Эти же опасения послужили основанием для ликвидации Венгерской автономной области, существовавшей на территории уездов Харгита, Ковасна и части уезда Муреш с 1954 по 1968 годы. Ныне Совет секлеев (румынских венгров) требует назначить от Парламентской Ассамблеи Совета Европы специального докладчика, поскольку заявляет, что 99% венгров выступают за территориальную автономию. В свою очередь румынское меньшинство в повітах Харгита и Ковасна выражает недовольство «засильем местных венгров» и выступает против этих требований [Кирдя, 2008].

А ведь можно говорить еще о проблемах ливов в Латвии, которые реально находятся на грани исчезновения (в 2009 г. умер последний носитель ливского языка).

Можно обсуждать проблему сету в Эстонии [Алексеев, 2005], ибо ни статус их языка, ни статус самой группы не признаются официальными властями страны. Более того, во время переписи населения 2000 г. этноним «сету» даже не был включен в документы переписи и сету не учитывались как самостоятельная этническая группа, что вызвало возмущение со стороны лидеров движения сету [Сарв, 2001: 65]. Обращения активистов движения сету в различные инстанции, включая международные институты пока остаются без ответа (в России сету/сето признаны как самостоятельная этническая группа). Очевидно, что помимо проблемы сотен тысяч неграждан в Эстонии и Латвии (и помимо скрытой поддержки сторонников фашизма), здесь остро стоят и проблемы аборигенных меньшинств, а это значит, что воинствующий национализм приобрел в этих странах системный характер.

Довольно сложная ситуация и с квенам в Финляндии и Швеции: их активисты требуют предоставить данной группе тот же статус, что предоставлен саамам, хотят, чтобы язык квенов считался самостоятельным, а не диалектом финского. На совещании Консультативного комитета финно-угорских народов, прошедшем в ноябре 2005 г. в Сыктывкаре, представители квенов в один голос заявляли, что их права ущемляются, что квены есть самостоятельное этническое сообщество и только таковым его и надо воспринимать. В чем-то сходные явления есть и в России, где, к примеру, некоторые эрзянские активисты не признают существования мордвы как единого народа и требуют считать две основные группы этого народа – эрзю и мокшу – самостоятельными народами и предоставить каждому из них политическую автономию. Северная группа коми (коми-ижемцы) в последнее время также настаивает на признании за ней особого статуса – статуса коренного малочисленного народа Севера. И эти примеры не единственны [Шабает, 2006].

Впрочем, и по поводу положения сету в Эстонии, секлеев в Румынии, квенон в Швеции и Финляндии, равно как и по поводу положения других этнических меньшинств Европы, нередко существуют совершенно противоположные точки зрения у специалистов. Например, политизированные эстонские исследователи говорят о том, что сету – это эстонцы и специфических проблем у них нет. Политизированные российские исследователи пытаются доказать, что православные сету – это по существу русские и потому они дискриминируются как этническое меньшинство. Этнические антрепренеры из числа сету также заинтересованы в том, чтобы эксплуатировать тезис о самобытности сету и об ущемлении их культурных интересов, получая при этом на поддержку самобытности различные гранты и субсидии. При этом реальная культурная ситуация сложнее: молодые сету в большинстве своем полностью идентифицируют себя с эстонцами, а пожилые по большей части ощущают существенную культурную дистанцию между собой и доминантным населением страны.

Таким образом, становится ясно, что как в развитии финно-угорских народов России, так и в положении различных групп финно-угров в Восточной и Северной Европе есть много общего. В этой связи представляется, что ПАСЕ должна была рассмотреть широкий контекст проблемы, а не сосредотачивать внимание на локальных явлениях. Более того, очевидно, что требуется не дилетантский и политизированный подход к анализу названной проблемы, а профессиональная экспертиза. Только на основе такого рода экспертизы возможно принятие политических решений и деклараций, которые имеют общеевропейское значение. Чем можно объяснить столь тенденциозное содержание доклада Сакс?

Не менее показательной в плане всего вышесказанного была и ситуация, сложившаяся на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов, прошедшем в конце июня 2008 г. в Ханты-Мансийске.

Президент Эстонии Тоомас Ильвес сделал выступлении в духе западного культуртрегера, который учит цивилизации неких туземцев. В частности он заявил: «Мы сделали выбор в пользу свободы и демократии. Многим финно-угорским народам еще предстоит сделать такой выбор. На примере Эстонии: как только вы почувствуете вкус свободы, вы поймете, что это вопрос выживания, без этого нельзя обойтись» [Шучалина, 2008].

В свою очередь председатель Комитета Госдумы по международным делам Константин Косачев назвал политику стран Балтии недобросовестной. В частности он обратил внимание на реакцию европарламента на случай с избиением Владимира Козлова и на демонтаж эстонскими властями памятника советским солдатам в Таллине, которое спровоцировало выступления протеста и окончилось убийством российского гражданина. В одном случае было специальное обращение, а во втором глухое молчание. Косачев заявил, что России, в отличие от новых государств, образовавшихся на бывших территориях СССР, нет необходимости проводить специальную политику в отношении «к различным этносам», поскольку нет и самой проблемы с взаимодействием людей разной этнической принадлежности [Эстонцы, 2008]. После этих слов эстонская делегация демонстративно покинула зал заседаний.

Любой форум есть площадка, где происходит обмен мнениями. Этот обмен может носить очень острый характер, но для того и осуществляются дискуссии, чтобы получить всю палитру мнений и суждений по тому или иному вопросу. Если же чужое мнение демонстративно игнорируется, то это следует расценивать или как неуважение, или как намеренную провокацию. Поскольку случай в Ханты-Мансийске был уже не первым, когда вместо дискуссий и глубокого анализа положения дел используются методы иного плана, постольку становится все более очевидной политизация так называемого «международного финно-угорского движения».

На наш взгляд, в последние годы наблюдается смещение интересов в области «финно-угорского сотрудничества» из сферы культурных обменов и культурных инициатив в сферу политики и логика действий президента Ильвеса, а также логика доклада Кетрин Сакс вполне соотносится со стремлением политизировать финно-угорскую тему. Подобный подход, конечно, чреват конфликтами, но не это главное. Главный вопрос, который возникает в связи с активизацией внешних акторов, - на кого ориентируются те круги за пределами России, которые хотели бы разыграть «финно-угорскую карту» в своих политических играх?

Ориентироваться можно лишь на этнические элиты и даже не на элиты в целом, а на наиболее радикально настроенные части этих или на тех, кто готов радикализироваться. Пример с марийским лидером В.Козловым в этом смысле весьма показателен.

Этнический национализм базируется на отрицании культурных прав личности и, прежде всего, свободы совести, права на культурную свободу. Личность рассматривается идеологами этнического национализма не как субъект права, а как субъект диктата над ней культурной группы. Поэтому столь важное значение в идеологических конструкциях этнонациональных организаций финно-угров занимают вариации на тему групповых прав.

Заключение.

Этнический национализм финно-угров как идейное течение зародился вместе с рождением национального романтизма. Особая роль здесь принадлежит финскому романтизму, который основывался на карельском фольклоре. В фольклорном наследии карел сторонники романтизма пытались найти культурные символы и идеалы для финского нациестроительства. Заимствуя культурные ресурсы на Востоке, финская культурная и политическая элита считала, что Финляндия принадлежит Западу и ее миссия состоит в том, чтобы распространить западное влияние на родственные народы, проживающие к востоку от Суоми.

Финское культурное и политическое влияние на лингвистически родственные восточные народы стало активно проявляться еще до обретения Финляндией государственной независимости. Ориентируясь на идеи финского национального движения, на территории Финляндии в 1906 г. был создан Союз беломорских карел (большая часть его членов была финнами), в публичных выступлениях членов которого высказывалась мысль о возможном объединении «всех финских племен» в составе Финляндии [Дубровская, 2007: 18]. Влияние Союза, деятельность которого эффективно блокировалась царскими властями, не было значительным, но способствовало постепенному распространению автономистских идей, в результате чего сразу же после февральской революции был

поднят «карельский вопрос» и появился проект конституции автономной Карелии. Однако решающую роль в стимулировании этнонационального движения на соседних территориях играли «финнизаторы», деятельность которых заключалась в распространении влияния финской культуры и лютеранской религии, в антирусской и антиправославной пропаганде на территориях, лежащих к востоку от Финляндии. Сначала «финнизаторы» вели панфинскую и лютеранскую пропаганду в Приладожской и Приграничной Карелии, а затем стали распространять свое влияние на Беломорскую и Олонецкую Карелию [Дубровская, 2002; Мусаев, 2007]. Идеиная борьба на названных территориях в предреволюционную эпоху приобрела весьма острый характер. Затем эта борьба перешла в открытое противостояние: после октябрьского переворота панфинскими силами были организованы и проиграны в Карелии и Ингерманландии «племенные войны» 1918-1922 годов [Мусаев, 2001].

В финских же кругах родились и идеи панфиннизма, о которых говорилось во вводной части нашего труда. Идея «Великой Финляндии», возникшая как культурное понятие, превратилась в политическую доктрину, которой руководствовались в 1920-1930-е гг. как правящие круги Финляндии, так и «красные финны». Поражение Финляндии как союзника гитлеровской Германии во второй мировой войне означало конец великофинляндского проекта, но не привело к окончательной девальвации паннационалистических идей.

Но на территории проживания российских финно-угров или в финской трактовке «восточнофинских народов» самостоятельной националистической идеологии и самостоятельного националистического движения не сформировалось ни до Октябрьского переворота, ни после утверждения власти большевиков. Даже деятельность «красных финнов», откровенно ориентировавшихся на националистические идеи, принципиально не изменила ситуацию. Вместе с тем, именно в советские годы началась политизация этничности и формирование условий для дальнейшего превращения этнических

категорий в политические конструкты и инструменты политической борьбы. Этому способствовал тот факт, что идеи этнического национализма были поддержаны большевиками и в первые же годы советской власти они реализовались в политической практике правящего режима: страна была преобразована из унитарного государства (хотя унитарность была весьма относительной) в этническую федерацию, для финно-угорских меньшинств создавались литературные языки и культурные институты, этничность приобрела форму не культурного, а политического маркера, поскольку стала фиксироваться в государственных документах, а политика государства в отношении представителей этнических групп разнилась в зависимости от того, какое место в установленной государством же культурной иерархии они занимали.

Этничность сохранила значение культурного и политического ресурса и позднее, когда более значимые большевистские идеи пролетарского интернационализма стали полностью преобладать в этнополитике, а на их основе родился концепт советского народа как «новой исторической общности людей». Границы национально-государственных образований становились условными и могли изменяться, но преференции для представителей этнических меньшинств, первоначально рассматривавшиеся как временная мера, сохранялись на протяжении всей советской эпохи (что не мешало властям последовательно преследовать национал-радикалов и осуществлять репрессии против целых этнических групп).

Укоренившиеся еще в советские годы «государственная этничность» и системная поддержка этнических меньшинств после краха коммунистической идеологии способствовал стремительной политизации этничности и становлению этнонациональных движений, лидеры которых под лозунгами «возрождения» этнических сообществ повели борьбу за культурное и политическое доминирование отдельных народов в пределах ранее созданных национально-государственных образований и за этническую сегментацию общества.

Парадокс современной ситуации внутри финно-угорского движения заключается в том, что с одной стороны оно переживает серьезный кризис, как на уровне общенациональных и региональных движений, так и на уровне транснациональном, но при этом нереализованный потенциал движений оказывается и ныне значителен. В настоящее время очевидной попыткой преодоления кризиса стало усиленное внимание этнонациональных лидеров к паннационалистическим идеям и субэтническим формированиям, к возрождению старых идентичностей. Значение этих идентичностей усиливается, несмотря на стремление некоторых политиков и экспертов (как отечественных, так и зарубежных) дать негативную оценку процессу переосмысления идентичностей (то есть по существу отрицать право свободного выбора идентичностей) и маркировать его как следствие деятельности отдельных политиков или неких деструктивных сил. В реальности, на наш взгляд, в процессе этнической и этнополитической фрагментации присутствует своя логика, связанная со сложными политическими и культурными трансформациями и в частности сопутствующему глобализации явлению, названному регионализацией, которую некоторые исследователи справедливо называют одной из наиболее важных составляющих процессов политической модернизации [*Weihe-Lindeborg* 2000: 15].

Что касается идеологических позиций, которые выработаны и отстаиваются этническими элитами российских финно-угров, то в них очень сильна культурологическая направленность, связанная с лингвистическим идеализмом. Перспективу развития финно-угров этнические активисты видят, прежде всего, в сохранении и развитии языков. Но это весьма узкий взгляд на проблему сохранения этничности и, вероятно, пути развития можно искать на других направлениях также, для чего необходимо пересмотреть идеологические конструкции и сугубо механистический взгляд на прогресс этнических сообществ, который состоит в фиксации численности и поддержании языковой компетенции представителей названных народов.

Фактически же политическая практика этнонациональных движений сама отвергает этот подход, ибо усиление процессов этнической фрагментации есть стремление к изменению культурных статусов отдельных этнических групп. За счет статусных изменений этнические лидеры намереваются улучшить в первую очередь социально-экономическое положение тех или иных этнических сообществ или их отдельных частей, что свидетельствует о первостепенной значимости именно социальных и экономических условий их жизнедеятельности. У этнических элит не хватает политического ресурса для того, чтобы обеспечить заметные и качественные сдвиги в экономическом и социальном положении групп, интересы которых они якобы представляют и отстаивают. Поэтому с одной стороны имеет место перманентный кризис этнонациональных организаций и движений, а с другой стороны все заметнее виден сдвиг в их идеологии. Происходит очевидный отказ от идеологии этнического национализма и усиление микронационализмов и паннационализма одновременно. Микронационализмы – это эрзянский и мокшанский национализмы, национализм горных и луговых марийцев, национализм коми-ижемцев и т.д. Политическая значимость его состоит в том, что локальная солидарность существенно выше общеэтнической, а потому и политическая мобилизация группы более эффективна и политический ресурс локальных этноэлит как это ни парадоксально выше, чем у общеэтнической элиты, ибо за одними лидерами видимая, осязаемая поддержка, а за другими – поддержка символическая и часто мнимая. Паннационализм есть, по сути, стремление к расширению группы солидарности и привлечению к решению региональных проблем внешних акторов. Эксплуатация идеи мифической надэтнической общности («Финно-угорского мира») - это лишь инструмент для привлечения внешних ресурсов (культурных, экономических, политических), которые обеспечивают региональным элитам поддержание их политического статуса и их политической роли внутри территориальных сообществ. Тот факт, что в результате сотрудничества в рамках Финно-угорского мира выгоды получают почти исключительно

этнические элиты (на реальном положении рядовых представителей этнических сообществ это сотрудничество никак не отражается в настоящее время) есть очевидное доказательство политического значения современного финно-угорского паннационализма.

Современный паннационализм не есть панфиннизм, но есть его продолжение (скорее его можно назвать панфинно-угризм). Многие из старых идей и культурных практик сохраняют свое значение и сегодня. Отголоски идеи Великой Финляндии, конечно, еще имеют место в политической и культурной практике. Примером тому может служить выставка, которая состоялась в Хельсинки. Она была организована Музее Культур и носила название «Карелия. На границе с Финляндией» (4.4.2008 – 4.1.2009). Выставка была посвящена беломорским карелам, ливвиковским карелам, карелам-людикам, тверским карелам, вепсам, ингерманландским финнам, саамам Кольского полуострова, русским Карелии, ижемским коми и русскому населению Поморья. На экспозиции впервые были представлены материалы, собранные финляндскими исследователями на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны. Название выставки «*Карелия. На границе с Финляндией*» и его финноязычный оригинал *Rajantakaista Karjalaa* (Карелия по другую сторону границы; Заграничная Карелия) имеет мало общего с простой трактовкой географической карты и более соответствуя некогда провозглашенным контурам Великой Финляндии, иллюстрируют тем самым иносказательность «карельской» темы. Символично и со смыслом было оформлено начало экспозиции - посетителя встречало знамя «Академического Общества «Карелия», которому приносили следующую клятву: «Под нашим знаменем и нашему знамени я клянусь всем, что мне дорого и свято, пожертвовать свой труд и свою жизнь во благо отечеству, во имя национального пробуждения Финляндии, ради Карелии и Ингрии, ради Великой Финляндии. Как правда то, что я верую в единого великого Бога, также правда [то], что я верю в Великую Финляндию и её великое будущее» (из текста клятвы «Общества») [AKS, 1933: 2].

Но в большей мере для современной финской «восточной политики» характерны не культурные акции с подтекстом великофинляндского проекта, а политическое и культурное культуртрегерство, которое было рождено названной идеей. В частности это государственная программа помощи восточнофинским народам (программа родственных народов), включающая различные мероприятия, суть которых состоит в поддержке этнических культур с особым акцентом на языковую политику. Среди проектов, которые связаны с системой жизнедеятельности, т.е. с решением проблем совершенствования и повышения эффективности сферы производства (иными словами, того, что позволяет финно-уграм обеспечивать свой душевой доход), можно назвать только проект, связанный с обеспечением хранения и переработки оленины и обменом опытом в сфере ведения оленеводческого хозяйства, который в основном финансируется российскими регионами.

В сфере сотрудничества с неправительственными организациями финансовое участие финской стороны и ее инициатива довольно масштабны. Но здесь финская сторона уподобляется властям российских регионов, которые превращают этнонациональные организации финно-угров в своих политических клиентов. Принципы либеральной демократии и политической конкуренции в этой сфере откровенно не признаются, поскольку они, вероятно, применимы лишь на Западе, в том числе в Финляндии. Попыткой прямого патронажа над общественными организациями финно-угров является реализация финляндско-российского проекта по обучению представителей неправительственных организаций (финансируется Фондом культуры Финляндии). Эта программа стартовала в 2006 г. и ее партнером в России является Ассоциация финно-угорских народов РФ. Целью программы является обучение активистов этнонациональных организаций «деятельности в сфере «укрепления демократии и многонационального общества, здравоохранения и социальной защиты, охраны окружающей среды, вопросов равноправия и прав человека, развития культуры и отдыха»

[Еджыдрочева, 2008: 13]. Правда, практических результатов от деятельности «повысивших свою квалификацию» активистов, как и прежде, нет.

Однако, принятие подобной программы и ее аналогов есть негласное признание неспособности активистов этнонациональных организаций к собственной созидательной работе и отрицание общественного характера их деятельности, поскольку общественные организации построены на самоорганизации и общественной инициативе. Кроме всего прочего, названная выше программа стала и признанием ограниченности политического ресурса этнических элит российских финно-угров. А выдвижение на руководящие посты в общественных объединениях государственных чиновников, которое становится доминирующей практикой, есть с одной стороны огосударствление этнических организаций, а с другой — попытка опереться на ресурс власти, поскольку реального политического ресурса у самих организаций уже не осталось.

Ограниченность политического ресурса этнических элит могла быть компенсирована за счет массовой поддержки их политической деятельности населением. Для этого требовалось организовать работу этнонациональных организаций таким образом, чтобы лидеры находились в постоянном диалоге с широкими слоями населения (как с представителями собственного этнического сообщества, так и с представителями территориального сообщества в целом), чтобы деятельность этнонациональных организаций строилась на принципах подлинной демократии, предполагающей участие каждого члена сообщества в политической жизни и политической деятельности организаций, призванных защищать его персональные культурные и политические интересы. Но этим путем подавляющее большинство этнических лидеров идти не захотели (исключение – Ханты-Мансийский округ). Они выбрали другой путь. Само возникновение этнонациональных организаций носило санкционированный характер, ибо стали возникать они только после пленума ЦК КПСС по национальному вопросу (1989 г.) и аналогичных пленумов Обкомов КПСС, проведенных в том же году. Изначально

многие организации (за исключением наиболее радикальных) опирались на организационную и финансовую поддержку местных властей, и эта поддержка имела решающее значение. Критика власти имела место со стороны деятелей данных организаций, но лишь до тех пор, пока она допускалась властями, как только власть выражала недовольство такой политической линией, этнические предприниматели занимали лояльную позицию по отношению к властям, т.е. выступали в роли политической клиентеллы. Это не случайно, ибо два десятилетия деятельности этнонациональных организаций российских финно-угров показали их полную неспособность к самостоятельной организационной и политической деятельности. Весь пафос их политической борьбы сводился лишь к тому, чтобы требовать от региональных и федеральных властей тех или иных форм поддержки этническим меньшинствам, предоставления им преференций и т.д. Ни один значительный форум финно-угров не был организован и проведен ими самостоятельно. Ни в одном из регионов, которые лидеры этих организаций называют «финно-угорскими», за годы деятельности этнополитических организаций не было предпринято значительных инициатив со стороны данных организаций, связанных с решением проблем национальной школы, аграрного производства, санации сельских поселений, где преобладают финно-угры.

Между тем в других регионах страны создавались в эти годы общественные институты, призванные стимулировать общественную инициативу самих сельских жителей с целью решения социальных и экономических проблем депрессивных сельских поселений. Эти институты искали спонсоров, подавали заявки в международные фонды и получали гранты для поддержки таких инициатив, создавали специальные институты для реализации идей, рождаемых на уровне отдельных поселений. В некоторых регионах создавались структуры, которые брали на себя задачу обеспечить сбор и реализацию продукции с личных подворий сельских жителей, что крайне актуально сегодня для финно-угров, которые, как указано выше, продолжают оставаться преимущественно

сельскими этническими сообществами. Во многих субъектах РФ общественные активисты стремятся создавать неправительственные фонды, которые решают проблемы образования, социальной поддержки и т.д. Опыт общественных инициатив в России весьма обширен, но эти инициативы оказываются вне сферы интересов этнополитических организаций финно-угров, которые, по сути, стоят «с протянутой рукой» и ждут, когда региональные и федеральные власти решат все проблемы, стоящие сегодня перед финно-угорскими народами.

Очевидно, что в таких условиях называть этнополитические и этнокультурные организации элементами гражданского общества, как это делают их лидеры, невозможно, ибо они не предназначены для самоорганизации граждан. Эти организации выполняют функцию политического посредника между властями и этническими группами в деле распределения ресурсов. Их скорее можно рассматривать как политических лоббистов. Можно, конечно, считать, что на изменения характера деятельности этнополитических организаций финно-угров оказало воздействие сужение сферы публичной политики в стране, ограничении публичного пространства для деятельности политических акторов [Ковалев, 2007], но в данном случае, на наш взгляд, не эти явления определили политическую трансформацию названных организаций. Именно изначально оформившиеся клиентские отношения с властью и изначально отвергнутые попытки демократизации этнополитических движений должны были в итоге привести к тому, что эти организации окажутся в полном подчинении властей. Это сознательный выбор их лидеров. В данной связи остается открытым поле для возникновения альтернативных этнополитических организаций, которые будут менее ангажированы и более свободны в своих действиях. Радикальная альтернатива вряд ли возможна, ибо она уже дискредитирована, но полностью исключать ее нельзя, ибо сфера публичной политики в последние годы в регионах существенно сузилась.

Весьма важно проследить и как менялась риторика этнополитических лидеров. На начальном этапе формирования этнонациональных организаций финно–угров в текстах выступлений этнических антрепренеров общераспространенными языковыми формулами, с помощью которых подтверждалась их политическая легитимность и оказывалось давление на власть, были формулы: «спасем наш народ» и «я выступаю от имени народа». Сегодня эти формулы в речах не используются. Но все чаще используются формулы «заставить» и «обязать», мало стало использоваться определение «родной народ», а часть представителей этнических сообществ, которые не проявляют этнической лояльности и выражают стремление самостоятельно определять свои культурные ориентиры, маркируется как «этнические отступники» или «культурные изменники». Для обозначения таких людей придумываются даже специальные уничижительные названия: в Удмуртии – это «мурлот» [Калинин, 2000; 116], в Коми – «кыдя роч» [Леэте, 2009: 120], а стремление к культурной свободе оценивается как девиация. Личность, проявляющая стремление к культурной свободе, изображается не только как ущербная, но и как социально опасная.

Этническая группа рассматривается как однородная статичная масса, имеющая одинаковые интересы и стандартные культурные нормы, передающиеся в неизменном виде от поколения к поколению, а потому важнейшее идеологическое значение для этнонациональных лидеров имеет концепт групповых прав. Выразителем групповых прав является этническая элита, и она же выступает в роли неких культуртрегеров (просветителей) для собственных народов.

Наиболее ярко названную позицию выразила Т. Клеерова которая заявила: «Многие карелы и вепсы до сих пор не видят смысла в изучении родных языков. Они не осознают, что утратив уважение к своим духовным истокам, сами существенно меняются. Опустевшие души людей, порвавших связи с родной культурой, заполняются нигилизмом, отрицанием всего и вся. Искажается личность...

В современном мире всеохватывающие процессы глобализации и стандартизации становятся мощным препятствием в сохранении традиционного образа жизни, языков и культуры малочисленных народов, ведут к потере собственного «я», нравственной деградации и духовному обнищанию представителей этих этносов. Мы должны приложить все усилия, чтобы помочь людям сберечь историческую память, свою национальную культуру и языки как непреходящие общечеловеческие ценности» [Клеерова, 2004: 7].

Воспринимая каждого представителя этнического сообщества не как свободную личность, наделенную культурными, социальными и политическими правами, а только как «статистическую единицу» культурной группы, идеологи этнонациональных движений, по существу, предлагают сделать из члена этнической группы «культурного раба», и наоборот – тех, кто не проявляет этнической лояльности и отрицает необходимость сохранять безусловную приверженность ценностям определенной этнической культуры, они пытаются оценивать как нравственно деградирующую личность, т.е. вместо научной доказательности прибегают к вульгарной морализации. Очевидно, что названная форма восприятия представителей культурной группы не только утопична и некорректна, но и не отвечает идее прав человека.

Сегодня представители почти всех этнических сообществ находятся в тесном и многостороннем взаимодействии с носителями иных культур и с продуктами, которые являются плодом творения многих народов, а потому обычные люди, живущие в таком культурном пространстве, не могут воспринимать этнических антрепренеров, твердящих об «уникальности культур финно-угров» и необходимости сохранить эту мифическую «уникальность» как реальных политических лидеров. А претензии этнополитических лидеров на культуртрегерство не были подкреплены кропотливой и повседневной культурной деятельностью среди населения, а потому миссия «просветителей» народов провалилась. Во всяком случае, сегодня очевидно, что *финно-угорские элиты потеряли*

народ-аудиторию и поэтому их лидеры столь часто говорят о «национальном нигилизме», пытаются привлекать внешние ресурсы и внешних политических акторов для поддержки своего статуса.

Идеи культурного строительства, которые пытаются пропагандировать этнические элиты, ориентированы на прошлое (историю, фольклор), но не нацелены на будущее. Поэтому позиции молодежи и этнических элит диаметрально расходятся, хотя все последние Всемирные финно-угорские конгрессы обращали особое внимание на молодежь. Не случайно организация МАФУН представляет собой аморфное и нединамичное образование, в которой формально числится небольшое количество малоинициативных молодых финно-угров. Остальная молодежь воспринимает многочисленные фольклорные фестивали и прочие культурные мероприятия с этническим содержанием как своеобразные шоу, являющиеся частью не этнических культур, а современной массовой, унифицированной культуры. При этом нынешняя молодежь осуществляет свою деятельность совершенно в другом культурном пространстве, нежели предыдущее поколение – в пространстве коммуникационных сетей. А сетевое пространство, на которое ориентирована молодежь, очень слабо освоено этническими антрепренерами, хотя язык и образы Сети вряд ли возможно локализовать так, как локализованы этнические культуры. Более того, ориентации на замкнутые культурные системы неизбежно разрушается самой логикой современной глобализации.

Но помимо названных обстоятельств, еще более значимым является тот факт, что попытки этнизации социального, политического и культурного пространства региональных сообществ, все более очевидно вступают в противоречие с процессами гражданской консолидации, которые начинают усиливаться в российском обществе.

Ярким свидетельством тому служат результаты опросов, проведенных в рамках проекта «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации», реализованного в 2008 году. К сожалению, по ряду причин опрос не удалось провести в

Карелии, поэтому из «финно-угорских регионов» в выборку попала только Республика Коми. Но даже результаты по Коми весьма показательны.

Статистически представительными по итогам опроса явились две этнические группы респондентов: русские и коми. Для представителей обеих групп гражданская идентичность оказалась значимым критерием. Так, было заявлено о том, что не ощущают принадлежности к России лишь 11,7% коми и 7,7% русских респондентов (соответственно 45,7% и 50,6% ощущают эту связь в сильной степени). При этом 23,4% коми и 32,4% русских согласны с тем, что граждане РФ составляют российскую нацию (соответственно 36,2% и 35,1% полагают, что в России нация возникнуть не может).

Самое показательное, что при достаточно критическом отношении к идее российской нации в целом, высказанном представителями двух основных этнических групп населения РК (что, вероятно, связано с недопониманием сущности подобного сообщества), **большинство** коми и русских готовы называть себя россиянами по национальности, т.е. идея гражданской солидарности и гражданского единства среди населения популярна и пользуется массовой поддержкой [Гончаров, 2008: 72]. Наши исследования зафиксировали и чрезвычайно высокую значимость общероссийской идентичности для коми-пермяков, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа [Шабает, 2005], а упомянутое выше исследование 2008 г. показало, что гражданская идентичность значима для всех этнических групп и во всех субъектах РФ, в которых оно проводилось.

Финно-угорский сегодня – это национализм этнических элит, а точнее узкого слоя элит, ориентированных на политизацию этничности. Сами финно-угры тесно интегрированы в общероссийский социум, что является следствием тесных многовековых культурных контактов между ними и другими этническими группами. Ориентация на тесное межэтническое взаимодействие и интеграцию является доминирующей в культурных позициях представителей финно-угорских народов. Поэтому половина браков между коми, карелами или мордвинами – это сегодня браки с представителями иных этнических

групп, а общероссийская идентичность в иерархии культурных идентичностей для многих является наиболее значимой.

Может ли в таких условиях апелляция к культурной уникальности, к сохранению самобытности и попытки формирования культурной дистанции между финно-уграми и остальным населением страны быть конструктивной. Опыт показал, что нет.

Поскольку названные этнонациональные организации финно-угров есть клиенты властей, от которых они полностью зависят, постольку политические изменения очевидно сказываются и на их позиционировании. Если прежде этнонациональные движения называли себя общественно-политическими организациями, то сегодня в большинстве случаев они переквалифицированы в «общественные организации», что связано с позицией властей, стремящихся к снижению уровня экстремистской опасности и усилению контроля за ситуацией в регионах.

Появление новых идентичностей и новых акцентов в деятельности этнонациональных движений преследует сугубо практические интересы, отсюда очевидно, что финно-угорское движение в целом должно стать более прагматичным, для чего есть реальные возможности. Сама эволюция финно-угорского движения в России подсказывает, что только очевидный эффект от деятельности этнонациональных организаций, их ориентация на практические интересы людей способны обеспечить этим организациям массовую поддержку. Вместе с тем, помимо того, что политическая практика движения должна носить более «прикладной» характер, необходимо сместить практическую деятельность из культурологической сферы, в сферу политическую и производственную, расширить спектр сотрудничества, что только и может служить реальной основой для формирования общепинноугорской солидарности, но не идентичности. Примером здесь может служить бретонское этнонациональное движение во Франции, лидеры которого особое внимание уделяют именно экономике и развитию инфраструктуры провинции Бретань [Дени: 2008: 212], полагая, что только так можно уравнивать шансы бретонцев в

культурном соревновании с представителями других общин. Впрочем, и многие объединения коренных малочисленных народов севера РФ идут именно по этому пути.

В своем приветствии Всемирному финно-угорскому конгрессу в Таллине от имени делегации Эстонии председатель правления учреждения «Фенно-Угрия» Март Мери заметил, что инициированная правительством Эстонской республики Программа родственных народов из программы поддержки может превратиться в свою противоположность, ибо молодые специалисты подготовленные в рамках программы, не находят себе применения или не возвращаются на родину. А происходит это потому, что названная программа сугубо культурологическая и не имеет прикладного характера, потому что проблема сохранения этничности рассматривается как узкая задача общего содействия развитию культурных институтов российских финно-угорских сообществ, а это уже явно не отвечает особенностям современной ситуации в регионах проживания российских финно-угров. Впрочем, другой западный специалист указывает, что почти все ненцы, ханты и манси, которых приглашали на учебу в Эстонию прервали свое обучение и вернулись на родину, поскольку не смогли адаптироваться к эстонской культурной среде [Тыну Сейленталь, 2009]. Стоит ли в этой связи финансировать эстонские вузы(равно как финские и венгерские), выдавая это финансирование за помощь восточным финнам и не имеет ли смысл оговаривать, что стипендии за счет государственных программ поддержки выдаются для обучения в вузах России с обязательным трудоустройством выпускников в своих республиках и округах. Иными словами, настало время переосмысливать формы культурного взаимодействия и приоритеты финно-угорского движения и внутри России, и вне ее.

Финно-угорский национализм — это этнический национализм, но как идеология он оказался незавершенным. Уже в силу этого обстоятельства пытаться классифицировать этот национализм с позиций теорий национализма, которые получили наибольшее распространение в социальных науках [Коротеева, 1991] не имеет смысла. Кроме того, идеологи финно-угорского движения, не отвергая прямо ключевых идей, которые были выработаны и широко пропагандировались в

предшествующие годы (этническое самоопределение, этнические палаты в парламентах, языковой ценз для занятия высших должностей в республиках), фактически признали их политическую несостоятельность. Тем самым идеологические построения продолжают меняться. Не меняются, однако, сами базовые основы этой идеологии: опора на принцип групповых прав, восприятие этнических сообществ как неструктурированных культурных целостностей, неприятие идеи культурной свободы и идеи территориального гражданского сообщества.

Свидетельством тому может служить интервью председателя Консультативного комитета финно-угорских народов В.Маркова журналу «Финно-угорский мир», в котором он следующим образом охарактеризовал «проблемы финно-угров», которые он считает на сегодняшний день наиболее актуальными: «Если коротко — проблемы ассимиляции и аккультурации, проблемы сохранения и развития родных языков. Обычно мы относим эти проблемы к финно-угорским народам России из-за чрезвычайной дисперсности их расселения. Но они актуальны и для других финно-угорских стран, даже, например, для благополучной, по нашим меркам, Финляндии. Многие финны уезжают в не менее благополучные в материальном отношении Норвегию и Швецию, а их рабочие места занимают выходцы из других стран, в том числе из Азии и Африки. Также чувствуется наступление массовой англоязычной культуры. По телевидению могут транслироваться американские фильмы без дублирования, лишь с финскими титрами, например. Знание языка — вещь, без сомнения, полезная, но не в ущерб национальной культуре» [*Интервью*, 2009: 6].

В данном интервью, как и в вышеприведенном высказывании Т.Клееровой просматривается та идея, по которой фактически достигнут консенсус у этнических антрепренеров: для сохранения этничности, финно-угорские группы должны замкнуться в себе, а стимулы для культурной конкуренции искать в «традиционных ценностях» (этнической религии, традиционной культуре, сельском образе жизни). Очевидно, что цементирующая идеологию «культурная ретроспектива» выражается не прямо, а косвенно через этноцентристские образы и морализаторство, а культурная свобода и рационализм намеренно маркируются как явления внешнего порядка, внутренне чуждые финно-уграм. Таким образом, финно-угорский национализм — это, по сути консервативная и этноцентристская идеология немодернизированных сообществ или точнее идеология периферийных элит, которым чужда и объективно невыгодна модернизация. Скорее

всего, именно глубокая модернизация России, если таковая состоится, приведет к окончательной дискредитации финно-угорского национализма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абашин Сергей Расизм, этнография и образование: вопросы и сомнения//Расизм в языке образования. СПб., 2008.
2. Абрамов В. К. Если немного пометчатъ// «Финно-угорский мир». 2008. №1.
3. Абрамов Николай Карельские девушки в купальниках по сцене не ходят//www.kominarod.ru
4. Аверин Игорь Великая Суоми стремится к Енисею //«Век», 8 – 14 ноября 1999 г., №39.
5. Александров О. Роль Республики Карелия во внешней политике и политике безопасности России//Россия перед глобальными вызовами: панорама региональных стратегий. Нижний Новгород и Цюрих, 2002.
6. Алексеев Ю.В., Манаков А.Г. Народ сету: между Россией и Эстонией. М., 2005.
7. Алпатов В. М. Что делать с малыми языками?//Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15-17 сентября 2005 г. Тарту, 2006.
8. Амелин В.В. Конфликты через призму местных сообществ. Оренбург, 2007.
9. Андерсон Бенедикт Воображаемые сообщества. М., 2001.
10. Апинян Т.А. Тоска по мифу или миф как событие современности//«Философские науки».2004. №11.
11. Арсеньев Н.М., Доленко Д.В., Юрченков В.А. Центр и периферия: история России или множества российских?// Финно-угорский мир: история и современность. Исторические и педагогические науки. Материалы II Всероссийской конференции финно-угроведов. Саранск, 2000.
12. Артеев Артур Мы выше политики...// «Молодежь севера». 16 августа 2007 г.
13. Архив новостей Информационного центра финно-угорских народов//www.finugor.ru/?q=search/node

14. Ассамблея народов России. Материалы учредительной конференции. М., 1999.
15. Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры России. СПб., 2000.
16. Барт Фредерик Введение//Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий/Под ред. Фредерика Барта. М., 2006.
17. Безносикова Л.М., Цыпанов Е.А. Лёкдёмён кывтö он видз ни кыпöд//Войвыв кодзув. 2005. №8.
18. Белицер В.Н. Очерки этнографии народов коми. М., 1958.
19. Бокин В.Н. Съезды мордовского народа как институт этнополитического влияния// Тезисы докладов Российской научно-практической конференции «Этнический фактор и политика. История и современность». Ижевск. 3-4 марта 2000 г. Ижевск, 2000.
20. Боришполец К.П. Национальное измерение глобального мира//«Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология».2001. №1.
21. Бочин Антон Манифестация идей// «Келшымаш», 19 августа 2005 г.
22. Бранч Майкл Размышления об общей истории уральских языков//Linguistica uralica. 1993. N1.
23. Бранчикова Мария Новая мордовская пятилетка// «Аргументы недели», 5-11 ноября 2009 г.
24. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.
25. Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму// «Социологические исследования».2009. №9.
26. Бэкман Иохан Фашистская оккупация советской Карелии в 1941-1944 гг. в финской литературе 1970-2000 гг.// «Север».2005. №7-8.
27. В Саранске стартовал фестиваль финно-угорских игр//www. finugor.ru
28. Вебер Макс Традиционное господство// «ПРОГНОЗИС. Журнал о будущем». 2007. №2(10).

29. Величко О.И. Австрийская нация – идея и реальность//Форум 2004. Нация и мир. М., 2004.
30. Воронков Виктор, Освальд Ингрид Постсоветские идентичности//Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб., 1998.
31. Галдия Маркус Языковое законодательство и предупреждение конфликтов// «Этнопанорама». 2004.№1.
32. Геллнер Эрнест Нации и национализм. М., 1991.
33. Гиртс К. Интегративная революция: Примордиальные сантименты и гражданская политика в новых государствах. СПб., 1998.
34. Гонин Л.М. Решения и рекомендации круглого стола «Финно-угорское движение России — 20 лет...»//www.kominarod.ru/gazeta/usernews/2009/11/11/usernews_2002.html
35. Голосов Г.В. Элиты, общероссийские партии и местные избирательные системы (О причинах развития политических партий в регионах России)//«Общественные науки и современность». 2000. №3; Голосов Г. Губернаторы и партийная политика// «Pro et Contra». 2000. №1.
36. Гончаров И.А. Шабаев Ю.П. Территориальная и социальная идентификация жителей Республики Коми (по материалам социологических исследований)//Формирование региональной структуры гражданского общества: социоэкономические и социокультурные аспекты. Материалы третьего северного экологического конгресса «Социальные перспективы и экологическая безопасность», 18-20 апреля 2007 г. Сыктывкар, 2008.
37. Гончаров И.А., Рожкин Е.Н., Шабаев Ю.П., Штраллер О.Ф. Полиэтническое сообщество в Республике Коми: пути и механизмы формирования межэтнического согласия, укрепления культуры толерантности и гражданской солидарности: Учебное пособие. Сыктывкар, 2008.
38. Григорьев Анатолий Предложения съезду карелов// «Карелия», 19 мая 2009 г.

39. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998.
40. Губогло М.Н., Сафин Ф.Г. Принудительный лингвизм. Социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920-1930-е годы. М., 2000.
41. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ// «Социологические исследования». 2004. №10.
42. Джаксон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах//Культура Русского Севера. Л., 1988.
43. Джерри Дэвид, Джерри Джулия. Большой толковый социологический словарь (COLLINS). Т. 1. М., 1999.
44. Декларация съезда Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации// «Парма». 1992. № 1.
45. Дени Мишель Бретонское политическое движение. Исторический обзор//Филиппова Елена Французские тетради. Диалоги и переводы. М., 2008.
46. Денисенко В.Н. Родной язык и этнос: коми и коми–пермяки//Материалы XXXVI международной филологической конференции. Выпуск 9. Уралистика. 12–17 марта 2007 г. Санкт–Петербург, 2007.
47. Диалоги об идентичности и мультикультурализме/под. ред. Елены Филипповой и Ронана Ле Коадика. М., 2005.
48. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М., 2008.
49. Добротворский Н. Пермяки. Бытовой и этнографический очерк//Вестник Европы. Год восемнадцатый. 1883. Т. II, кн. 3.
50. Доклад о человеческом развитии 2004. Культурная свобода в современном мире. М., 2004.
51. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов М., 1996.

52. Дубровская Е.Ю. Финны и карелы на страницах финляндской и русскоязычной периодики начала XX в.//Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионе. СПб., 2002.
53. Дубровская Е.Ю., Кораблев Н.А. Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии//Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2007. №10. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография.
54. Дука А. Политическая культура – поиски теоретических оснований//Антропология власти. Том. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006.
55. Дурдаева Татьяна В Мордовии завершился IV съезд финно-угорских народов России// «Известия Мордовии», 28 сентября 2009 г.
56. Егоров С.Б., Киселев С.Б., Чистяков А.Ю. Этническая идентичность на пограничье культур. СПб., 2007.
57. Еджырочева Светлана Проектная деятельность: путь к самореализации// «Финноугория. Этнический комфорт». 2008. №4.
58. Елинек М. О чешском языковом пуризме нового времени//Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. Книга II.М., 2006.
59. Ерофеев Константин Красные финны// «Север».2007. №1-2.
60. Жлуктенко Ю.А.. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.
61. Загребин А.Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006.
62. «Зеленые» обвиняют финнов в незаконных рубках леса//www. kominarod.ru
63. Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М., 2003.
64. Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб., 2006.

65. Иноземцев Владимир Россия должна подать заявку в Евросоюз// «Независимая газета», 12 мая 2004 г.
66. Инсарова Н. Родные языки – в каждую школу!// «Финно-угорская газета», №3(10), 28 февраля 2008 г.
67. Интервью с председателем Международного консультативного комитета финно-угорских народов, первым заместителем Председателя Государственного Совета Республики Коми Валерием Петровичем Марковым// «Финно-угорский мир». 2009. №1.
68. Исхаков Д.М. Модель Татарстана: «за» и «против»// Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Т.2.Современный национализм татар. М., 1998.
69. Казимов А.С., Никитина Т.Б., Попов А.А. К оценке этнических процессов у финно-угров Приволжского Федерального Округа (марийцы, мордва, удмурты, коми-пермяки)// Идентичность и меняющийся мир (Материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов), г. Ханты-Мансийск, Россия 2008 г.). Сыктывкар, 2008.
70. Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.
71. Кангаспуру Маркку Взлет и падение «красных финнов»// «Север». 1997. №11-12.
72. Канев А.С. Главное – спасение и возрождение этноса// «Веськыд серни», 25 октября 2000 г.
73. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.
74. Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск, 2005.
75. Кермас Ольга В традициях добрососедства//«Республика», 23 октября 2007 г.
76. Кирдя Ожомассонь Мадьяры пошли в атаку: а теперь Трансильвания//www.kominarod.ru/gazeta/news_slav/2008/02/27/russiannews_8042.yml

77. Кирдяшов В.Ф. О национализме в Республике Мордовия//Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всерос. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000.
78. Кирдяшов В.Ф. Всемирные конгрессы финно-угорских народов как фактор единения и конфликтности// «Финно-угорский мир». 2008. №1.
79. Кирьянен А.И. Перспективы сохранения финнов инкери как этнической общности//Финно-угорские народы и Россия. Таллин, 1994.
80. Киш Янош Вопрос о меньшинствах в новом мировом порядке//Центрально-Европейский ежегодник. Сборник статей и документов. М., 2003.
81. Клеерова Т.С. Мы сохраним родные языки//Современное состояние и перспективы развития карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия. Материалы научно–практической конференции 31 октября 2002 года. Петрозаводск, 2004.
82. Клементьев Е. Этнические проблемы//Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.2001. Бюллетень № 36.
83. Клементьев Е. Правовая защита национальных интересов миф или реальность// Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2002. Бюллетень №40.
84. Клементьев Е.И. Роль школы в сохранении языков// «Финно-угорский вестник». 2005. №39.
85. Клементьев Е. Республика Карелия в зеркале переписи 2002 г.//Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. М., 2007.
86. Клементьев Е.И. О праве и практике: языковой аспект в Республике Карелии// Идентичность и меняющийся мир (Материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов), г. Ханты-Мансийск, Россия 2008 г.). Сыктывкар, 2008.
87. Князева О.Р. Этнический фактор и политика. Ижевск, 2000.

88. Ковалев В.А., Шабаев Ю.П. Национальные движения финно-угорских народов России: конец идеологии?//Философская и правовая мысль. Вып.4. Саратов-Санкт-Петербург, 2002.
89. Ковалев В., Шабаев Ю. Этничность и согражданство (национальные движения в финно-угорских регионах РФ)// «ПОЛИС». 2004, № 4.
90. Ковалев В.А. Альтернатива безальтернативности? Заметки о трансформации политического режима в Российской Федерации// «Свободная мысль». 2007. №6.
91. Кокко Владимир Ингерманландские финны: будущее репрессированного народа//Финно-угорские народы и Россия. Таллин, 1994.
92. Кольев А.Н. Политическая мифология: реализация социального опыта. М., 2003.
93. Конаков Н.Д., Шабаев Ю.П. История этнографического изучения народов коми//Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007.
94. Конюхов А.К., Кузиванова О.Ю., Марков В.П., Цыпанов Е.А. Современная этнолингвистическая ситуация в Республике Коми (по результатам социологического исследования)//Межнациональные отношения как фактор стабильности в многонациональном регионе. Сыктывкар, 2003.
95. Конюхов А.К. Национальная идентичность финно-угорских народов// «Финно-угорский мир». 2008.№1.
96. Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.
97. Коренное население. Глобальное стремление к справедливости. Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1990.
98. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.
99. Костюк М.Е. Языковые войны: западные политические технологии// «Вестник Московского университета». Серия 12. Политические науки. 2009. №4.
100. Коузер Льюис Основы конфликтологии. СПб., 1999.

101. Кошелева Е.Ю. Этнические движения коренных малочисленных народов Севера на рубеже XX – XXI веков (Западносибирский регион). Автореф. канд. дис. на соиск. уч. степ. Канд. Ист. Наук. Томск, 2003.
102. Кудряшова Людмила Коми речь! Терпи родная...// «Финно-угорский вестник». 2005. №39.
103. Кузеев Р.Г. Демократия. Гражданственность. Этничность. М., 1999.
104. Кузнецова Маргарита Единый язык — единый народ (еще раз к вопросу о едином марийском литературном языке — взгляд со стороны)// «Финно-угроведение». 2008. №2.
105. Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937 гг. Ижевск, 1993.
106. Куликов К.И. Дело СОФИН. Ижевск, 1997.
107. Куликов К.И. Удмуртия – субъект России. Ижевск, 1999.
108. Кульшарипов М. Трагическая демография. Уфа, 2002.
109. Лаженцев В.Н. Экономический федерализм в теории и на практике// «Жизнь национальностей». 1996. №4.
110. Лайдинен Эйнар Националистическое движение в современной Финляндии// «Север». 1999.№2.
111. Лайне А. Национальная государственность в Карелии и Коми в период НЭПа//Kansallisuus ja valtio/Toim. A.Laine. Joensuu: Joensuun yliopisto, 1990 (Joensuun yliopiston julkaisuja, 5).
112. Лаллукка Сеппо Динамика изменения численности финно-угорских народов России после 1959 г.// “Нестор» №10.Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография. СПб., 2007.

113. Лаллукка Сеппо Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб, 1997.
114. Лапина Наталья, Чирикова Алла Региональная элита: тихая революция в российском масштабе//Россия перед глобальными вызовами. Панорама региональных стратегий. Нижний Новгород и Цюрих, 2002.
115. Ларюэль Марлен Еще раз к вопросу о классификации идеологических течений русского национализма//Русский национализм.: Социальный и культурный контекст. М., 2008.
116. Ле Коадик Ронан Мультикультурализм//Филиппова Елена Французские тетради. Диалоги и переводы. М., 2008.
117. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об автономизации//Полн. Собр. Соч. Т.45. М., 1986.
118. Леонтьев А.Е. Меря в Ростове//Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004.
119. Лэте Арт Идентитет в движении// Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. Вып. 5. Сыктывкар, 2009.
120. Лоусон Тони, Гэррод Джоан Социология. А – Я. Словарь-справочник. М., 2000.
121. Липатов А.Т. Легендарная Финноугрия. Йошкар-Ола, 2005.
122. Лебедева Надежда Роль культурных дистанций в формировании новых идентичностей//Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.
123. Лукин Ю.Ф. Статус Ненецкого автономного округа: анализ и возможные изменения// «Вестник Поморского университет» . 2003. Спецвыпуск.
124. Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
125. Майалл Хью Трансформация конфликтов: комплексная задача//Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007.

126. Майлз Роберт, Браун Малкольм Расизм. М., 2008.
127. Малахов Владимир Настоящее и будущее национальной политики в России// «ПРОГНОЗИС. Журнал о будущем». №3, осень 2006.
128. Малахов Владимир Этничность в большом городе//«Неприкосновенный запас». 2007. №1[051].
129. Малахов В.С., Осипов А.Г. Категория «этническое меньшинство» в российском публичном и законодательном дискурсах// «Мир России». 2008. №3.
130. Марков В.П., Попов А.А., Нестерова Н.А. Коренные народы (этнические меньшинства) в системе международного, национального и регионального права (на примере Республики Коми)//Идентичность и меняющийся мир (Материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов), г. Ханты-Мансийск, Россия 2008 г.). Сыктывкар, 2008.
131. Мартыненко А.В., Шилов Н.В. Республика Мордовия: тенденции этнодемографического развития//Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. М., 2007.
132. Мартынов В. Самоопределение — необходим ответственный подход// «Международная жизнь». 1993. № 7.
133. Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2001 года). Научно-статистический бюллетень/Составитель В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2002.
134. Мезак Эрнст Ижемцы оказались в бедных родственниках у язьвинцев// «Зырянская жизнь», 9 августа 2004 г.
135. Милецкий В.П. Введение в историю и теорию институтов конфликто разрешения. Опыт сравнительного анализа. СПб., 2002.
136. Михайлов Александр Неизбирательное право// «Итоги», 23 ноября 2004 г., №47 (441).

137. Мкртчян Н. Влияние миграции на изменение этнического состава населения России и ее регионов: предварительная оценка итогов Переписи-2002//Этническая ситуация в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга, 2004. М., 2005.
138. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире/Под ред. П.Бергера, С.Хантингтона. М., 2004.
139. Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос. Саранск, 1989.
140. Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993.
141. Мокшин Н.Ф. Целостность России – наш главный приоритет//Финно-угорский мир: история и современность. Исторические и педагогические науки. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Саранск, 2000.
142. Мордва. Историко-этнографический очерк. Саранск, 1981.
143. Мосин М.В. Единый мордовский литературный язык: за и против// «Финно-угорский мир». 2008. №1.
144. Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке. СПб., 2001.
145. Мусаев В.И. «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX – XX вв.)// Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2007. №10. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография.
146. Мусалев Григорий «Мордвин» - это страшное слово// «Эрзянь мастор», 30 января 2004 г.
147. Напалков А.Д. Национальный состав представительных органов государственной власти Коми АССР (1938-1990 гг.)//Национальные отношения на европейском северо-востоке: история и современность (социально-экономические, политические,

- культурные аспекты).Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 66. Сыктывкар, 2009.
148. Народный конгресс: Сборник материалов конгресса Народного фронта 1-2 октября 1988 г./ Сост. О.Оттенсон. Таллин, 1989.
149. Национализм в мировой истории/Под ред. В.А.Тишкова, В.А.Шнирельмана. М., 2007.
150. Национальное возрождение мордовского народа: состояние, проблемы и перспективы. Саранск, 2001.
151. Никитин В.И. Национальный вопрос и национальная политика России в начале XXI века// «Этнопанорама». 2001. №2.
152. Никифорова Елена Граница как фактор формирования этнической общности? (на примере сету Печорского района Псковской области)//Кочующие границы. Сборник статей по материалам международного семинара (Нарва, 13 – 15.11. 1998). СПб., 1999.
153. Ользина Реональда, Скрибник Елена, Кошкарева Наталья Как развиваться хантыйскому языку//«Мир Севера». 2007. №4.
154. Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2004.
155. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003.
156. Основные положения концепции государственной программы духовного возрождения финно-угорских народов (проект). СПб., 1993.
157. Патнэм Роберт Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
158. «Пермь для коми. Русские — вон из Пармы!» В интернете появилось провокационное обращение «коми фашистов»//http://kominarod.ru/gazeta/news_slav/2008/02/29/russiannews_8054.html
159. Перспективы реформирования аграрной политики России. М., 2004.

160. Пестей Филипп Между признанием и угасанием: корсиканский язык в дебатах между государством и регионом//Филиппова Елена Французские тетради. Диалоги и переводы. М., 2008.
161. Петро Н.Н. Взлет демократии: новгородская модель ускоренных социальных изменений. М., 2004.
162. Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М., 2000.
163. Повод Н.А. Социокультурная адаптация коми северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.
164. Положение о Министерстве национальной политики Республики Коми// «Республика», 27 декабря 2007 г.
165. Полуянов Н.А., Шабает Ю.П., Мальцев Г.И. Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития. М., 2000.
166. Пономарев К.А. К вопросу о национально-демократическом движении финно-угорских народов в XX веке//Мордовское национальное движение в XX веке. Саранск, 2003.
167. Попов А.А., Нестерова Н.А. Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века. Сыктывкар, 2000.
168. Попов А.А., Уварова Н.А. К вопросу формирования современного понятия «Финно-угорский мир»//Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004.
169. Попов Юрий Мультимедиа — новая жизнь родных языков// «Финно-угория. Этнический комфорт».2009. №3.
170. Пробуждение финно-угорского севера. Опыт Марий Эл. Т.1. М., 1996.

171. Пуллар Гордон Самоуправление коренных народов и политические институты на Аляске//Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003.
172. Прохоров Павел Какой язык доведет до Хельсинки// «Эксперт Северо-Запад». 28 мая – 3 июня 2007 №20 (322).
173. Резолюция V Всемирного конгресса финно-угорских народов// «Финно-угорский мир». 2008. №1.
174. Рекомендации Международной конференции «Проблемы обучения родным языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Теория и практика создания учебников и учебных материалов нового поколения»//Финно-угорский вестник. 2005. №39.
175. Репрессированные этнографы/Сост. Д.Д. Тумаркин. Вып. 1. М., 1999; Репрессированные этнографы/Сост. Д.Д.Тумаркин. Вып. 2. М., 2001.
176. Решение IV съезда коми народа Об участии коми народа в реформе государственной и политической системы общества//“Республика”, 28 декабря 1995 г.
177. Решетов А.М. Репрессированная этнография: Люди и судьбы. СПб., 1994.
178. Рихтер Е. Интеграция сету с эстонской нацией//Eesti talurahva majanduse ja oleme arenguooni 19. ja 20. sajandil. Tallinn, 1979.
179. Рогачев М.Б. Столица зырянского края. Сыктывкар, 2006.
180. Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков//Журн. Мин-ва внутр. Дел. 1858. Т.29, кн. 4.
181. Руднев В.В. Тинейджеры Шотландии. Гэльский язык в молодежной субкультуре//VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Оренбург, 2009.
182. Руководство Организации Объединенных наций для коренных народов. М., 2001.

183. Рупасов А.И. К истории советско-финляндских отношений второй половины 20-х - начала 30-х годов // Россия и Финляндия в XIX-XX вв. Историко-культурный контекст и личность. СПб., 1996.
184. Русских Наталья Ошибка в изложении// «Экспресс-неделя», 12-18 февраля 2004 г.
185. Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности. Этнический радикализм//«Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология». 2001. №4.
186. Рязанцев А.А., Одинцова А.А. Федеративные проблемы российской государственности// «Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология».2001. №1.
187. Сааринен Сиркка Проблемы формирования и развития финно-угорских литературных языков//Коми-пермяки и финно-угорский мир. Тезисы докладов и выступлений международной конференции. Кудымкар, 26-28 мая 1995 г. Сыктывкар, 1995.
188. Сабо Ф., Бортаньи А. Morbus hungaricus, или демографический кризис в Венгрии// «Социологические исследования». 2004. №11.
189. Савельев А.С. Демографические процессы в Коми-Пермяцком автономном округе и Пермской области в 60-80-е годы XX века//Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Вып.3, Часть3. М.-Сыктывкар, 2005.
190. Сануков Ксенофонт Финно-угристика о финно-угорских народах России: основные этапы и тенденции развития// «Финно-угроведение». №1. 2000.
191. Сануков Ксенофонт Марийцы: прошлое, настоящее и будущее. Йошкар-Ола, 1993.
192. Сарв Ыйе Выступление//III Всемирный конгресс финно-угорских народов 11-13 декабря 2000 года Хельсинки, Финляндия. Йошкар-Ола, 2001.
193. Севрук Сергей Коми сыграла «первую скрипку» при подготовке съезда финно-угорских народов// «Республика", 18 октября 2005 г.

194. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.
195. Сивкова Анна Пять дней в Эстонии// «Республика», 27 августа 2004 г.
196. Сивкова Анна Петер Домокош: «Историческая правда часто бывает неудобной!// «Республика», 30 октября 2009 г.
197. Сий Энико Очерк истории и важнейшие документы Всемирного конгресса финно-угорских народов//Сородичи по языку. Будапешт, 2000.
198. Сикевич З. О соотношении этнического и социального//«Журнал социологии и социальной антропологии».1999. Том II. №2 (6).
199. Силланпяя Л. Возрождение саамского народа: реакция правительства на самоопределение саамов//Расы и народы. Вып.28. М., 2002.
200. Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928-1938//«Этнографическое обозрение». 1993. №2.
201. Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. Национализм: теории и политическая история. М., 2006.
202. Смит Энтони Национализм и модернизм. М., 2004.
203. Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.-Ижевск, 2002.
204. Соколовский С. «Корни и крона (мистика и метафизика конструирования статуса «коренных малочисленных народов»)»//«Этнографическое обозрение». 2000. №3.
205. Соколовский Сергей Терминология и концептуализация этнонациональной политики в конституционном праве РФ//Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004.
206. Соколовский С.В.а Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов//Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2007.

207. Соколовский С.В.б Правовой статус и идентичность коренных народов (по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года)//Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 33. М., 2007.
208. Соколовский Сергей Российская антропология: иллюзия благополучия// «Неприкосновенный запас». 2009. №1 (63).
209. Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2009.
210. Сорокин Питирим Система социологии. Т. III. Сыктывкар: Библиотека альманаха «Рубеж», 1992.
211. Социально-экономическое положение Республики Коми. Доклад. 2003. Сыктывкар, 2004.
212. Стати Василе История Молдовы. Кишинев, 2003.
213. Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. М., 1994.
214. Сталин И.В. XII съезд РКП(б). Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве//Соч. М., 1947. Т5.
215. Степанов В.В. Научная экспертиза и законодательство о национально-культурном развитии России//Этнологи обществу. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006.
216. Строгальщикова З.И. Коренные малочисленные народы России в политике государства: формирование законодательства и его реализация в постсоветский период// «Финно-угорский мир». 2008. №1.
217. Суни Лео Трудные судьбы Ингерманландии//Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов/сост. Мауно Йокиппи. Ювяскуля, 1995.
218. Сурво А.А.а Уральский миф//Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. Вып. 5. Сыктывкар, 2009.

219. Сурво А.А.б «Основной миф»: финляндская реакция//Историческое произведение как феномен культуры. Вып.4. Сыктывкар, 2009.
220. Терюков А.И. Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х – начале 1930-х годов// Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997.
221. Теснин М.В. Феномен «неотрибализма» в контексте современной этнополитической жизни (конец XX – начало XXI). Автореф. канд. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
222. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994.
223. Тишков В. Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.
224. Тишков В. А. Казанские страсти//«Независимая газета», 4 октября 2002 г.
225. Тишков В.А. Переписи населения и конструирование идентичностей//На пути к переписи. М., 2003.
226. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
227. Тишков В.А.а Культурное многообразие в современном мире//«Этнографическое обозрение». 2005. №1.
228. Тишков В.А.б Как делаются провокации (по поводу положения финно-угорских народов России)//Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. №59 январь-февраль 2005 г.
229. Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев, 1985.
230. Тодышев Михаил Коренные малочисленные народы Севера и избирательная система в Российской Федерации//Участие коренных народов в политической жизни

- стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. Сборник материалов Международного круглого стола «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы» 12-13 марта 2003 года Москва. М., 2003.
231. Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., 2003.
232. Триандис Гарри Культура и социальное поведение. М., 2007.
233. Тыну Сейленталь: о финно-угорском сотрудничестве сотрудничестве и ижемском самоопределении//www.kominarod.ru
234. Удмурты. Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.
235. Уляшов Александр «Кыдья роч» Они стыдятся своего языка презирают все, что связывает их с родной нацией//www.kominarod.ru
236. Уляшев О.И. Орбм вужъясысь кыбн кыввор//Войвыв кодзув. 2005. №4.
237. Уяма Т. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе//Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Сборник статей. Саппоро, 2003.
238. Учайкина Т.И. Национальные движения финно-угорских народов России в 1989-1995 гг. (на примере Республик Карелия, Коми, Мордовия). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск, 1996.
239. Фарутин Андрей Под угрозой исчезновения// «Финно-угорский вестник». 2005. №39.
240. Фасмер Макс Этимологический словарь русского языка. Т.II. СПб., 1996.
241. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001.
242. Федеральный бюджет и регионы. Опыт анализа финансовых потоков. М., 1999.

243. Феномен Удмуртии. Т.2. Постигание суверенности: становление государственности Удмуртской Республики. Книга 1. Сфера законодательной власти. Москва-Ижевск, 2002.
244. Федянович Т.П. Исследования В.Н. Белицер по народам коми// очерки по истории этнографии коми. Сыктывкар, 2007.
245. Финно-угорская дубина России не грозит// "Молодежь Севера", 20 октября 2005 г.
246. Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М., 2003.
247. Филиппов В.А. Новейшее этнополитическое мифотворчество «национальной интеллигенции»//«Новая» Россия: социальные и политические мифы. Материалы российской межвузовской конференции. 22-27 ноября 1999 г. М., 1999.
248. Филиппова Елена Вместо введения. «Этническая» или «региональная» идентичность//Французские тетради. Диалоги и переводы. М., 2008.
249. Филологи убивают марийский язык //www.kominarod.ru
250. Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 183. М.,2005.
251. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008.
252. Финно-угорские регионы России. Статистический сборник. Сыктывкар, 1999.
253. Финно-угорские и самодийские народы России. Стат. сб. Сыктывкар, 2006.
254. Финно-угорский мир. Статистический сборник. Сыктывкар, 2004.
255. Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: Коллективная монография/Отв. ред. М.Г.Иванова. Ижевск, 1999.
256. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004.
257. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
258. Ханникайнен Лаури Действенность законодательства о правах национальных меньшинств и коренных народов на государственном и региональном уровне и его

- соответствие современным условиям// «Финно-угорский вестник. Информационный бюллетень». 2000. №3 (19).
259. Ханнум Х. Пределы государственного суверенитета и мажоритарного правления: меньшинства, коренные народы и их право на автономию // Расы и народы. Выпуск 24. М., 1997.
260. Хмел Рудольф Словацкая и венгерская правда в Европейском Союзе//Центрально-Европейский Ежегодник. Сборник статей и документов. Вып. 1. М., 2003.
261. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.
262. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе//Нации и национализм. М., 2002.
263. Хоперская Л. Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на юге России: 2000-2005 гг. Ростов-на-Дону, 2005.
264. Хрох Мирослав От национальных движений к сформировавшейся нации//Нации и национализм. М., 2002.
265. Цыпанов Е.А. Лексическое обновление в коми, удмуртском и марийском языках: общее и особенное//История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Материалы III Всероссийской конференции финно-угроведов (1-4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2005.
266. Цыпанов Е.А. Динамический аспект современных пермских языков (на материале лексики)// «Финно-угорский мир». 2009.№1.
267. Чагин Г.Н. Коми-язьвинские пермяки в этническом и социальном измерении// Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья. Материалы международной научно-практической конференции. Пермь, 2002.
268. Чемышев Андрей Как обучить компьютер «говорить» на родном языке// «Финно-угория. Этнический комфорт». 2009. №1.

269. Чемышев Э.В. Языческие религиозные движения и организации марийцев в 1990-е годы//Расы и народы. Вып. 29. М., 2003.
270. Чернявская Юлия Идентичность на фоне мифа// «Антропологический форум».2008. №8.
271. Четырева Л.Б. Русскоязычие нерусских: истоки и следствия// «Известия Самарского государственного университета. Серия «Гуманитарные исследования» Филология». Выпуск 1. 2008.
272. Чешко С.В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России// «Этнографическое обозрение». 1993. №6.
273. Чешко С.В. От советской этнографии к советской этнологии// «Этнографическое обозрение». 2005. №2.
274. Шабаев Ю.П. Идеология национальных движений финно-угорских народов и ее восприятие общественным мнением// «Этнографическое обозрение».1998. №3.
275. Шабаев Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М., 1998.
276. Шабаев Ю. Межбюджетные отношения и федерализм//Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.2002. Бюллетень № 42.
277. Шабаев Ю.П. Деэтнизация региональной политики и стратегия мультикультурализма (на примере Республики Коми)//Межнациональные отношения как фактор стабильности в многонациональном регионе. Сыктывкар: Министерство по делам национальностей РК, 2003.
278. Шабаев Ю. Ижемское «возрождение»//Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. Бюллетень №49.
279. Шабаев Ю. Кому нужны поморы?//Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.2003. Бюллетень №50.

280. Шабаев Ю. Коми движение и «финно-угорский мир»: каковы перспективы?// Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.2004. Бюллетень №55.
281. Шабаев Ю.П. Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и регионального// «Мир России». 2004.№3.
282. Шабаев Ю.П. , Савельев А.С. Положение коми-пермяцкого этноса в контексте развития финно-угорских народов России//Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы межрегиональной научно-практ. конф. Кудымкар, 2005.
283. Шабаев Ю.П. Логика противостояния//Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов № 60, март-апрель 2005.
284. Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Мальцев Г.И. Опыт национально-государственного строительства у коми-пермяков: историко-социологический анализ// «Отечественная история». 2005. №1.
285. Шабаев Ю.П. III съезд АФУН: назад в будущее//Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов №63, сентябрь-октябрь 2005.
286. Шабаев Ю.П. Новые идентичности у финно-угров как политические инструменты// «Этнографическое обозрение». 2006. №1.
287. Шабаев Ю.П. Нефть и политика на европейском севере РФ//Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов №67, май-июнь 2006.
288. Шабаев Ю.П. Этносоциальные последствия объединения регионов (из опыта формирования Пермского края)// «Социологические исследования». 2006. №3.
289. Шабаев Ю.П. Республика Коми: этническая ассимиляция или культурный плюрализм?//Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. М., 2007.

290. Шабаяев Ю.П., Чарина А.М. Региональные этноэлиты в политическом процессе (финно-угорское движение: становление, эволюция, идеология, лидеры). Сыктывкар, 2008.
291. Шаров В. В преддверии внеочередного съезда марийского народа//Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2002. Бюллетень №42.
292. Шаров В.Д. Марийцы в Республике Марий Эл: депопуляция или несовершенство переписи?//Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. М., 2007.
293. Шаров Константин Проблема классификации этнического национализма//«Антропологический форум». 2006. №5.
294. Шаскольский И.П. Д.В.Бубрих и советское финно-угроведение//Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб., 1994.
295. Шевченко Кирилл Война славян и финно-угров//www.kominarod.ru
296. Шнирельман Виктор Ценность прошлого//Реальность этнических мифов. М., 2000.
297. Шкляев Г.К. Бесермяне. Опыт этностатистического обследования//О бесермянах. Сборник статей. Ижевск, 1997.
298. Шкляев Г.К. Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск, 2003.
299. Шлее Гюнтер Управление конфликтами: теория и практика. М. 2004.
300. Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии современной России// «Этнографическое обозрение». 2003. №4.
301. Шнирельман Виктор Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика//Реальность этнических мифов. М., 2000.
302. Штомпка П. Социальные изменения как травма// «Социологические исследования». 2001. №1.

303. Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки. Материалы. Документы/Составитель Ю.П.Шабает. Т.1. М., 1994.
304. Шучалина Дарья Большие планы финно-угров// «Красное знамя», 8 июля 2008 г.
305. Щербакова Татьяна Ассоциация финно-угорских народов и перспективы развития этноориентированных организаций в XXI веке//«Рубеж. Альманах социальных исследований».2003. №18.
306. Эмерсон Майкл Формирование политических рамок Большой Европы// «Современная Европа». 2004. №3.
307. Эстония. Энциклопедический справочник. Таллинн, 2008.
308. Эрнан Франсуа Неизбежно ли исчезновение языкового разнообразия?// «Этнопанорама». 2004. №1.
309. Эстонцы бежали из Ханты-Мансийска//www.km.ru/magazin/view.asp?id
310. Юссила О., Хентвиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М. 1998.
311. Юрченко В.А. Масторова: основные тенденции развития// «Этнографическое обозрение».1994. № 4.
312. Яналов В. Финно-угорский мир: состояние, тенденции// «Финно-угорский вестник. Информационный бюллетень».1998. №2(11).
313. Янов А.Л. Россия против России: Очерки истории русского национализма: 1825 -1921. Новосибирск, 1999.
314. Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. М., 2007.
315. Яшина Р. О путях и методах восстановления национального менталитета удмуртов// Финно-угорские народы и Россия. Таллинн, 1994.
316. AKS: Päämäärät ja toiminta. Helsinki: Akateeminen Karjala-seura, 1933.
317. Auer V., Jutikkala E. Finnlands Lebensraum: das geographische und geschichtliche Finnland / Als sachkundiger in philologischen und ethnographischen Fragen Kustaa Vilkkuna. Berlin: Metzner, 1941.

318. Barth Frederik. Introduction//The Role of the Entrepreneur in Social Change in Northern Norway/ed. F.Barth. Bergen-Oslo, 1963.
319. Bell D. The End Ideology: On The Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Harvard University Press, 1988.
320. Breuily J. Nationalism and the State. Manchester, 1982.
321. Brubaker, Rogers Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge University Press. 1997.
322. Calhoun, Craig Nationalism. Buckingham: Open University Press. 1997.
323. Cohen A. Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Town. London, 1969.
324. Eriksen, Thomas Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London – Sterling, Virginia; Pluto Press, 1999.
325. Esman M. Ethnic Politics. New York: Cornell University Press, 1994.
326. Fairclough, Norman Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, 2003.
327. Fishman, Joshua The primordialist–constructivist debate today: the language–ethnicity link in academic and in everyday–life perspective//Ethnonationalism in the Contemporary World. Walker Connor and the Study of nationalism/Ed. by Daniele Conversi. London and New York: Routlege, 2004.
328. Greenfield, Lian. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, London.1993.
329. Haavio V. Bjarmien vallan kukoistus tuho: historia ja runoutta/Runot Suomentanut Aale Tynni. Porvoo: WSOY, 1965.
330. Jutikkala E. Geschichte Finlands. Stuttgart. 1964.
331. Kress G.R. and Hodge R. Language as Ideology. London: Routledge, 1979.
332. Kymlicka, Will and Ian Shapiro Intorduction//Ethnicity and Group Rights/ed. by Ian Shapiro & Will Kymlicka. New York and London: New York University Press, 1997.

333. Law, Setha M. (ed.) *Theorizing the City: The New Urban Anthropology Reader*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1999.
334. Marion, Iris *Deferring Group Representation// Ethnicity and Group Rights*/ed. by Ian Shapiro & Will Kymlicka. New York and London: New York University Press, 1997.
335. Matsuzato K. *Local Elites under Transition. County and City Politics in Russia 1985-1996//Europa-Asia Studies*, 1999. №4.
336. Özkirimli, Umut *Theories of Nationalism. A critical introduction*. New York: Palgrave, 2000.
337. Parekh, Bhikhu *A new politics of identity: political principles for an independent world*/ Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2008.
338. Renvall P. *Neuvosto-karjalan suomalaisuuden kriisin alkuvaiheista//Historiallinen Aikakauskirja*, 1944. Neljäskymmenes vuosikerta. *Sota-ajan propagandalauluja//Yle.Fi Elävä arkisto//www.yle.fi/player/player.jsp?name=EL%E4v%+arkisto%2F02703* 3
339. Rothschild J. *Ethnopolitics: A conceptual framework*. N.Y.: Columbia University Press, 1981.
340. Saarinen, Sirkka *The myth of a finno-ugrian community in practice//Nationalities papers*, Vol. 29, No. 1, 2001.
341. Salminen, Timo *In between research, the ideology of ethnic affinity and foreign policy: The Finno-Ugrian Society and Russia from 1880s to the 1940s//The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society/Ed. By Jussi Ylikoski. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 258. Helsinki:Societe Finno-Ougrienne, 2009.*
342. Shabaev Juri P. and Zherebtsov I.L. *National Development and Politic in the Finno-Ugric republics of Russia//National identities and ethnic minorities in Eastern Europe.Selected Papers from Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warshaw, 1995/ Ed. Ray Taras, London: Macmillan Press LTD , 1998.*

343. Shabaev Iurii Peculiarities of Nation-Building in the Republic of Komi//Nation-Building and Common Values in Russia/Ed. By Pål Kolstø and Helge Blakkisrud. Lanham-Boulder-New York-Toronto-Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, INC., 2004.
344. Statistikaamet avaldab majutusettevutete statistikat ka maakonniti//www.gatekeeper.stat.ee:8000/px-web.2001
345. Taagapera, Rein The Finno-Ugric Republics and the Russian State. New York: Routledge, 1999.
346. Theories of Ethnicity. A Classical Reader/Ed. by W. Sollors. New York, 1996.
347. Weihe-Lindeborg Lisbeth Europe of the Regions – a Growing Reality//Structural Change in Europe. Innovative Cities and Regions. Bollshschweil: Hagbarth Publications, 2000.
348. Wixman R. Applied Soviet National Policy: A Suggested Rationale, Turco-Tatar Past Soviet Present/Ed. By Ch. Lemerrier-Quelquejay, G. Veinstein and S.E. Wimbush. Paris: Ecole des Hautes Etudes eu Sciences Sociales, 1986.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Резолюция IV всемирного конгресса финно-угорских народов

IV Всемирный конгресс финно-угорских народов заявляет, что его главной задачей является сохранение и развитие финно-угорских и самодийских народов и их культур как части достояния всего человечества. Всемирный конгресс сознаёт, что решение проблем ассимиляции и утраты национальной самобытности в основном зависит от политики государств и от отношения молодежи к своей культуре, языку и истории.

Конгресс констатирует, что защита прав человека, коренных народов и национальных меньшинств является вопросом не только внутренней политики страны, но и всего международного сообщества. Поэтому важно, наряду с включением международных стандартов прав человека и прав национальных меньшинств в национальное законодательство, использовать механизмы международно-правовых инструментов, не требующих ратификации государствами и обладающих прямой юридической силой.

Перспективным в этом отношении представляется сотрудничество всех стран через различные международные организации, прежде всего Совет Европы и ОБСЕ, а Венгрии, Финляндии, и Эстонии – в рамках Европейского Союза.

В последнее время наблюдается сокращение численности большинства финно-угорских и самодийских народов, сужается сфера применения их языков. Прежде всего потери понесло молодое поколение там, где оно лишено возможностей социализации в собственных национальных культурах.

Исходя из сложившейся ситуации, Конгресс считает необходимым принятие следующих мер:

В области этнополитики и права:

1. Конгресс поручает Консультативному комитету обратиться к Комиссару по правам человека Совета Европы с ходатайством о создании постоянного форума по вопросам коренных народов и национальных меньшинств Европы.
2. Конгресс поручает Консультативному комитету выступить в роли координатора по мониторингу выполнения международных обязательств по защите прав человека, коренных народов и национальных меньшинств в странах проживания финно-угорских и самодийских народов.
3. Конгресс призывает Венгрию, Россию, Финляндию, Эстонию и другие государства, в которых традиционно живут финно-угорские и самодийские народы, ратифицировать Конвенцию № 169 Международной Организации Труда "О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах". До ратификации данной конвенции необходимо совершенствовать законодательную базу для обеспечения

указанных в ней прав – прежде всего права пользования природными ресурсами, включая полезные ископаемые.

4. Конгресс обязывает Консультативный комитет финно-угорских и самодийских народов укреплять сотрудничество с международными организациями, занимающимися правами человека, национальных меньшинств и коренных народов, с активным привлечением в этот процесс молодежи.

5. Конгресс поручает Консультативному комитету создание сети молодежных информационно-правовых центров для изучения национальных законодательств и международных норм по защите прав человека, коренных народов и национальных меньшинств.

6. Конгресс обеспокоен отсутствием в таком многонациональном государстве, как Россия, федерального государственного органа, координирующего национальные и межнациональные отношения, и призывает Правительство Российской Федерации воссоздать министерство по делам национальностей.

7. Конгресс выражает озабоченность процессами, ведущими к упразднению национальных автономных образований. Он поручает Консультативному комитету вести мониторинг последствий объединения Коми-Пермяцкого автономного округа с Пермской областью.

В области языковых прав и образования:

1. Конгресс считает, что права финно-угорских и самодийских народов должны основываться на международных нормах, включая Европейскую хартию о защите региональных языков и языков меньшинств, и призывает государства, еще не ратифицировавшие указанный документ, сделать это возможно скорее.

2. Конгресс призывает парламенты и правительства Венгрии, России, Финляндии, Эстонии и других государств, в которых традиционно живут финно-угорские и самодийские народы, продолжить сотрудничество в области государственной поддержки языков и культур финно-угорских и самодийских народов.

3. Конгресс поручает Консультативному комитету содействовать созданию базы данных о положительном опыте в образовательном и учебно-воспитательном процессе и внедрению такого опыта при обучении детей родным языкам с использованием современных образовательных технологий.

4. Конгресс поддерживает деятельность по подготовке и переподготовке кадров для финно-угорских и самодийских регионов ведущими образовательными центрами Венгрии, России, Финляндии, Эстонии. Он обращает внимание органов управления этих регионов на необходимость более эффективно использовать потенциал национальных кадров.

5. Конгресс обращает внимание на продолжающуюся утрату родных языков финно-угорскими и самодийскими меньшинствами. Для сохранения народа недостаточно школьного преподавания национального языка лишь в качестве отдельного предмета. Необходимо расширение сети национальных школ, а в качестве первого шага – увеличение в учебном плане числа часов преподавания национального языка.

6. Конгресс выражает несогласие с практикой закрытия так называемых малокомплектных школ на территориях проживания финно-угорских меньшинств.

В области культуры:

1. Конгресс считает необходимым продолжить практику проведения международных фольклорных, этнофутуристических и театральных фестивалей, дней родственных народов, празднования юбилейных дат.
2. Конгресс поручает Консультативному комитету оказывать содействие книгоизданию на языках народов уральской языковой семьи.
3. Конгресс рекомендует усилить работу по организации молодежных мероприятий с целью изучения языков и культурного наследия и освоения современных образцов народного искусства.
4. Конгресс считает необходимым сохранение традиционной культуры и передачи ее молодым поколениям с помощью современных технических средств.

В области демографии, здравоохранения и экологии:

1. Конгресс подчеркивает, что государство должно обеспечить каждому человеку право на получение репрезентативной информации о своем этносе в соответствии с нормами государственной статистики.
2. Конгресс считает необходимым организовать международный обмен данными (включая проведение научных конференций и т.д.) по здоровью финно-угорских и самодийских народов, проблемам сохранения окружающей среды, использования природных ресурсов и выработке соответствующих рекомендаций государственным органам.
3. Конгресс поручает Консультативному комитету провести научно-практический семинар по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.

В области СМИ и информационных систем:

1. Конгресс поручает Консультативному комитету активизировать работу по обмену информацией и развитию собственных СМИ и баз данных, в том числе электронных, для создания единого информационного пространства по проблемам экологии, здравоохранения, образования и культуры.

2. Государственные структуры должны обеспечивать народам на их родном языке современные СМИ, освещающие все области жизни и доступные максимально широкой аудитории.

Конгресс рекомендует Консультативному комитету организовать в 2006 г. международную конференцию финно-угорских и самодийских народов для анализа промежуточных результатов выполнения рекомендаций настоящего Конгресса, с широким освещением ее итогов в средствах массовой информации.

Конгресс поручает Консультативному комитету рассмотреть обращения, замечания и предложения, поступившие в адрес Конгресса.

Конгресс отмечает, что обнадеживающим событием стало присоединение к Европейскому Союзу Эстонии и Венгрии. Развивающийся диалог между Европейским Союзом и Российской Федерацией также открывает новые перспективы для сотрудничества между всеми финно-угорскими и самодийскими народами. Активное вовлечение в эти процессы молодежи придает новый импульс всему нашему движению.

Tallinn, 19.08.2004

Резолюция

III съезда финно-угорских народов Российской Федерации

14 октября

2005 г. г.

Москва

Мы, делегаты III съезда финно-угорских народов Российской Федерации, заслушав доклад Исполнительного комитета Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов РФ» и выступления делегатов и участников Съезда, констатируем, что:

- после II съезда финно-угорских народов Российской Федерации, состоявшегося в 1995 году в Кудымкаре (Коми-Пермяцкий автономный округ), работа Ассоциации финно-угорских народов практически прекратилась. Это было связано, прежде всего, с активной работой международного Консультативного комитета финно-угорских народов, организующего, совместно с органами власти финно-угорских регионов России, реализацию программ финно-угорских стран - Финляндии, Венгрии и Эстонии по поддержке в России родственных народов, содействующих развитию их

культуры, укреплению сотрудничества между всеми финно-угорскими народами;

- в последние годы стали проявляться негативные тенденции к излишней централизации

властных полномочий. При признании в Конституции РФ права народов на самоопределение, однозначно трактуемого в международном праве как «права свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие», политические реформы последнего времени ведут

к формированию механизмов «управляемой» демократии, усилению роли партий в создании федеральных и региональных структур власти. Такая политика, при отсутствии в настоящее время правовых механизмов, обеспечивающих достойное представительство коренных народов и национальных меньшинств в выборных органах власти, значительно сократила возможность эффективного участия представителей финно-угорских народов в структурах власти, их влияния на решения, принимаемые органами власти и управления на всех уровнях;

- продекларированная в этих условиях на федеральном уровне задача формирования общероссийской идентичности как основы для консолидации многонационального народа России в единую политическую нацию была воспринята частью политической элиты как сигнал для устранения этничности из всех сфер общественной жизни страны.

Это отразилось:

- в принятии федеральной властью решений, лишаящих общественные объединения народов права выдвигать напрямую своих кандидатов в выборные органы, что

ограничивает

возможности защиты этнических меньшинств политическим методами;

- на праве, предусмотренным Конституцией РФ, на указание своей национальной принадлежности в документах, удостоверяющих личность;
- на сокращении показателей в государственной статистике в этническом разрезе;

в упразднении федерального органа власти, ответственного за реализацию Концепции Государственной национальной политики РФ и действующего законодательства по защите коренных народов и национальных меньшинств;

- в присоединении ряда автономных округов, созданных в 1930-е годы с целью содействия национальному развитию малочисленных коренных народов, к более крупным административным образованиям без четко определенных гарантий вновь созданными субъектами федерации по выполнению конституционных обязательств по сохранению и развитию их языков и культур;

- Все вышеперечисленное значительно подорвало складывавшуюся систему государственного регулирования межнациональных отношений, необходимость которой объективно обусловлена многонациональным характером российского государства. Это послужило основанием для ликвидации структур, ответственных за государственную национальную политику в некоторых регионах проживания финно-угорских народов, переориентации их деятельности на организацию национальных праздников и формальную поддержку существующих на местах лояльных власти национально-культурных организаций, оставляя без внимания социально-

экономическое развитие мест их традиционного проживания в интересах развития местных сообществ;

- Положение финно-угорских народов, являющихся меньшинствами на территориях своего исконного проживания, стало во многом зависимым от установок на национальную политику региональных властей и используемых ими методов по её реализации и активности общественных организаций, выступающих в защиту интересов финно-угорских народов. Это подрывает конституционный принцип равенства прав народов России, создавая ситуацию фактического неравенства в реализации законных этнокультурных потребностей как между разностатусными народами и этническими меньшинствами, так и между группами одного народа, проживающими в различных регионах. Наиболее уязвимыми в такой ситуации оказались некоторые малочисленные народы, не имеющие возможностей для самосохранения этнической общности собственными усилиями и каких-либо механизмов защиты своих интересов во властных структурах всех уровней;
- В связи с этим, перед финно-угорской общественностью встала настоятельная необходимость собрать настоящий Съезд представителей финно-угорских народов для обсуждения сложившихся проблем и поиска адекватных путей их решения, требующих усиления координации между российскими региональными общественными организациями и объединениями, выступающим за соблюдение прав и свобод финно-угорских народов, усиления их взаимодействия с федеральными и

региональными
органами власти.

Обсудив и проанализировав сложившуюся ситуацию, съезд решил:

1. Активизировать работу Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации с целью защиты прав и интересов народов и этнических меньшинств России; привлекать для работы в Ассоциации представителей молодежи;
2. Поддержать инициативу по организации при Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации общественного экспертного Совета из представителей научной интеллигенции финно-угорских народов для подготовки научных заключений о состоянии межнациональных отношений в финно-угорских регионах России, определения факторов, оказывающих негативное влияние на этническое развитие финно-угорских народов и вызывающих сокращение их численности. Информировать широкую общественность, представителей власти об итогах исследований и рекомендациях по предотвращению депопуляции финно-угорских народов;

3. Развивать дальнейшее сотрудничество с международными и российскими организациями, в том числе с неправительственными, деятельность которых содействует этническому развитию финно-угорских народов, укреплению сотрудничества между родственными народами, защите их законных интересов;
3. Предложить свою кандидатуру от Ассоциации в состав Общественной палаты РФ и в состав Национального комитета по подготовке и проведению Второго десятилетия коренных народов мира, объявленного ООН на 2005-2015 г.;
4. Инициировать диалог со всеми заинтересованными сторонами на предмет урегулирования вопросов оценки и возмещения ущерба исконной среде обитания и традиционному образу жизни, вызванного промышленным освоением природных ресурсов;
5. Рассмотреть возможность издания общероссийской финно-угорской газеты;
6. В течение месяца разработать план действий на период 2005-2008 гг., исходя из решений и предложений делегатов съезда.

Рекомендовать Правительству РФ и органам государственной власти и управления субъектов РФ:

1. Внести в Государственную Думу проекты федеральных Законов:
«Об уполномоченном по правам народов РФ»;

«О ратификации Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств» Совета Европы, подписанной Правительством России 10 мая 2001 года;

«О статусе представительных органов народов РФ»;

а также поправки, вводящую понятие «коренные народы»; изменяющую статус «малочисленных» коренных народов, ограничивающуюся численностью не более 50 тыс. человек; поправки в Закон РФ «Об общественных объединениях».

2. В целях усиления государственного регулирования межнациональных отношений создать федеральный орган исполнительной власти по федеративной политике и межнациональным отношениям, соответственно укрепив его квалифицированными кадрами, в т.ч. представителями субъектов Российской Федерации;
3. Восстановить строку в бюджете РФ «Государственная национальная политика». Учитывая, что значительная часть финно-угорского населения России проживает за пределами своих национально-государственных и национально-территориальных образований, предусматривать в бюджете страны целевые средства для поддержания и развития культур, языков и традиций финно-угорских народов через федеральные целевые программы профильных органов исполнительной власти;
4. Поручить Министерству регионального развития РФ:
 - организовать с участием национальных общественных организаций мониторинг по выполнению действующего федерального и регионального законодательства по

коренным народам, соблюдение прав на уровне международных стандартов;

подготовить, при участии Исполнительного комитета Общероссийского общественного

движения «Ассоциация финно-угорских народов РФ», целевую федеральную программу «Национально-культурное развитие финно-угорских народов Российской Федерации»;

- оценить ход реформы местного самоуправления, итоги так называемой оптимизации финансирования бюджетных учреждений, с целью не допустить ликвидации малокомплектных школ в местах традиционного проживания финно-угорских народов;

разработать механизм диалога между коренными народами и заинтересованными сторонами с целью подготовки программ экономического развития регионов, проведения государственных и общественных экологических и этнологических экспертиз, предусматривающих, в том числе вопросы занятости в традиционных отраслях хозяйствования и развития сельскохозяйственного производства;

5. Поручить Министерству образования РФ, совместно с общественными национальными организациями финно-угорских народов и научной общественностью, обсудить Концепцию модернизации образования с целью определить ее влияние на положение языков народов, которые вследствие быстрой ассимиляции могут в настоящее время изучаться в рамках школьной программы, лишь как предмет, а также в тех поселениях, где изучение родного языка на настоящий момент не ведется;

6. Поручить Министерству культуры и массовых коммуникаций РФ:

- рассмотреть вопрос об увеличении сетки теле- и радиовещания ВГТРК на национальных языках;
- информировать о работе по созданию Единого свода культурного наследия финно-угорских и самодийских народов, к работе над которым, по заявлению руководителя делегации Российской Федерации на IV Всемирном Конгрессе финно-угорских народов, приступило Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ;

7. Поручить Государственному комитету по статистике возобновить ежегодный статистический учет социально-экономических и демографических показателей для финно-угорских народов и этнических групп, находящихся в стадии депопуляции.